

«Третья красная няня»
ногий иностранца и его ру
Анна Королева
самой няни.

Людмила Королева

Вечно молодой хозяйки
Вечно озабоченная че
Скандалы и шенны...

Он позвонил вечером.
Я как девчонка запрыгала на
одной ноге: позвонил,
позвонил, ура!

Людмила Валентиновна Королева

Соло для няни

«Прекрасная няня» в доме состоятельного иностранца и его русской супруги.

Ад для всех — и для родителей, и для самой няни.

Вечно занятой хозяин...

Вечно озабоченная чем-то хозяйка...

Скандалы и сцены...

Однако, няня нового поколения — тоже далеко не Мэри Поппинс и не персонаж «любимого народного сериала».

Она НИ КАПЕЛЬКИ не уступает своим нанимателям — и всегда готова ответить ударом на удар!

Кто прав, кто виноват? Разобраться совсем непросто...

Читайте самый спорный и парадоксальный отечественный роман года!

Содержание

#1.....	.0005
#2.....	.0117
#3.....	.0118

Людмила Королева
СОЛО ДЛЯ НЯНИ

Наконец-то закапало, — по лобовому стеклу застучали бусинки дождя. Голове стало полегче, я сняла очки, дорога мгновенно потемнела от воды. Дождь как будто вывалился из поднебесных чемоданов. Волны из-под колес встречных машин набрасывались на боковое стекло. Под мостом стояли, обнявшись, парень с девушкой рядом со своим мотоциклом.

Со мной сидела сестра, пристально на меня поглядывая. Год назад я ехала под таким же дождем, только рядом сидел Володя. Я тогда еще привыкала к своему «Матиссу», а Володя оказался идеальным инструктором. Он на редкость хорошо водил свой «Опель». С ним было очень комфортно, уютно, спокойно, а я чувствительна к таким вещам, потому как зациклена на работе. А работа моя...

С того дня, как мы с моей подопечной Мэри поехали с ним на занятия в бассейн, я была под впечатлением его движений, а главное — голоса, словом, запала на звук, типично по-бабьи, ушами. Захотелось подпустить его поближе. Уютный голос, ненавязчивые фразы, уверенные манеры манили, хотелось наблюдать за его лицом, руками. Потом хотелось слушать вместе музыку — оказалось, что у нас очень близкие вкусы. Удивительно многое успело случиться за этот год, хотя мне долго не хотелось впускать Володю на территорию моей жизни.

Помню, что началось все с того дня, когда я по обыкновению чувствовала себя как выжатый лимон в середине недели, а надо было выглядеть розанчиком и ехать в детский спортцентр «Второе рождение», везти элитное чадо на тренировку. С уставшим ребенком на руках я ожидала приезда очередного шумахера, чтоб собрать все московские пробки по дороге в спортцентр. Звонок диспетчера из «Вэлми» прервал мои судорожные сборы:

— Машина — «Опель вектра», водитель Володя ждет вас у подъезда.

На моих руках Мэри, в зубах — сумка с экипировкой при моих параметрах 157, 47, 35 (рост, вес, размер обуви). Сползла с крыльца и упала спиной на заднее сиденье «Опеля». В зеркале заднего вида встретила настороженный взгляд. Ух, ты, глаза-то какие! Приятный голос сдержанно поинтересовался:

— Куда едем?

Я вяло пробормотала:

— Талалихина, двадцать восемь, центр «Второе рождение».

Машина плавно тронулась, и Мэри на удивление мгновенно заснула на моих руках. Повисло молчание. Я набиралась терпения в предчувствии дороги. Ведь утром приходится ехать по Москве пунктиром: газ-тормоз, газ-тормоз, но Володя вел машину так, будто плыл по течению — легко, мягко.

За окнами свежий, пушистый снег, мои глаза сами собой стали закрываться. Вообще-то я в машине отродясь не засыпала, тем более с незнакомым водителем, а тут... Утреннее напряжение куда-то ушло, на мгновение я задремала, а когда открыла глаза, меня вдруг пронзила сумасшедшая мысль: вот так же, как спокойно и уверенно он едет — плывет, мягко обхватив руль, почувствовать бы его сильные руки на плечах, груди, коленях... «Эй-эй, выйди из образа-то! — быстро одернула я себя. — Что за мысли бродят в голове!»

Да, я жила одна, с мужем давно рассталась. Работа — дом — работа. Работа поглощала всю мою нервную энергию и время. Мои клиенты, богатые родители, обычно считают, что няня их уникального чада — существо универсальное и многостаночное, по умолчанию она должна быть и психологом, и лого-

педом, и дизайнером, и аниматором. Оставшиеся крохи моего личного времени тоже норовили приспособить к своим интересам — обсудить, «поплакаться», поговорить и т. п.

Мужские персонажи в моей жизни появлялись, кроме папаш, только в виде водителей из «Вэлми» и охранников. То есть они на службе, и я — на службе, и наши пересечения не предполагали никаких отношений, кроме деловых. Поэтому ни головой, ни сердцем я не откликалась на взгляды, фразы, внимание с их стороны, гораздо чаще приходило раздражение из-за плохой езды, неудобств и дискомфорта, когда за рулем самовыражался очередной стажер-шумахер. Само собою возник и шаблон: раз плох за рулем, плох и вообще, совсем. От этих контактов я никогда не ждала ничего примечательного.

Но в этот день, когда за рулем оказался Володя и мы с ним встретились глазами в зеркале, что-то в его взгляде отвлекло мои мысли от привычного курса. Появилось ощущение какого-то прикосновения — уверенного, но деликатного. Будто кто-то повернул в моей голове рукоятку и приглушил резкий свет. Тело тоже откликнулось — задремавшая Мэри прижалась ко мне своим расслабленным тельцем, и я невольно закрыла глаза, приняв удобную ей позу.

Привыкнув рассчитывать только на свои силы, перестаешь злиться на чье-то равнодушие, недогадливость, нежелание помочь. Я отношусь к этим мужским свойствам как к неизбежному. И все же, когда накатывают усталость и напряжение, невольно придумываю компенсацию, надеюсь на какой-то чудесный дуэт, диалог...

Володя был молчалив, подчеркнута вежлив. Взгляд слегка настороженный, но ироничный. Чувствовалось какое-то напряжение, или, может, он просто установил такую дистанцию? Я и сама умею держать ее достаточно жестко. Все стало яснее спустя некоторое время. Владимир работал в «Вэлми» давно. Клиенты попадались разные, у каждого свои запросы, амбиции. Его предупредили, что заказ «бассейн — Остоженка» выгодный, но сложный — клиентка суцая чума. Когда в тот день он впервые увидел меня с Мэри, то решил, что я и есть та самая Жанна Владимировна. Если бы я случайно не сказала: «Ну что, детка, няню совсем умотала?», он так и думал бы, что я — мама Мэри.

Я, Мэри и сумка протиснулись в двери спортклуба. Невыспавшийся, оттого, наверное, и медлительный охранник не спешил мне помочь. Дети, мамки, коляски... Правда, тут их немного, потому что время утреннее — в 10.30 первый заплыв. Мэри в свои четыре месяца выглядит как полугодовалая. Еще бы, мы с ней плаваем с двух недель от роду, ныряем, и динамическая гимнастика тоже делает свое доброе дело.

Места мало, помещение небольшое, а народу достаточно. Мамки, няньки, бабки — все скачут возле своих чад. Чада голосят на все лады. Кому попить, кого помыть, кого переодеть.

Мэри — удивительно спокойная девочка, вероятно, сказываются гены папы англичанина. Есть в ней эдакая аристократическая ленца, лишний раз не пискнет, все строго по делу. Да и пиццать-то ей особо некогда: утром гимнастика, кормление, бассейн. В бассейне комплекс упражнений, сауна, обливание холодной водой. Внешне мы с малышкой абсолютно разные, но нас долго принимали за маму с дочкой. Удивление было сильным, когда узнали, что я — няня Мэри. «Няня? Вы — няня?» Инструкторы долго не могли поверить, что ма-

ма за четыре месяца ни разу не побывала в бассейне с ребенком, ни вместе со мной, ни одна.

Девочка моя очень ровная, проблем с ней нет. Раздеваемся, обливаемся, плаваем — все тихо, без слез, криков протеста. Мне очень комфортно с ней, а ей, я думаю, со мной. Краем глаза наблюдаю за другими детьми. Все разные по темпераменту, по манере поведения, по реакции на воду, на сам процесс плавания. Кричат — значит не верят, не доверяют. Мэри никто никогда не слышал в бассейне, а если она слышит крики других детей, то лишь с удивлением поднимает бровки.

Полтора часа пролетели как одно мгновение. Быстренько сложила наши вещи в сумку, одела девочку, оделась сама — мы готовы. Охранник выглядел уже поживее: открыл нам дверь, поддержал сумку, мило улыбнулся, похоже, наконец-то проснулся, ожил.

Мэри таращила глазки, уставшая, но безмерно довольная. Вода вообще ее стихия, она — Рыбка по гороскопу. Одной рукой я открыла дверцу машины, забросила сумку в дальний угол.

— Помочь?

— Да нет, спасибо. Я уже сама справилась.

Бережно поддерживая девочку, я устроилась на заднем сиденье.

Плавно тронулись, Мэри уютно засопела у меня на руках. Я расстегнула ей шубку, сняла шапку.

— Попить хочешь? — спросила четырехмесячного ребенка. Она утвердительно похлопала глазами.

— Хорошо, сейчас попьешь. — Я достала из сумки бутылочку, дала ей. Ритуал у нас такой: я ее спрашиваю, а она отвечает, как умеет — жестом, звуком или ворчанием. Сладко причмокивая, выпивает весь чай.

Не заметила, как доехали до Остоженки. Мэри, сумка, я выбрались из машины.

— Спасибо! — Я хотела еще раз увидеть его лицо. Может быть, улыбнуться?

В ответ получила сдержанную, но приятную улыбку. Захотелось, чтоб он приехал еще раз, это точно.

На вопрос Жанны Владимировны, мамы моей малышки, «Как новый водитель?» ответила нейтрально: «Нормально. Пробок не собрали, доехали вовремя, тормозит мягко, спокоен и удивительно ненавязчив».

Мне известно, что нашу «милую» мамочку побаиваются. Взбалмошная, истеричная, совершенно непоследовательная в своих решениях она доводила до иступления всех — мужа, диспетчеров, водителей, врачей. А мне часто задавался вопрос: «Как вам с ней работается?» Нормально. Раньше я работала медсестрой в следственном изоляторе с психбольными, поэтому Жанна Владимировна с ее истериками просто отдыхает. Через пару месяцев общения с ней я уже легко находила нужные слова, чтобы услышать в ответ вопрос-согласие: «Да, вы так думаете? Ну, хорошо». И сейчас она безоговорочно поверила моему впечатлению. Это зачтется в плюс Володе, а значит — увидимся!

Бассейн мы посещали три раза в неделю. Холод-не-холод, мороз-не-мороз, устала-не-устала — едем. Володя пришелся-таки ко двору — угодил даже нашей капризной мамочке.

Назавтра Жанна Владимировна меня огорошила: «Улетаю в Италию, самолет в 17.00. Майкл решил, что вы должны ходить в «Мариотт», это отель на

Петровке, там есть спортклуб, пропуск для вас уже заказан».

— Бассейна нам уже недостаточно? — удивилась я.

— Ну, Людмила, вы ничего не понимаете, это же совсем другой уровень!

— Уровень чего? — прикинулась я.

— Всего!

Понятно, бассейн — это спорт, а «Мариотт» — тусовка чистой воды. Глубина такая, что упражнения проводить невозможно, зато можно выпендриться перед всеми, как ее малышка держится на воде. Мало мне, наверное, нагрузки! Теперь будем с Мэри, как две русалки, тусоваться на воде.

— Это вам подарок, — пояснила Жанна.

— Мне подарок? — Вот уж, действительно, одарила.

— Ну, Люда, — она опять капризно поджала губы, — это же стоит кучу денег, вы же можете в выходные сами туда сходить, отдохнуть без Мэри, после работы.

— После двенадцати ночи? — уточнила я.

— Он работает круглосуточно!

— А как насчет прогулки? Мы можем поехать с Мэри в парк?

— А это далеко? Как вы доберетесь?

— Нас повезет Владимир — водитель из «Вэлми».

— У вас что, роман? — Жанна обожала любовные истории.

— Да, и это романтическое путешествие вместе с Мэри, Жанна Владимировна. Машина оплачена, и вы не отменили заказ, почему бы нам не поехать в парк?

— Ну, хорошо. Поезжайте. Да, Людмила, — Жанна Владимировна неловко помялась, потупила глазки, — по поводу зарплаты... я вам говорила, я сегодня улетаю.

Это уже интересно, Жанна должна мне деньги за две недели и еще неделю будет в отъезде. У нас понедельный расчет, почасовая оплата. Сумма складывается внушительная, около тысячи долларов. Жанна Владимировна просто мастерски умеет держать паузу.

Я терпеливо ждала, что мне будет сказано, кто мне будет платить в этом месяце?

— Но вы же понимаете, последняя коллекция «Эскады»... Я купила... Поездка, разные расходы. Вы не могли бы спросить зарплату у мужа?

— Хорошо, я спрошу зарплату у Майкла. Что-то еще?

— Да, нужно купить памперсы и смесь, я не успела. — Это было сказано уже более повелительно, но с оттенком просьбы.

— Хорошо, Жанна Владимировна, я заеду и куплю, не беспокойтесь.

— Деньги тоже возьмите у Майкла, — рассеянно добавила она, — и предупредите Владимира, он мне сегодня понадобится — пусть ждет.

Мне было и смешно, и грустно, у нашей мамы никогда нет денег, просто не держатся они у нее катастрофически. Точнее, нет, деньги есть, и в весьма неслабых количествах, но они на поездки, гардеробы, апартаменты, машины. А когда надо заплатить няне, домработнице или водителю — на это как-то не хватает. Болезнь это своего рода, что ли?

Конечно, пока мы с Мэри собрались на прогулку, прошло предостаточно времени. Володя терпеливо нас ждал. Я удивилась: и охота тащиться ему с нами, потом везти обратно? Время-то уже оплачено, можно никуда не ездить,

побыть дома, отдохнуть и т. д.

Но Володя все успел, даже отвез Жанну в аэропорт.

Придя следующим утром на работу, я застала такую картину: на кухонном столе батарея бутылочек с остатками смеси, а папа собирается на службу.

— Я сварил для Мэри пюре из кабачков, мы уже начали давать ей прикорм.

Я посмотрела в кастрюльку — цвет пюре меня насторожил, попробовала и онемела.

— А почему пюре такое сладкое?!

— Я добавил туда меда, это же вкусно, я ведь повар! — с гордостью заявил папа.

— Сколько она съела?

— Немного, но зато сразу уснула, — сообщил он довольно.

Я побрела в детскую на ватных ногах, судорожно соображая, кому первому звонить: аллергологу или педиатру. Посмотрела на спящую Мэри — высыпаний нет, дыхание ровное, спокойное. Времени после кормления прошло не так много, но пищевые реакции развиваются стремительно. Ничего страшного не случилось. Спасибо, Господи, пронесло! Майкл наконец-то собрался и ушел. Я вдруг с ужасом вспомнила: ведь сегодня бассейн, а сделать заказ на машину я забыла. Внезапный отъезд мамы и ее новые указания выбили меня из привычного ритма. Забывчивость мне не свойственна, хотя я не считаю это достоинством: сложно жить с запрограммированным механизмом внутри, постоянно напоминающим: «Не опоздай, не проспай, не потеряй, не подведи!» Иногда хочется наплевать на все и опоздать, но, увы, даже нарочно так не выходит — я жертва перфекционизма.

Звонок мобильного отвлек меня от этих мыслей.

— Людмила? Это Владимир, у вас на сегодня бассейн отменяется? Я решил уточнить.

— Нет, — поспешно ответила я. — Просто забыла сделать заказ, спасибо, что позвонили.

— Я рад. Просто подумал, не случилось ли что-нибудь, ведь сегодня большие заносы, дорогу плохо чистят, особенно на Ленинградке, а вы за рулем. Как доехали?

— Нормально, потихонечку, я же не гонщица. — Мне вдруг стало так тепло от того, что он спросил, как я доехала и все ли у меня хорошо. Может, это просто такая форма вежливости? «Не забивай себе голову лирикой, — включился мой механизм. — На работе никаких личных тем».

Мэри проснулась, и мы сделали зарядку. Она очень подвижная девочка, переворачивается так резко, что только успевай ее подхватывать. Уже присаживается, почти ползает. Энерджайзер в действии, и при этом очень ласковая, такой нежной улыбки ни у кого больше не видела.

Мои подопечные — груднички. Я веду малышей от рождения до года или чуть дольше. Потом передаю гувернанткам. Физическое воспитание, закаливание малышей — мой конек. Я считаю, чем больше вложишь в ребенка с младенчества, тем будет больше отдача — хороший иммунитет, темп роста, скорость развития, обучаемость, координация движений, качество речи, адаптация. Не все родители это, к сожалению, понимают.

— У вас такая высокая почасовая оплата, — часто слышу я в свой адрес, — раньше вообще обходились как-то без нянь!

— Так раньше и телевизоры были черно-белые, — отвечаю я обычно, — а сейчас все предпочитают цветные.

За костюм или платье заплатить тысячу долларов, в ресторане поужинать за пятьсот — это нормально, а няню своему ребенку стараются найти за три рубля, желательно приезжую, бесправную тетеньку, которую еще и нагружают: гладкой, стиркой, уборкой, готовкой. А потом у ребенка отит, синусит, ринит, а про закаливание и речи нет, хоть бы вылезти из болячек. Сложно, что ли, понять, что существует профессия няни, и есть профессионалы. За многие годы я убедилась в этом. У профессиональной няни и рейтинг, и оплата соответствующие, а есть просто тети, которые сидят с чужими детьми, выгуливают и кормят их, не занимаясь ни здоровьем, ни интеллектом ребенка, ничего не вкладывая в него. «Людмила, наши клиентки специально планируют под тебя потомство, — смеется директор моего агентства. — Ты одна из самых востребованных нянь в Москве на сегодня». Да, моя работа стоит недешево, но еще никто за десять лет не сказал мне, что этот труд не стоит тех денег, которые мне платят, а мои мамочки избирательны и требовательны в подборе персонала для своей семьи.

Пока я перемыла все бутылочки, расставленные нашим папой на кухне, поставила стерилизатор, снова приготовила овощное пюре для Мэри, стрелки часов подошли к 10.00. Пора на тренировку; экипировка уже готова. Еще раз осмотрела девочку, нет ли покраснений на тельце, щечках. Быстро оделись, сумку на плечо, выходим. Володя уже ждал нас у подъезда, помог донести Мэри, даже меня поддержал, хотя было и не очень скользко. «Приятно», — отметила я про себя. В этом плане все водители были услужливы, но их внимание было каким-то приторно-навязчивым, суетливым, как у халдеев в ожидании чаевых, меня это всегда злило: уж лучше я сама как-нибудь, а вы в машине посидите. Володя отличался сверхтактичностью и помогал как бы невзначай.

И все-таки Мэри какая-то вялая, куксилась, глазки покраснели, кожа влажная. Стала кормить ее овощным пюре, ложка звякнула — прорезался первый зуб! Позвонила на мобильный маме. Сонный голос ответил:

— Да... Зубик? Замечательно, молодцы! Как вы там, справляетесь?

— Папа очень хорошо справляется, прямо лучше всех!

Потом расскажу ей про мед, когда приедет, незачем ее нервировать. Она барышня эмоциональная, эдакая жгучая смесь гламура и романтической дурочки: глазки, губки, локоны-кудряшки. Но далеко не «блондинка» в банальном смысле, прагматизм, воля и упрямство — ее девиз. Восточная женщина с медицинским дипломом (врач по образованию, она приехала из Самарканда), поработала в клинике пластической хирургии, открыла собственный кабинет. Профессионал с деловой хваткой. А когда еще за спиной супруг в виде англичанина-юриста, то можно и покапризничать, и полениться (и губки надуть, и бровки хмурить).

Вручили-таки мне пропуск в «Мариотт», уплываюсь теперь. Там, конечно, здорово. Это я уже потом оценила, позднее. Тренажерный зал, кругом зеркала, народ разный, иностранцы, члены клуба, постояльцы отеля, наши россияне, которые не бедные!

У всех цели разные: кто за спортом, а кто на людей посмотреть, ну и себя

показать. Запомнилась одна «героиня»: кудри, макияж, маникюр — Кармен на отдыхе. Три раза качнет пресс, потом с инструктором общается долго так, обстоятельно.

Абонемент, конечно, стоит больших денег, но кто про это думает, если есть такая возможность? Иностранцы забавные такие, иногда казалось, что на беговой дорожке кто-нибудь скончается от усердия, уже почти не дышит, но все равно бежит. Папа Мэри — крутой спортсмен, каждый вечер обретается в клубе, и дочь у него — любимый атрибут самопрезентации.

Родители Мэри отбыли в очередной вояж. Нам с Мэри разрешили пожить это время у меня. Наше общение с Володей увеличилось, и от формально-предупредительного доросло до участливо-заботливого, потому что мы стали ездить из бассейна не на Остоженку, а ко мне домой, за город. А дом-то без лифта, так что пришлось Владимиру с сумкой и детским креслом сопровождать нас с Мэри на четвертый этаж, держать ребенка на руках, пока я открываю двери. А если девочка засыпала у меня на руках, то Володя доставал ключи из моей сумки и сам открывал. Соседи, конечно, не оставили без внимания эти сценки в стиле «мама-папа-я — дружная семья». Так что Володя, прижимая к себе мою сумку, не преминул обшутить наше невольное сближение: «Вот, весь ваш внутренний мир у меня под рукой, не говоря уж о сокровенных ключах к вашей крепости. Думаю, пришло время рассмотреть мои особые преимущества!» Однако последняя фраза родилась лишь в моем воображении — это из-за его взгляда: обволакивающего, теплого, как прикосновение.

Октябрь. Серый дождь, небо густое и низкое, если встать на носочки и вытянуть руку, можно коснуться мокрого облака. На асфальте пузырятся лужи. Как-то не верится, что скоро зима.

Мэри после плавания стала засыпать в машине. Хотелось, чтобы она поспала подольше, но путь из бассейна до Остоженки не длинный. Начнешь выходить из машины — непременно проснется. «Не проснулась?» — заботливо спрашивал Володя. «Спит», — отвечала я, и мы делали большой круг через Комсомольский проспект и еще маленький — через 3-й Зачатьевский переулок.

Меня удивило неожиданное открытие — в машине Владимира оказалась целая фонотека: какие-то симфонические сюиты и скрипичный рок, Макаревич и Сантана, Дедюля, Окуджава, Высоцкий...

Он всегда слушал что-то негромкое. Радио почти не включал. Обычно за журналистской болтовней и потоком новостей легко спрятаться от нежелания говорить или слушать кого-то рядом, а музыка, которую слушают вместе, кажется посланием, тем более если сам ее выбрал.

Однажды Володя поставил диск Сантаны и спросил меня: «Нравится?» Мэри не спала, и я все время ее занимала, не могла отвлечься. Поэтому попросила поставить диск еще раз на обратном пути.

Когда Мэри уснула, я погрузилась в эти терзающе-ласкающие ритмы. Как будто кто-то мягко касался подушечками пальцев по сердцу, по памяти, по тому времени, когда мне было меньше лет, и чувства были такие восторженные, легкие, светлые. А между тем в этом году у меня уже юбилей. До «бабы-ягодки опять» остается где-то две тысячи дней. Пришла легкая грусть об ускользаю-

щих мгновениях жизни, от чувства какого-то одиночества и невозможности все это объяснить, высказать...

Володя немного моложе меня, свободен. Был у него долгий или недолгий роман, детей нет. В прошлом — мастер спорта по теннису, работал тренером, из-за травмы перестал играть. Оказалось, что мы могли говорить о чем угодно, и никогда не возникало фальши, натянутости. От классической музыки до проблем секс-меньшинств — обо всем у него было особое мнение, ненавязчивое рассуждение.

Как-то Мэри немножко приболела, и мы не могли посещать бассейн. Однажды он предложил отвезти нас в Сокольники: «Поедемте, вы же все равно гуляете, я вас отвезу и привезу обратно, и сам с вами с удовольствием пройду, давно как-то не случалось». Володя работал на своем автомобиле и во времени был не ограничен. В пути мы заговорили о дружбе.

У меня четкое убеждение, что друзей нет, вообще нет, есть приятели, знакомые, очень хорошие приятели, но друзей и подруг нет. Посмотрите мировую литературу. Кто предал героя? Лучший друг. Кто увел мужа у героини? Любимая подруга. Не люблю я эти слюни-сопли на глюкозе: «Ах, лучший друг, я ему так доверял, а он меня кинул и т. д.» Володя не соглашался со мной, он считал, что дружба существует и у него есть такой дивный опыт. Заговорили о сексе. Все, что приближается к зоне интимности, — под контролем моего «перфектум мобиле». Этот неумолимый страж моего внутреннего порядка, как вредный будильник, вытаскивает меня из романтических грез и не дает никаких скидок на возраст...

Конечно, у каждого своя гормональная история, но в душе-то все равно восемнадцать лет. Поэтому для меня секс с человеком, которого я плохо знаю, неприемлем, не привыкла. Я должна доверять ему во всем и принимать все в нем — от взгляда и звука голоса до запаха и походки. Если все это есть, тогда находишь радость и удовольствие. Может быть, это смешно, не важно, но для меня очень даже важно. Я должна понять: мой ли это человек, для меня ли он.

У меня медицинское образование, медики достаточно циничны, но пошлости я на дух не выношу. Ни разу в беседах с Володей я не услышала пошлости, грубости, двусмысленности. Таким уютным и домашним запомнила я его на той прогулке. Может, еще и из-за его удивительного голоса — бархатного, бассистого?

Однажды весь день падал снег. Засыпало так, что машины с трудом двигались по Остоженке. Дворники чистили улицу, но снег все шел и шел, не переставая. Мою машину засыпало по самую антенну. С парковкой в центре всегда проблемы, но на моей крохе я могу приткнуться где угодно. Однако как буду выезжать — не представляла, огромные сугробы были везде, машины не успевали его вывозить, такой снежной зимы не было давно. А поскольку Майкл опять задерживался, я понимала, что домой я попаду не раньше полуночи, может, и позже, ехать придется медленно и осторожно. Машина у меня маленькая и колеса у нее маленькие, как-то она справится на такой дороге? Посмотрим. Я ее очень люблю, мою девочку. Купила ее год назад, долго выбирала, ездила по салонам, все было не то. Подруга уже начала раздражаться: «Ты на такси больше прокатываешь. Какая тебе разница, бери хоть что-нибудь, они все одинаковые». Но я так не думала. Увидела ее: «Вот эта!» Не знала, что в

ней, какая комплектация, выбирала чисто интуитивно. И она меня никогда не подводила, даже в дикие морозы заводилась с пол-оборота, разумная и практичная — как ее хозяйка. А однажды меня даже спасла...

...Тогда ударили первые заморозки, был гололед. Шипованные колеса я, конечно, поставила, но опыт водительский, да еще по зимней дороге, оставлял желать лучшего... Боковым зрением увидела, что меня развернуло и понесло на встречную полосу. Помню только, что я не жала на тормоз, не крутила судорожно рулем, лишь слегка притормаживала, и машина сама аккуратненько развернулась на встречной полосе, встала, замерла. Потом, когда я увидела эту петлю на дороге позади себя, у меня задрожали руки. Водители притормаживали, с удивлением разглядывая меня — крутая гонщица, так лихо развернулась. А я не разворачивалась, это меня так занесло, но я не съехала в кювет, не перевернулась, потому что моя машина — умничка.

Майкл опять скорректировал мои планы:

— Людмила, я очень беспокоюсь, дорога плохая, просто ужасная, как вы доберетесь домой?

— На машине, как обычно. Просто поеду медленнее и буду более осторожна.

— Нет, у меня другая идея: давайте вы оставите машину здесь, во дворе, а я закажу такси в «Вэлми». Хотите, я позвоню Володе, и он отвезет вас домой?

Даже не мечтала. Не придется ехать по слепой дороге, напрягаться, всматриваться.

— Спасибо за заботу, Майкл, я поеду сама. — Не могу оставить машину в чужом, холодном дворе. Ну не могу я ее бросить! Это какое-то предательство. Я в теплой машине с водителем поеду домой, а она, замерзшая, под снегом останется одна? Нет, так не будет!

Майкл удивленно вытаращил глаза:

— Почему нет? Это же лучше, удобнее. И утром вас привезут. Я сделаю заказ, все оплачено.

Он подумал, я не поняла, что мне не придется тратиться. Конечно, оплатит. Но...

— Майкл, я не глухая, и все-таки я поеду на своей. Если завтра опять будут заносы, тогда присылайте за мной, а машину я оставлю на стоянке.

Я спустилась во двор, время 12.15, тихо-тихо падает снег. С трудом открыла дверцу машины, взяла щетку, стряхнула снег, завела мотор. Откинувшись на сиденье, прикрыла глаза. Надо ехать, доберемся с божьей помощью. У меня есть крестик со Святой земли, его привезла из Израиля и подарила мамочка двух очаровательных близнецов — жена известного эстрадного певца, в семье которого я работала. Когда я купила машину, сразу его повесила и он меня с тех пор оберегает на дорогах.

Остоженка — странное, милое имя для улицы с домами, как будто нарисованными в забытых детских книжках, о которых некогда вспоминать. А так хочется прильнуть взглядом к этим окнам, дворам, вдруг узнаешь чей-то позабытый придуманный силуэт, профиль из прошлого книжного века, из юности. Спросить бы кого-то знакомого, милого, не встречал ли он сказочных принцесс в этих домах, в этих окнах, в этих дворах в своем детстве?

Медленно выехала со двора, проехала мимо книжного магазина, ресторана

«Ваниль», к набережной, на перекрестке — налево. Маршрут наезженный, знакомый, но ехать трудно. Снег шел, не переставая. Днищем заскребла по дороге. Ехала часа два, машин на Ленинградке было много, двигались медленно, с трудом перестраиваясь.

Наутро по радио услышала сообщение ГАИ: в Москве зафиксировано 636 аварий. И все-таки я доехала без происшествий, поставила машину на стоянку, вызвала такси. Мой дом совсем недалеко от стоянки, но время позднее, улица освещена плохо. Поэтому я предпочитаю заплатить 50 рублей, вызвать машину и спокойно доехать до подъезда. Достала телефон — зарядка почти на нуле. Ну что за день сегодня такой? Вроде не понедельник или грех на мне какой? Вышла из машины, зашла в домик охранников.

— Людмила, как в Москве? Как доехали?

— Да все то же, только машин больше.

— Что передают на завтра? Какой прогноз?

— То же самое — снегопад, метель.

— Вы завтра как? Опять сами поедете?

— Да вот думаю. Нет, наверное.

Соблазнительно, конечно, поспать подольше, потом тебя отвезут как белого человека и ты спокойно отработаешь свои 15 часов. Стоп. А возвращаться как? Злоупотреблять добротой и щедростью Майкла мне как-то не хотелось, еще привыкну, а от хорошего отвыкать трудно. Метро я не переношу — клаустрофобия, будь она неладна. Пока поезд движется — живу, дышу. Но если он вдруг останавливается в тоннеле и много народу, то это — все... Начинаю бледнеть, синеть, задыхаться, достаю валидол, нашатырь — клинический случай. А если еще и свет выключат, то меня можно выносить ногами вперед.

Нет, вариант с метро мне не нравится абсолютно. И на такси за свой счет рублей 350–400. У меня почасовая оплата, плюс время от времени я вывожу богатых алкоголиков из запоя. Тоже ощутимая прибавка. Я сама себе купила однокомнатную квартиру в Подмосковье, через два года — машину, правда, в кредит. Но только потому, что на еде не экономлю, косметику покупаю хорошую, стригусь и крашусь в приличных местах. Я не страдаю вещизмом, одежду предпочитаю интересную, и у меня ее немного. Спокойно прохожу мимо распродаж, но если вещь нравится и хорошо на мне сидит, то за ценой не постою.

Помнится, у Маршала в одной песне есть такие слова: «Чем дороже покупки, тем дешевле судьба». По-моему, сказано точно. За столько лет у меня были самые разные семьи и клиенты — от бандитов до депутатов. Волей-неволей пришла к выводу: чем человек круче, тем больше желающих его достать.

Конечно, хочется выглядеть женщиной, а не загнанной лошадью. И одеться стильно, и отдохнуть комфортно, но если я не куплю какую-то вещь, то трагедии не происходит. Радуюсь, когда есть возможность себя побаловать, однако и в депрессию не впадаю, если нет денег на покупку. Счастливее от лишней тряпки не станешь.

Такси подъехало, развернулось, подмигнув габаритными огнями. Дорога вроде стала почище — снегоуборочные машины работали даже ночью. Может, к утру снег пройдет и я сама смогу доехать до работы?

Звонок будильника услышала, но голову поднять просто не смогла. «Еще пять минут, — попыталась уговорить я себя. — Ну поспи еще пять минут». Од-

нако противный «перфектум» внутри заладил свое: «Дорога плохая, надо выехать пораньше. Вставай. Так, рота, подъем!» Встала, зарядка 40 минут — это обязательно. В мои сорок лет как-то не хочется превращаться в толстую, неповоротливую тетку. С каждым годом все больше нужны утешительные послания от зеркала, и так не хочется встречаться с признаками неизбежности: все эти тени на щеках, звездочки, сеточки. Они как свидетели поражения. Ох, уж это поражение! Оно преобразуется в складки на талии, на бедрах, на шее и легко может изменить тебя до уровня толстой, безнадёжной, сорокалетней бабы. Эти печальные сальные скопления на женских фигурах наводят на меня тоску, будят мысли о неудачах, разочарованиях, ошибках. Поэтому я мало ем, мало сплю, нахожу время для тренировок в бассейне — не хочу изменять своему формату и уж тем более мне не хочется дополнительных гардеробных забот.

Теперь вот посещаю спортклуб. Даже не думала, что мне это так понравится, и время на него выкроится каким-то образом. Звонок на мобильный: ну, папа звонит, не иначе с Мэри что-нибудь. Глянула на дисплей — нет, номер не Майкла, мегафононский чей-то, незнакомый.

— Да.

— Людмила, это Володя. Майкл сделал заказ привезти вас из Заречного на Остоженку. У него важная встреча, но он о вас волнуется. Как вы вчера добрались?

— Добралась нормально. А вы что, уже в Заречный приехали?

— Да, вот хотел бы адрес уточнить.

— Заезжали с Ленинградки или с Дмитровки?

— С Ленинградки.

— Тогда все время прямо по главной дороге. Остановка «Южная». Первый дом за остановкой будет мой.

— Понял. Когда подъеду, перезвоню.

Глазами зацепилась за зеркало: боже, на голове-то... Так, быстро в душ! Косметикой пользуюсь минимально — тон, карандаш для глаз, блеск для губ — быстро и удобно. Думаю: пригласить кофе выпить или у них не принято? Глянула на часы: да какой там кофе? Я и сварить-то его не успеваю, не то чтобы выпить, да еще и вместе с Володей.

Ежедневные водные процедуры не прошли для меня бесследно. Как-то раз нам прислали другого водителя — Володя почему-то не мог приехать. Новый водитель поставил машину далеко от входа, а я взмыленная как цирковая лошадь выскочила на улицу.

Пока добежала до машины, открывала дверцу — водитель вялый какой-то попался, — тогда, видно, меня и прохватило. День я еще доработала, но к вечеру температура резко поползла вверх.

Сказала Жанне: «Я, кажется, заболела». «Казаться?» Да чему там. Это уже было видно крупным планом: глаза красные, слезятся, щеки — просто морковные, испарина...

Жанна ничего этого не увидела или сделала вид, что не видит.

— Людмила, я сегодня ужинаю в ресторане, когда приеду — не знаю, я вам позвоню. А вы наденьте масочку.

О, обратила-таки внимание на мой болезненный вид!

Да, маску я обязательно надену. А сама думаю: как же буду добираться до

дома? Жанна вернется неизвестно во сколько, а я уже сейчас еле двигаюсь. Мэри спала, дверь в детскую была слегка приоткрыта. Стараниями Майкла у девочки прекрасно обставлена комната. Справа от входа — светлый шкафчик-домик со стеклянными дверцами-окошками. В нем приютились все нежные девчачьи одежды: трусики, футболочки, боди, колготки, шапочки, свитерочки, а крыша шкафчика — столешница, на которой удобно одевать малышку. Слева — большое зеркало на комод. Яркие, необычные безделушки-бюрюльки, разложены в приятном беспорядке, скрадывают его будуарное происхождение.

Рядом — вешалка-трость для верхней одежды и всяких шапок. Ближе к окну — узкая, твердая лежанка в восточном духе, под индийским тканым покрывалом, рядом светильник, обычный, без претензий. Напротив, у окна — расписной сундучок с сокровищами-игрушками и кровать Мэри. Никакого полога, никаких кисейных финтибрасов: матрасик, простынка, одеяло. Все — чистый хлопок высшего качества.

На белых стенах парочка картин: серьезный сказочный кот в валенках деловито несет под мышкой огромную рыбу, а на другой — сценка из счастливого советского детства кисти какого-то узбекского Леонардо.

На полу спальни шерстяной коврик восточной работы. Что-то во всем этом убранстве неуловимо напоминает мне картинки из книжек «Детгиза» с интерьерами в стиле сталинской эпохи. Какой-то полузабытый общепринятый уют, только оживленный вкусами обитательницы нового века. Возможно, что это дизайнерский ход Жанны Владимировны: на сдержанном фоне белых крашенных стен и якобы простой мебели ярче сияние дорогих вещичек — примет капризной прихоти хозяйки. И все эти брэнды как бы сами по себе не нуждаются в сочетаниях. Самое интересное, что этот интерьер в целом удивительным образом перекликается с видом из окна. А оно выходит во внутренний дворик с маленькими скамеечками, качельками, песочницей с грибком. Глядя на все это, сердце сжимается от тоски по собственному, давно минувшему детству...

Заработал лифт. Дом престижный, а звукоизоляции никакой, грохот слышен во всех комнатах. Тревожно прислушалась: лишь бы малышка не проснулась.

«Что-то мне совсем плохо, надо выпить антибиотик», — решила я на радикальные меры. На часах уже полночь, но ни Жанны, ни звонка от нее пока не дождалась. Видела же она, как мне плохо, что я заболела, но... А потом вот удивляются, что няни уходят. И действительно, уходят от неприкрытого хамства, жадности, необоснованных объяснений. Причины разные, но итог один. Правда, изредка встречаются семьи, в которых с нанятым персоналом устанавливаются ровные, рабочие отношения, именно рабочие, а не семейные: «Няня у нас как член семьи! Глупости все это», — размышляла я.

Ну где же все-таки здесь антибиотики? Звонок на мобильный отвлек меня от поиска лекарства. Ладно, попробую без него доехать.

— Людмила, собирайтесь, я буду через пятнадцать минут.

Я впервые очень пожалела, что сама за рулем. Сейчас бы поехала домой на машине с водителем, есть у меня в контракте такой пункт: если хозяева задерживают больше положенного времени, то оплачивают такси.

Накинула дубленку, надела сапоги, жаль, что сегодня я без шапки, сейчас она была бы очень кстати. Слабость во всем теле такая, что, кажется, сейчас упаду, волна липкого страха разлилась по рукам и ногам. Жаль, что я не нашла лекарства, теперь уже стало бы полегче, а домой еще ехать и ехать. Лифт вызывать не стала. Медленно спустилась по лестнице.

Поеживаясь, подошла к машине. Открыла дверцу, упала на сиденье. Завела мотор, сейчас согреюсь и поеду потихонечку, но двигаться совсем не хотелось. Сидела бы так и сидела... «Черт, неужели засыпаю? Так, соберись, — скомандовала сама себе. — Надо доехать, там сын, он тебя ждет. Ну, подумаешь, заболела, это не повод раскисать! Давай-ка двигайся помаленьку», — подбадривала я себя.

Как доехала, не помню. Проезжала по Тверской, Ленинградке — это точно, а картинки нет — провал.

Утром надоедливое треньканье: этот вредный будильник будто выхватил меня из сна, и без того короткого. От этого разочарования и какой-то незавершенности я негодую: вот выброшу этот будильник с балкона. А до балкона, если только ползком, температура под сорок, встать просто не могу. Надо дотянуться до мобильного и предупредить.

— Жанна Владимировна, это Людмила, я не приеду сегодня, заболела, к сожалению. Температура высокая, слабость, да и малышку как бы не заразить, вдруг инфекция!»

Жанна врач, но понятие врачебной этики у нее ко мне в принципе не применяется — она предложила мне надеть маску, если я опасаясь за Мэри.

— Даже если я надену три маски, это сути дела не меняет, у меня нет сил даже встать, не то что бы до вас доехать. Да, бассейн отменяется, надо снять заказ на машину.

— Людмила, вы заказ сами снимите, мне хочется еще поспать, вчера я так поздно приехала, — томным голосом тянет Жанна. — Надо было вас вчера отпустить пораньше, тогда вы не разболелись бы.

Она тяжело вздохнула:

— Людмила, а что мне сейчас делать с Мэри?

Я так выстраиваю режим малыша, что уже с трех недель по ночам он спит, просыпая ночное кормление, дает возможность работающей маме полноценно отдохнуть. Вечером укладываю ребенка, а к тому времени, когда он просыпается, я уже приезжаю, начинаю сама с ним заниматься. Зарядка, кормление, посещение бассейна три раза в неделю, гимнастика, прогулка, массаж — это обязательные элементы физического развития младенца, а еще и воздушные ванны, и развитие мелкой моторики... Смешно, когда мне говорят: «Ты сидишь с малышом». Посидишь тут! День пролетает как мгновение.

— Мэри проснулась? — спросила я.

— Ну да, кажется, я еще не вставала.

— Тогда ее надо переодеть, покормить, занять чем-нибудь интересным... — Гимнастика с массажем отпадают, хотя почему нет, ведь наша мама врач? — Массаж можно сделать, — деликатно предложила я, — мы уже присаживаемся, надо спинку укреплять...

— И сколько вы планируете болеть? — в голосе Жанны послышалась тревога.

— Жанна, вы же врач. Ну неделю, наверное, дней десять.

— Да? Это невозможно. Надо что-то придумать. Людмила, у вас есть идеи?

— Идеи по поводу чего? Как мне быстрее выздороветь? Ну если хотите, я позвоню в агентство и вам пришлю замену.

— Замену? Вы что, совсем хотите от нас уйти? — В голосе уже настоящая паника.

Если честно, такая мысль в последнее время меня посещала. Ведь Жанне ни разу не пришлось в голову предложить: «Люда, вы рано приехали, а вечером задержались до полуночи, так что завтра поспите подольше, я сама с Мэри побуду». Нет, не говорила она мне таких слов. И ее напряженные отношения с Майклом, ее необязательность, некорректность в зарплате, все это так меня выматывало, что я уже стала нередко себе повторять: «Работать в семье — это тебе не в офисе сидеть: своя специфика отношений. Так что дорабатывай контракт и не рефлексируй понапрасну».

— Люда, вы что, меня не слышите? Вы уходите от нас?

— Нет, Жанна, не ухожу. Посмотрите внимательно на наш контракт, там есть такой пункт: агентство на период болезни няни подбирает вам замену. Бесплатно. — Последнее ей особенно по душе. Ну не любит она тратиться на такие мелочи жизни.

— Хорошо. А у вас есть кто-нибудь на примете?

Господи, оставит она меня сегодня в покое или этот диалог будет продолжаться вечно?

— Жанна, — устало говорю я, — позвоните в агентство, там все решат и кого-нибудь вам подберут.

— Люда, скажите, вы точно не уходите от нас?

Догадывается, что предложений у меня много, но есть еще и обязательства, которые я выполняю.

— Точно, Жанна Владимировна. Как только мне станет лучше, я сразу позвоню и приеду.

Жанна часто напоминает мне ребенка — избалованного, капризного, но я не сужу ее за это, просто принимаю такой, какая она есть. Жанна умеет быть по-своему доброй, заботливой, иногда проявляет просто чудеса чуткости и понимания в отношении близких и подруг, хотя последних у нее почти нет, а те, что есть, отчаянно ей завидуют. Ну как же, у нее две квартиры в Москве, няня, домработница. Не каждая может себе такое позволить. Завидуют даже мне. За спиной нередко слышу змеиное шипение: «Ничего себе у нее зарплата, нам мужья меньше выдают на расходы. А эта нянька и квартиру купила, и машину, и одета так, что в «Мариотте» ее принимают за клиентку, а не за няню».

Я сама позвонила в «Вэлми», попросила снять заказ «Остоженка — бассейн». Барышня-диспетчер узнала меня по голосу, участливо поинтересовалась:

— А что случилось? Вы впервые не едете с Мэри в бассейн.

— Да, приболела немного, надо отлежаться.

— Выздоровливайте! — пожелала она мне. Милая барышня.

«Неужели сегодня весь день я буду лежать, пить лекарства и болеть? Но самое главное — лежать как бревно и ни куда не выходить? Да, голову включи — в холодильнике две банки открытого варенья и майонез столетней дав-

ности. Лекарства все есть, какие нужно, а вот еды — никакой. И попить тоже нечего», — размышляла я лежа.

Затренькал мобильник. Недавно я сменила мелодию и еще не привыкла к новому звонку, поэтому не очень быстро на него отреагировала. Если Жанна, не отвечу. Ну в самом деле, болею я или что? «Нет, не Жанна, — я вздохнула, — это Володя».

— Да, я вас слушаю. — «Так, никаких эмоций. Я знала, что ты обязательно позвонишь, только не хотела себе в этом признаться».

— Вы заболели? Мне сказал наш диспетчер.

— Не беспокойтесь, просто простыла, температура поднялась. Ничего страшного.

— Хотите, я приеду, привезу лекарства, еды какой-нибудь? Что вы любите?

Я действительно захотела, чтобы он приехал, подержал мою руку в своих теплых ладонях, помолчал рядом или поговорил, о чем-нибудь. Опять температура поднялась: простуда плюс любовная лихорадка. Что это со мной? Общаемся уже почти полгода, общение, правда, условное — короткие разговоры в машине, поездки с Мэри ко мне домой за город, когда мама и папа в отъезде. Володя всегда предельно доброжелателен, внимателен, заботлив. Могла позвонить в любое время, спросить, как лучше и быстрее доехать. Могу попросить отпечатать что-нибудь на компьютере, и все... И все-таки все это время я жила с ощущением счастья, что он есть, что он где-то рядом, едет по тем же улицам, по которым езжу я.

Высокая температура — коварная штука: мысли путаются, лучше прилечь.

— Да, Володя, я слушаю. Я люблю... — «А, кстати, что я люблю из еды? Грибы в любом виде, особенно соленые. Нет, пожалуй, грибов мне сейчас нельзя!»

Нерешительно говорю:

— Володя, а это удобно? Я ведь не умирающий лебедь, а у вас выходной, свои планы.

— Вы не хотите, чтобы я приехал? — В голосе явно слышится разочарование. — Я уже привык, что в эти дни вас вижу. Не хотелось бы нарушать традицию, — добавил он шутливо.

— Ну что вы, приезжайте, конечно. Буду рада вас видеть.

Подошла к зеркалу: да, надо как-то привести себя в порядок. Господи ты боже мой! Приглашаю мужчину, а сама больная с температурой. Есть нечего, пить тоже. Когда сын мой Димка у отца (это часто случается в каникулы), я совсем перестаю покупать еду и готовить. После шести вечера не ем, могу захватить выпить кофе в кофейне или заказать фруктовый салат, перекусить где-нибудь по-быстрому. Целую неделю собиралась сварить грибной суп, но заставить себя ну никак не могла. Да, присутствие сына меня дисциплинирует, а отсутствие — наоборот.

Ну и ладно, раз я больная, буду себя лечить. Заварила кипятком широко разрекламированный порошок от простуды, выпила и мгновенно уснула.

Домофон надрывался. Машинально глянула на часы, ничего себе — проспала три часа. Это Володя, доктор мой любимый приехал!

— Да, открываю, — ответила я в переговорное устройство. Затем быстренько водички на фасад побрызгала, зубки почистила, халат жеванный передела, ну правильно, спала же в нем. Хотя поздно метаться, приехал уже, поднимает-

ся.

— Здравствуйте, куда это можно выгрузить? — Володя принялся доставать из сумки виноград, соки, пирожные.

— Вы как-то говорили, что любите эклеры и можете за раз съесть пять штук. Я купил побольше; ешьте, выздоравливайте.

— Володя, это было раньше, теперь уже не ем столько... — Я смутилась. Что люблю эклеры — действительно говорила, а что объедалась — этого не помню.

— Я ненадолго. Понимаю, вы болеете, вам надо лежать. — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Что, даже кофе со мной не выпьете? Я бы с вами пирожными поделилась, а то мне много.

— Если можно, чай, я кофе не пью, не понимаю его вкуса.

— Зато я пью литрами, последствия работы в стационаре, где суточный график дежурств. Без кофе — никак, иначе — засыпаешь.

Я заварила чай, открыла коробку с пирожными, опять подумала, что зря суп грибной не сварила, вот показала бы сейчас себя Марьей-искусницей (хотя, кажется, она вышивала там что-то)...

Кухня у меня небольшая, уютная в нежно-розовом цвете. Изначально был задуман персиковый, но строители что-то перемудрили, в результате получился розовый. Исправлять не было ни сил, ни времени, ни желания, и я махнула рукой, пусть розовый, хотя этот колер в жизни избегаю в принципе. Но потом, при электрическом свете выяснилось, что цвет у стен не простой, а золотисто-розовый. Что ж, при таком оттенке не так грустно пересекаться с серыми буднями кухонных забот. Словом, после ремонта кухня стала моим любимым пристанищем.

На пустые стены просились какие-нибудь картины — хороший фон поддержит любой сюжет. Я люблю море, как у Айвазовского. А как расположить Айвазовского напротив холодильника? Громоздить на золотистый фон шкафчики от какой-нибудь штампованной кухни тоже не хотелось, тем более что они мне не нужны.

Все мои ложки-поварешки уместаются в одном столе-тумбе между мойкой и плитой. На обеденном столе, прижатом к окну холодильником, — маленькая микроволновка, на ней — телевизор. Больше нам с сыном ничего не нужно. Может быть, кому-то покажется, что квартира-спальня это слишком лаконично? Согласна. В моей однокомнатной хрущобе воплотилась мечта советских дизайнеров от коммунизма: жилье не должно связывать человека-работника, ибо его задача — принадлежать и служить обществу без остатка, а общество организует ему быт: питание, образование, медицинские услуги и т. д. Квартиры же только для того, чтобы в них спать.

Вот я так и делаю. Дома моюсь, стираю, глажу и сплю. Иногда ем и почти не готовлю. От детской мечты о красивом уютном доме остался лишь кусочек жизни в розовом цвете — моя кухня, она же гостиная и кабинет. Готовить дома не люблю еще и потому, что запахи еды пропитывают одежду, а с этим я не могу смириться. Не могу допустить, чтобы мои вещи несли посторонние запахи ни в мой, ни тем более в чужой дом, к людям, у которых я работаю. Мне самой это было бы отвратительно. Ничего не поделаешь, такой уж у меня нос от природы — чересчур чувствительный. От этого и сама страдаю — не успоко-

юсь, пока не смою или не уберу все, что может пахнуть. Порой даже после рабочего дня, приезжая домой, прежде всего провожу влажную уборку, если учую какую-то пыль. Подруги называют это сублимацией — переносом внутренней агрессии на другой объект. Когда не можешь напрямую выразить свои истинные чувства — раздражение, обиду или гнев, надо направить это настроение на какое-нибудь занятие, дело. Мне помогает.

— Спасибо за чай. Пожалуй, поеду, выздоравливайте, не болейте. Теперь нескоро увидимся, вы же пока не будете в бассейн ездить?

— Думаю, что так. Пойдемте, я вас провожу.

Володя внимательно посмотрел мне в лицо:

— По-моему, у вас температура не спадает, там в другом пакете лекарства, я все скупил, что было.

— Да, кстати, сколько я вам должна? — торопливо спросила я.

Он опять на меня посмотрел, нагнулся и поцеловал в лоб.

— И что это значит? — вытаращила я глаза.

— Горячая. Лечиться вам надо, вот и лечитесь.

«Это он так температуру определяет», — догадалась я.

Захотелось уткнуться ему в грудь и не дышать, не двигаться. Стоять бы так долго и чтобы он не уходил никуда.

— Можно, я позвоню вечером? Узнаю, как вы, вдруг понадобится что-нибудь?

Прежде он никогда домой сам мне не звонил, только на мобильный и строго по делу: что, где, когда и во сколько.

— Буду рада.

Я вышла на балкон, Володя подошел к машине, поднял голову и посмотрел на мои окна. Я вздохнула, пока я работаю в семье Майкла и Жанны, наши отношения с Володей останутся только дружескими.

Хорошо, что квартира у меня маленькая — могу быстро преобразовать мой гнев в идеальную чистоту. А во что «сублимировать» усталость, одиночество? Два года назад я поняла, во что. В машину, в дорогу! Садись в автомобиль и едешь куда-нибудь. Как будто это путешествие. Если не устраивает пейзаж за окном — включаю магнитола и воображение. Скорость и смена ритма движения — прекрасное средство от усталости! Если, конечно, без пробок.

День прошел спокойно. Прибежал сын, принес еды. Бывшая свекровь очень трогательно ко мне относится: блинчиков нажарила, перчиков нафаршировала. С ее сыном, моим бывшим мужем, мы расстались шесть лет назад, но отношения сохранили хорошие. Когда свекровь заболела, чаще меня ее никто в больнице не навещал, а у нее три сына. Очень занятые ребята, крутые такие бизнесмены, и жены их вниманием ее не баловали, потому как запахи больничные плохо переносят. А я барышня привычная, десять лет отработала в операционной, что мне запахи! Частенько к ней заезжала, привозила разной еды и на всю больничную палату. Бывшая свекровь это оценила и прониклась ко мне трепетными материнскими чувствами, почти полюбила. Раньше бывали и у нас разногласия по квартирному вопросу, но это в прошлом.

— Мам, ты не обидишься, если я у папы еще денек побуду? — голосом сиротки Баси спросил сын. — Мы с ребятами на канал собрались, папа будет с нами за старшего.

— Ну что ты, конечно, не обижусь, — ответила я, хотя ревную его к отцу. Но тут я сама виновата, все больше чужими детьми занимаюсь, хотя вся моя квалификация по закалке и развитию отработана на моем собственном ребенке. И он единственный теперь в классе, у кого первая группа здоровья!

От Володиного голоса у меня все внутри замирает и разливается теплом. Стараюсь, чтобы было незаметно, как я на него своеобразно реагирую, очень стараюсь, правда!

Прилегла, попыталась читать детектив, как-то не пошло, не то настроение, скучно стало — не похоже на жизнь. Может, самой книгу написать? За столько лет материала интересного накопилось, не на одну хватит. Надо подумать.

«Подумаешь, когда выздоровеешь, а сейчас иди лекарства пей, а то сто лет болеть будешь», — это мой «перфектум мобиле» не дремлет.

Телефон в тот день звонил не переставая. Жанна позвонила раз двадцать. На какие-то ее звонки я отвечала, на какие-то — нет. Обсуждала со мною нянь, которых ей подбирали в агентстве. Зная, как ей трудно угодить, я ни минуты не сомневалась, что ей никто не подойдет. Поэтому в концов концов предложила сама:

— У меня есть на примете очаровательная женщина, Раечка.

Я познакомилась с ней в бассейне. Она работала с малышом немного старше Мэри, но подумала, что и с ней справится. Ее доброжелательность, умение понять ребенка, сразу привлекли мое внимание — Раечка подойдет и Мэри, и Жанне. Миловидная, ухоженная дама лет пятидесяти, хотя выглядит гораздо моложе, спортивная. Педагог с большим опытом работы в семье. Словом, представила ее Жанне в самом выгодном свете.

— Звоните! Звоните немедленно! Пусть завтра же приезжает на пробный день. Мэри не спит, плохо ест, я ее совсем не понимаю.

— Жанна, вы преувеличиваете, Мэри спокойная девочка.

— Это у вас она спокойная, при вас мы ее и не слышим, а у меня она все время криком кричит, давайте Раечку посмотрим, позвоните ей сегодня же, — взмолилась Жанна.

— Хорошо, я постараюсь до нее дозвониться и договориться на завтра. На десять устроит?

— Нет, давайте пораньше, часиков на восемь.

Набрала Раечкин телефон, объяснила свою ситуацию, сказала, что заболела, и попросила ее заменить меня на пару недель.

— Если только ради тебя, чтобы ты спокойно лечилась. А то будешь рваться, осложнение какое-нибудь получишь, — к моему ликованию согласилась Раечка.

— Спасибо, солнышко! — тепло поблагодарила я ее. Мэри в бассейне она видела, очарована была ею безмерно, но Жанна с ее запросами на трудовые подвиги как-то не вдохновила.

Еще раз повторив, что делает это только ради меня, Раечка согласилась подъехать на Остоженку к восьми часам. Объяснила ей, как лучше и быстрее туда добраться.

— Если будут вопросы, звони.

Иду пить лекарства, какие же они гадкие и как только народ их пьет. Бо-

лею я редко и лечиться не люблю категорически. Лучше профилактика — спорт, бассейн. Заглянула в пакет с коробочками, которые привез Володя: таким количеством лекарств роту солдат можно вылечить, барышни аптечные дневную выручку точно сделали. Я закуталась в плед и вышла на балкон. Обшитый деревом и застекленный, он служит мне еще одной комнатой. Села в кресло — подарок бывшего мужа.

Глупая, еще выговаривала: «Ты, Климов, совсем спятил: есть у меня время в кресле-качалке сидеть?» Ну что за подарок странный, в самом деле! Но вот ведь пригодился.

Володя позвонил вечером, задал все врачебные вопросы: как я себя чувствую, лучше ли мне, спала ли температура? «А интересно, — подумала я, — как он живет, какой он дома?» Я не могла представить его себе в халате и тапочках, наверное, надевает спортивный костюм, но только не халат. Говорили мы долго, обо всем. Володя постоянно спрашивал: не устала ли, не хочу ли спать? Не устала и не хотела, хотела еще и еще слышать его голос, говорить с ним, видеть его. Параллельно размышляла: может, попросить, чтобы приехал? Ну да, пирожных еще привезти. Придумать какую-нибудь причину или не нужно?.. «Ты живешь в своем измерении. В кругу своих материнских и дочерних обязанностей, как, в плотном оцеплении, и при этом ни от кого не зависишь. Зачем тебе начинать эти новые и неопределенные отношения?» — убеждал меня при этом мой проклятый внутренний механизм. И убедил.

Раечка позвонила, отчиталась: Мэри накормлена, зарядка сделана, прогулка состоялась, несмотря на холодный ветер и накрапывающий дождь. Мама убыла в клинику — у нее сегодня по записи на прием несколько клиенток. Врач Жанна хороший, все ее пациентки хотят выглядеть не просто хорошо, а сногшибательно, и она с большим успехом им в этом помогает. Мне тоже на праздники презентуются кремы класса «люкс», косметика не ниже Диора и Живанши, даже инъекции ботокса делали для пробы. Особого эффекта от них я не увидела, но приятельницы говорят, что выгляжу я хорошо, несмотря на изматывающий график и суточную работу. В заботе над моей внешностью Жанне равных нет: «Вам этот крем нужен обязательно, а этот на ночь, а этот утром после еды», — постоянно инструктировала она меня.

Добрая она у нас мамочка, заботливая, за что и ценю ее безмерно, только мне выспаться бы, лучше бы домой пораньше отпустила.

Вечером опять позвонил Володя. Я как девчонка запрыгала на одной ноге: «Позвонил, позвонил, ура!» Хотя не умею я распускать гирлянды фейерверков в своей душе, а уж тем более словами. Однако трепет душевный имел место быть: ждала, ждала звонка. И по его интонациям поняла: мы совпадаем.

Ему нравился ранний Макаревич «из несказанных слов сказать вам хоть одно...». Попросила послушать, и он поднес телефонную трубку к проигрывателю, а я сидела на полу и слушала вещи, которые нравятся ему, а потом попросила поставить те, что нравятся мне. Это было и объяснение моих чувств, и послание о том, как мне хорошо, и напоминание, что я не могу перейти границу, которую так четко себе установила. Это был диалог наших сердец о прошлом, настоящем и, возможно, общем будущем. Мы говорили друг с другом на «вы», но, по-моему, каждый хотел сказать: «Люблю, хочу видеть, жду». Володя спросил:

— Что вы сейчас делаете?

— Сажу на полу и слушаю вас.

— А почему на полу?

— Ну, мне так удобнее, перемещаться по квартире я не могу — телефон у меня стационарный. Раньше была радиотрубка, но сын несколько раз ее «удачно» уронил, пришлось по-быстренькому купить что попроще.

— И вам удобно?

— Более чем.

Однако его обеспокоил факт моего сидения на полу, поэтому уже на следующий день он подарил мне телефонную трубку. Ставил мне песню Носкова: «Я люблю тебя, это здорово...» Когда сама ее слушала, она меня не трогала, а тут почему-то зацепила своей нежностью, мелодичностью. Володя рассказывал мне о своих друзьях, Макаровых — семье, состоящей из бабушки, дочки, внучки и зятя. Был там еще и дедушка, который в весьма зрелом возрасте вдруг ушел из семьи, пересел на мотоцикл и стал рассеивать по Москве в кожаных подштанниках, в куртке с металлическими заклепками и с банданой на голове. Он не выносил, когда его называли дедом, поэтому, видно, и ушел. Нашел себе совсем молодую деваху и вот стал отрываться с ней по полной программе.

Но друзья есть друзья, вернулся Володя к нашей старой теме и признался, что обе части этой развалившейся семьи занимают в его сердце равные места и он надеется, что все-таки они опять соединятся, когда дедушке надоест резвиться на стороне.

Раечка позвонила через день и убитым голосом сообщила:

— У Жанны Владимировны пропал кошелек. Пропал из сумки, сумка была дома, стояла открытой, и она в последний раз точно его там видела.

Какая Жанна внимательная, мне можно не рассказывать.

— А кроме тебя, кто еще был дома? — спросила я Раечку.

— Иван, ее сын от первого брака, и еще участковый милиционер заходил, чего-то там обсуждал с Жанной. Я как раз Мэри кормила, не видела, когда он ушел, — бесцветным голосом доложила Рая.

— Так, только не паникуй, это у нас привычное дело — поиски часов, ключей, кошельков. Лучше бы Жанна голову свою где-нибудь оставила! Найдется, причем скоро, — успокоила я Раечку.

Да, весело... Порекомендовала няню, и уже на следующий день пропал кошелек. Я представила себе, что выслушаю от Жанны вечером, странно, что она до сих пор мне не позвонила.

Только помяни нашу мамочку, она тут как тут:

— Да, Жанна Владимировна, я вас внимательно слушаю. — Морально я была готова выслушать все ее претензии в мой адрес: «Что за няню вы нам прислали, кошельки пропадают!»

— Людмила, представляете, у нас вчера был ряженный милиционер!

— Да вы что, Жанна Владимировна!

— Да, и у меня пропал кошелек. Я ни в коем случае не хочу думать ничего плохого на Раечку, это точно милиционер, больше ведь некому, да?

— Насчет милиционера — версия уж больно хлипкая какая-то, Жанна Владимировна, может быть, еще варианты есть?

— Какие еще могут быть варианты? Неужели вы думаете, что это Раечка?

Вы же сами мне ее рекомендовали.

Я тоже не думала, что это Раечка, но про то, что Жанна сама могла где-нибудь оставить кошелек — в кафе или в том же «Мариотте», — у меня духу сказать как-то не хватило.

— Может быть, еще кто-нибудь заходил?

— Больше никого не было!

Да, миленькая ситуация. Прояснилась она через пару часов. На Остоженку позвонили из ресторана «Шатуш», где Жанна ужинала накануне и оставила на столике кошелек. К счастью, в нем оказались визитки с номерами мобильного и домашнего телефонов. Позвонили и пригласили прийти и забрать свои вещи. Вот росомаха-то!

Но ни я, ни Раечка так и не услышали от Жанны ни извинений, ни оправданий, что она бывает такой рассеянной. Еще и милиционеру ни за что досталось: Жанна успела позвонить в отделение, узнать фамилию этого несчастного и как бы невзначай брякнуть: «У меня пропал кошелек после его визита».

Пока я болела, пришла настоящая весна. Резко потеплело, а вместе с весенним солнышком вернулась уверенность, что жизнь прекрасна. И все в ней прекрасно — каждая мелочь.

Пока я ехала на Остоженку и слушала музыку, настроение у меня было замечательное. Думала, сегодня Володю увижу. Мы с ним разговаривали по телефону каждый вечер, но я так и не нашла повода пригласить его к себе. Мне было достаточно, что мы говорили и я слышала на сон грядущий его голос. Мы даже вместе смотрели по телевизору теннисные матчи, Володя переводил мне непонятные термины.

Приехала на Остоженку, открыла дверь и увидела Жанну всю в слезах:

— Ненавижу его, старый козел!

«Ну, не очень старый, Майклу всего сорок шесть, и не козел он вовсе, а юрист, причем с приличным годовым доходом, — молча запротестовала я, — содержит Жанну, ее сына от первого брака, Мэри, оплачивает услуги няни, домработницы и так по нарастающей»... Но в этих эпизодах моя роль без слов...

— Людмила, давайте поедem в Египет! — внезапно предложила Жанна.

— А что случилось, Жанна Владимировна? — Мой ошарашенный вид и безмолвный протест она сразу восприняла как отказ.

По контракту я никуда не обязана выезжать и вылетать. Про полеты вообще оговорено особо, потому что я не переносу самолеты — банки эти консервные. Сидишь там как приговоренная. Конечно, я сто раз слышала, что автостастрофы случаются гораздо чаще и поезда с рельсов сходят, но все равно летать не хочу.

— Я все оплачу. Давайте поедem! Вы, Мэри и я...

Ну, положим, оплачивать будет Майкл, но это не важно, главное — меня опять ждет суточная работа, а я от нее устала! Ведь на ночь мамочка братъ Мэри не станет и кормить будет, чем ни попадя. Есть у Жанны такая привычка: что сама ест, то и ребенку сует. Куда там Майклу с его медом! А это значит, что всю поездку придется девочке лечить живот, так что бессонные ночи мне обеспечены.

— Да случилось-то что? — попыталась узнать я у Жанны.

— Жизнь рушится, все рушится, все мои планы летят к черту!

— А более внятно можно сказать? Если вы хотите, чтобы я поехала, если это так для вас важно, то хоть объясните, ради чего мне все эти перелеты?

Оказалось, что Майкл давно и прочно женат на своей соплеменнице-англичанке, и якобы Жанна только что случайно об этом узнала.

— А он что, скрывал это? — В моих словах больше утверждения, чем вопроса, просто не знала, как мне ее успокоить.

— Не скрывал, но обещал с ней развестись, там детей нет. А я вот дочку ему родила.

Ну, положим, желающих родить от богатого европейского папочки всегда предостаточно, идея в принципе не нова. Такие джентльмены — это не российские мужики, они детей своих не бросают, обеспечивают их по максимуму и мамочкам перепадают куски сладкой жизни. Это даже стало бизнесом своего рода.

Жанна напоминает мне капризного ребенка: хочу богатого английского мужа, и ну ногами топать, кричать. Но Майкл тоже не круглый идиот. По их английским законам при разводе он лишается значительной части своего капитала, почти все отойдет его жене. Да и подустал он заметно от Жанниних капризов и истерик. Майкл устроился прекрасно: с женой у него гостевой брак. При нем романтические отношения можно сохранять всю жизнь — ни тебе совместного быта, ни раздражения от не положенных на место вещей. Правда, тепла и заботы друг о друге нет, да, видно, им это ни к чему. С Жанной все по-другому. Она живет эмоциями, а Майкл — трезвым рассудком. Мне кажется, что брачный тандем у них вряд ли сложится.

— Он что, вам в содержании отказывает или без копейки оставляет? Ведь это не так, Майкл все оплачивает.

— Не хочу больше ходить в содержанках! — разрыдалась Жанна.

Я поняла, что этот бессмысленный разговор может продолжаться вечно.

— А от меня что требуется?

— Давайте уедем, а ему не скажем куда, — предложила она.

— Это просто детский сад какой-то, вы же умная женщина, что за странные идеи!

— Нет, надо уехать, и пусть он попереживает, поищет нас. Так вы поедете с нами? — спросила Жанна.

— Если для вас это так важно... Надо подумать. — Во всей этой затее я видела лишь один разумный момент. Мэри уже хорошо держалась на воде, но у детей, занимающихся в бассейне, есть барьерные ограничения. Возможность в любой момент опереться или отдохнуть у бортика порождает психологическую зависимость от него, а в открытой воде это невозможно. Пора уже переводить малышку на более сложный уровень, постаралась я себя убедить.

— Так я заказываю путевки? — уточнила Жанна.

— Хорошо, — согласилась я, — посмотрим, что из этого получится.

Жанна все быстро оформила, когда ей что-то нужно, она как танк. Вечером позвонил Володя, и я рассказала ему про поездку.

— Надолго уедете? — спросил он.

— Да нет, на недельку.

— Вы же говорили, что плохо переносите самолет.

— Просто ужасно, у меня появляется такое ощущение, будто я заперта в консервной банке и беспомощна как младенец, — пожаловалась ему. — Но во-

первых, Мэри полезно покататься в море. Плавание в море и в бассейне — разные вещи, вам как спортсмену этого не нужно объяснять.

— Бывшему, к сожалению, сейчас даже не тренирую.

— Почему, времени не хватает или желание пропало? — любопытно спросила я.

— Интерес к теннису резко спал, а аренда кортов дорогое удовольствие — не каждый может себе это позволить, — объяснил мне Володя. — Но вы сказали, во-первых, а что во-вторых, есть еще причина?

— Я пообещала Жанне поехать с ними, а свои обещания я всегда выполняю, иногда себе в убыток. Тут есть еще и такой существенный момент: спокойно на душе у Жанны — хорошо Мэри, а для меня это важно.

— Как вы будете добираться до Домодедова? Может быть, я вас отвезу, а для Жанны с Мэри пришлют другого водителя?

— Мне будет гораздо спокойнее, если они тоже поедут с вами. Вы же знаете, что могут прислать очередного «пежиста».

Володя засмеялся, он помнил мои рассказы о водителях, которые возили нас с Мэри в бассейн. Как-то приехал милейший дядечка на комфортном «Пежо», но вез нас до бассейна два часа и столько же обратно, изрядно меня вымотав. Мы бесконечно стояли в пробках, а маршрут наш пролегал аж через юго-запад. Как у него это получилось, до сих пор не понимаю.

Я уже заказала машину через фирму «Комфорт». Когда не было своей машины, я часто пользовалась ее услугами, да и сейчас вечерами от стоянки до дома добираться с ее помощью.

Вечером позвонила, любезно попросила: «Барышня, пришлите, пожалуйста, машину понадежнее».

Звонит мне утром:

— Машина — «четверка», водитель ждет у подъезда.

Спускаюсь, в руках дорожная сумка — новогодний подарок одной милой мамочки, жены автомагната, у которых я раньше работала.

— Боже, а почему же машина такая грязная? — возмутилась я, усаживаясь на заднее сиденье.

Водитель посмотрел мимо меня и рванул с места. В салоне табачищем несет, как в камере у подсудимых.

За ночь резко похолодало, дорога обледенела, а резина на автомобиле — летняя. Перед самым аэропортом, по закону подлости, мы еще и заглохли. Я даже обрадовалась: может, лететь никуда не придется? Скажу, машина сломалась, поэтому опоздала на самолет. Но устыдилась таких мыслей. Водитель между тем что-то подкрутил, подвинтил, обозвал пару раз свой автомобиль ржавым корытом, и мы доехали почти вовремя. Жанна, Майкл и Володя с Мэри на руках стояли возле стойки регистрации.

— Людмила, я уже решила, что вы передумали, — попеняла мне Жанна, даже не поздоровавшись.

— Мне сегодня не повезло ни с машиной, ни с водителем. А что, Майкл знает, что мы улетаем? Вроде бы предполагалось сделать из нашей поездки страшную тайну?

— А деньги? Я не вдова Рокффелера, — Жанна закатила глазки. — Пришлось ему сказать куда и зачем мы летим.

При этом, надо заметить, Жанна Владимировна и сама неплохо зарабаты-

вает, могла бы и больше, да желание спать до обеда лишает ее возможности стать акулой эстетиколицевого бизнеса. Как я и предполагала, за все заплатил Майкл. И чего надо было огород городить с этой поездкой? Мне лишние нервы трепать. «Так, стоп, свои страхи задвинь подальше и никому не показывай, что ты до обморока боишься лететь. Начнешь психовать, Мэри это сразу почувствует», — строго приказала я сама себе.

— Он к нам прилетит!

— Кто? — вздрогнула я.

— Майкл. На пару дней. Мы решили, что вместе выберем вам подарок! Он хотел выдать вам премию, но, по-моему, деньги — это пошло. Я решила, что украшение — самое то!

Украшения Жанна скупала в больших количествах. Среди авторских вещей было и немало цыганщины. Любит эта женщина выражаться новогодней елкой.

— Я не ношу украшений, кроме крестика и обручального кольца, — попыталась я остановить порыв Жанны. И у меня действительно больше ничего нет.

— Людмила, ездить на собственной машине и не иметь бриллиантов — просто неприлично, — изрекла незабываемую фразу Жанна.

Где она ее вычитала? Не иначе как в «Космо». Там постоянно внушают, что бриллианты — лучшие друзья девушек!

— Жанна Владимировна, я не поняла, что вы хотите сказать насчет бриллиантов?

— Ну что здесь непонятного, — рассердилась она на мою бестолковость. — Мы с Майклом решили подарить вам кольцо с бриллиантами.

— Их что, еще и много будет?

— Вот что понравится, то и будет.

— Жанна Владимировна, давайте вообще оставим эту идею о кольцах и бриллиантах и всяких других подарках.

— Мы так решили и все, ваши возражения не принимаются.

— Ну, это мы еще посмотрим! — усмехнулась я.

Объявили регистрацию.

— Мэри, отпусти Володю и иди ко мне, — скомандовала Жанна.

— Неть, Воедя!

— Мэри, — прикрикнула Жанна.

Девочка удивленно подняла бровь, она не привыкла к такому тону.

— Неть, Воедя!

— Володя, в вас влюблены все, от мала до велика, — с усмешкой заметил Майкл.

Жанна вдруг покраснела. С чего бы это? Неужели тоже неровно дышит в сторону нашего водителя? А ведь он — совсем не мачо и далеко не записной красавец. Когда перестал тренировать, резко поправился, стал немного похож на морского котика, такой же мягкий, уютный. Но, правда, от него исходит такое тепло, что согревает всех окружающих. И улыбается Володя замечательно.

Погрузились наконец-то в самолет. Жанна, экономная наша мамочка, купила два билета, для Мэри места не было. Сама она уткнулась в журнал и тут же задремала. А мы с Мэри кое-как устроились вдвоем на одном кресле. Я положила ей под голову курточку, укрыла ее пледом, сама пристроилась на кра-

ешке. Малышке десять месяцев, а вещи ей приходится покупать как на годовалую. Вытянутая как струна, гибкая и пластичная — даже слишком идеальное сложение для маленького ребенка.

...Отель оказался пятизвездочный, выше всяких похвал, сервис, бассейн с подогревом. Нам он, правда, ни к чему, мы с Мэри плаваем при температуре двадцать восемь градусов и ниже. Номера у нас с Жанной отдельные. Сначала были дверь в дверь, но потом она решила, что вид из ее окна не очень живописный и перебралась в другое крыло. Там из лоджии ее глаза радовали зеленые библейские холмы, пересыпанные белоснежными крышами каких-то строений, а в глубине, как на декорации, красовался Синай в туманной дымке. И пейзаж напоминал о прекрасной вечности, и мы с Мэри перед глазами не маячим.

С утра все было как обычно: зарядка, прогулка для Мэри, пробежка — для няни, потом быстренько в душ, растерла девочку жестким махровым полотенцем. Она от удовольствия повизгивала. Ей здесь все нравилось, головой крутила во все стороны, глазки широко раскрыты, но эмоции сдерживает — не выражает по-детски щенячьего восторга. Леди она и есть леди. Покормила Мэри тем, что захватила с собой из дома. Развела кашу «Беби Ситтер» — вполне приличная марка, из всех этих Хайнцев, Герберов, Бечинатов Мэри нравится больше всех.

— Ну что, а теперь няня пойдет завтракать?

Девочка благосклонно кивнула.

Знать бы, куда идти. Жанна с ее любовью поспать раньше обеда не встанет, так что пролетаете вы сегодня с завтраком, милая няня. Хорошо, что я захватила с собой фруктовые корзиночки, купленные в «Метро». Это что-то среднее между пирожным и сухим печеньем. Попить бы еще чего-нибудь. Посмотрела в баре. Там соки разные, попробовала — на вкус не разобрала, что это. И тут раздался звонок. Неужели мама наша так рано проснулась? Что это делается?!

— Людмила, вы уже встали? — спросила она сонным голосом.

— Давно. Уже даже позавтракать успели.

— Где?

— В номере.

— Да? А я хотела вам рассказать, куда идти на завтрак, ладно, я еще посплю.

— А Мэри будет спать? — Вижу, ребенок устал, глазки сонные, закрываются.

— Читать, — показывала она пальчиком на книжку.

— Почитать? — Она с серьезным видом кивнула. — Ну, в таком случае укладывайся, сейчас будем читать.

Я передела ее в зефирно-воздушную пижамку, укрыла, но не успела открыть книгу, как она уже крепко уснула. Вышла на балкон. Красиво как! Даже не верится, что я в Египте. Как летели, тоже не заметила, только на взлете слегка понервничала, а потом некогда было. Мэри то спала, то я ее кормила, то по салону мы с ней гуляли. Не до страхов каких-то бестолковых было. Значит, у меня не клинический случай клаустрофобии, порадовало.

Через несколько дней прилетел Майкл. Жанна была вся на нервах, выбирала прическу.

— Как лучше — волосы распустить, подобрать или шляпкой их прикрыть? — терзала меня.

Я позволила себе огрызнуться.

— Тогда налысо. Стильно, современно и не шаблонно.

— Вы так думаете? — на полном серьезе спросила она.

Ну совсем от любви голову потеряла!

Раскидала по номеру весь гардероб. Вот, что было в Москве из одежды, то и привезла на отдых. Любит Жанна, чтобы всегда всего было много.

— Люда, а как мне эта юбочка? А эта кофточка? А если это боди под этот пиджак?

— Жанна, ну какой пиджак? Такая жара, сопреете.

— Ах, ну да...

Вещи Жанна покупает дорогие, стильные, но не последних коллекций. Стоковые магазины обожает. Одежда ее недешевая, но и дорогой не смотрится. Если на этикетке указана химчистка или ручная стирка, вещь все равно забрасывается в стиральную машину и после нее как-то уже не выглядит дорого.

Вечером Майкл и Жанна пригласили меня с Мэри в ресторан на ужин по случаю приезда папы. До этого, по договоренности с Жанной, мы с Мэри ужинали в номере. Девочка так лучше ест, да и мне было спокойнее. Завтракали в ресторане, мне этого вполне хватало... Шведские столы — сущее наказание. Еще бы, такая халява! Мой завтрак — мюсли с йогуртом, сыр, кофе. Колбаса, сосиски, омлет, круассаны — это изобилие на тарелке у Жанны. А потом мне говорит:

— Люда, вы такая худенькая, стройненькая...

Моя сублимость ей как бельмо на глазу. А ведь, как выяснилось, помнит совет известной балерины: «Жрать надо меньше». Или хотя бы не ныть, что хочешь похудеть.

Ужин по случаю приезда папы — случай особый и надо соответствовать. Семья в интерьере японского ресторана с няней на подхвате, чтобы покормить, занять, забрать ребенка.

— Жанна, может быть, вы по-семейному поужинаете без меня? — предложила я, в надежде отдохнуть хоть пару часов.

— Людмила, вы что, не хотите пойти с нами? Это же элитный ресторан, — удивилась Жанна. — Там такое общество!

— Да мне без разницы, элитный он или нет. Японскую кухню я не люблю. — Уже ясно понимаю, что мне не отвертеться и накрылись мои два часа свободного времени. Дело совсем не во мне: чего я хочу или не хочу. Жанна любитшний раз подчеркнуть, как у нее все круто: и муж англичанин, и ресторан пафосный, и ребенок при няне, все как у «больших».

Мэри как ангелочек, с ее гардеробом проблем нет. Папа привозит ей вещи отовсюду, наряжает как куколку — единственное его дитя, да еще девочка. Папы всегда дочек больше любят, хоть и заказывают сыновей, а к дочкам больше привязаны. Еще бы! Обнимет Мэри папу за шею, головку кудрявую ему на плечо положит, и Майкл тут же плавится как воск.

Прикинула, что мне надеть, чтобы выглядеть достойно, не помятой, — ведь Мэри будет у меня на руках, усаживать ее и кормить тоже мне придется. Тут надо все учесть.

— Людмила, вы всегда так элегантно одеты, прямо и не подумаешь, что няня, — с укоризной сделала мне Жанна комплимент.

У меня в гардеробе две белые блузки, итальянские, приличного качества, за что я и ценю дорогие вещи. Универсальная форма: белый верх, темный низ. Брюки классического покроя или джинсы, безусловно сидящие. Мне это без проблем, лишних отложений нет, пресс покачиваю, фигурой Бог не обидел, правда, росточком не вышла, ну так маленькая собачка — до старости щенок. Хорошо выгляжу без особых на то усилий. К вещам отношусь бережно. Все-таки деньги мне не с неба падают, тратить их стараюсь разумно и практично. Дешево — никогда не значит хорошо. Но и дорого — не всегда соответствует образу и настроению.

Жанна же обожает совместные обсуждения:

— Людмила, правда, веселенькая блузочка?

— А какое у вас настроение? — Мой вопрос ввел ее в ступор.

— Какая разница какое настроение?

— Ну какой вы образ хотите создать? — спросила ее. — Легкомысленный, стервозный, лирический, деловой? Какое настроение, такой и образ. Одежда — это отражение вашего настроения.

— Судя по тому, что на вас надето, у вас чаще хорошее настроение, — огрызнулась Жанна.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Мы с моей подопечной вошли в ресторан.

— Мэри, поздоровайся с папой и мамой.

Она небрежно махнула ручкой.

— А где наши изысканные манеры? Маленькие леди разве так здороваются? — Мэри хитренько на меня посмотрела, наклонила головку в полупоклоне и протянула папе ручку для поцелуя.

В ресторане повисла тишина, всех прямо парализовало на несколько минут. А папа аж сомлел от удовольствия. Наконец-то уселись, я заказала себе какой-то еды, не понимая, что заказала. Ничего, принесут, разберемся. Для Мэри попросила йогурт и банан, на ужин ей вполне достаточно. Но Жанна стала меня уговаривать:

— Давайте разрешим ей попробовать что-нибудь вкусненькое. — Жанна у нас экспериментатор по части еды. Если бы практиковала только на себе, ладно, но у Мэри от ее задумок разболится живот и будет бессонная ночь.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Только Мэри тогда сегодня будет ночевать у вас в номере. Прошла неделя, как мы приехали, я тоже хочу отдохнуть.

— Хорошо, не будем ничего нового ей давать, — тут же отыграла назад Жанна.

Мэри на детском стульчике сидит как принцесса на троне, только ногами болтает, как цветочница Анюта. Есть в ней это милое сочетание девочки-простушки и утонченной барышни.

— Майкл, когда мы пойдем за подарком няне? Я уже знаю куда, — тархтит Жанна.

Понятно, она присмотрела что-то, а под девизом «подарок няне» можно и себе прикупить ювелирных украшений.

— Жанна, — поднимаю я глаза, — мне не нужно никаких подарков. Вы мне достаточно платите, я могу купить все, что захочу. — При этом четко прогова-

риваю каждое слово, чтобы понял Майкл.

— У вас должна остаться память о нашей семье и я не хочу, чтобы вы уходили от нас по окончании контракта, — возразила Жанна.

«Ну, намешала все, как всегда, значит, и подарок, чтоб я не уходила? Покупает меня, что ли? Восток — дело тонкое...»

— Жанна, — пришлось напомнить ей, — у нас контракт на год. Там все по пунктам: что, где, когда, сколько стоит. После года агентство подберет вам гувернантку для Мэри.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласилась Жанна, — мы это потом обсудим.

Мило поужинали. Мэри танцевала с папой, мама — с каким-то темпераментным южанином. Блондинка — она всегда вне конкуренции, а наша красавица мама — тем более.

Я вяло жевала салатный листик и мечтала: «Еще три дня и наконец-то домой. Скорей бы, я так соскучилась по Димочке и по Володе!»

Утром мы с Мэри проспали. Быстренько умылись, оделись, спустились. Возле бассейна уже клубится народ. Майкл занял нам лежаки, там с этим проблема: кто не успел, тот опоздал. Мэри рыбкой нырнула в бассейн, я еле успела сбросить халат и прыгнуть за ней. За Мэри я не беспокоилась, она хорошо держится на воде, ныряет как дельфин, но народ-то к такому не привык! Малышка, которой нет еще года, спокойно так себе гребет, еще и щебечет, пытаюсь мне втолковать, куда ей надо доплыть.

С нами в отеле отдыхал известный журналист с внуком Мэриного возраста. Деду было с кем его сравнить. Зато и вопрос «Зачем нужны няни?» тут же снялся с повестки дня. Все же любят обсудить эти телевизионные страшилки об этих нянях-мерзавках. Не люблю, когда на нас с Мэри пялятся, как в зоопарке. Бывали такие моменты и в «Мариотте», и в Нахабино. Сама виновата, надо было раньше вставать, а не дрыхнуть до упора. Теперь вот расплачиваемся всеобщим вниманием со стороны отдыхающих и местного населения. Им такое в диковинку.

— Мэри, к берегу, — кивнула я девочке.

— Неть, ище. — Упрямая как маленький ослик.

Плавать-то плаваем, а вот ходить Мэри еще рано. Поэтому подхватываю ее и несу к лежаку. Набрасываю на нее полотенце. Народ безмолвствует, потом все тихо разбредаются по своим местам.

После обеда мы пошли погулять по городу. Шопинг — любимое мамино занятие. Майкл отправился по магазинам без всякого восторга. Смотрю, глазки скосил и ходит так обреченно, только кредитку протягивает продавцам с унылым видом. Да, тяжело иностранцам с нашими барышнями, накладно. Зато у Жанны настроение заметно улучшилось, даже о замужестве какое-то время больше не заговаривала.

Я ее как-то спросила, что, по ее мнению, решает эта печать в паспорте? Чувства крепче, что ли, становятся или это гарантия верности? Хотя и так все понятно: жена себя более уверенно ощущает, чем содержанка: сегодня он даст денег, завтра — может и не дать.

— Но Мэри-то он всегда обеспечит, — сказала я.

— Мэри — да, но я тоже хочу, я уже привыкла к такому уровню жизни.

«Я» — у нее всегда доминирует в разговорах. Есть Майкл, Иван, Мэри, а есть «я» и «я хочу».

— Ну ничего мне не нравится, — ответила я Майклу и Жанне. Оставили бы меня в покое, а? Ну спокойно я дышу в сторону любых украшений. Лучше взяли бы ребенка и отпустили меня на пару часиков поспать.

Продавец аж подпрыгивал от удовольствия — Жанна уже скупилась у него половину товара и стала подбираться к другой.

— Вот, посмотрите, — протянула мне колечко, все усеянное меленькими бриллиантами. — Нравится?

— Миленькое, — кивнула я.

— Так, это берем, — решает за секунду Жанна, не интересуясь ни ценой, ни размером. Оно и понятно, Майкл же оплачивает, хорошо быть щедрой за его счет.

— Оно мне велико, — протягиваю я руку с кольцом. — Видите, болтается? Так что давайте вернем его продавцу и пойдем в отель. Мэри пора кормить, она глазки трет, спать хочет. Хотите, оставайтесь тут с папой, а мы уже нагулялись, — предложила я ей компромиссный вариант.

Жанна явно еще присмотрела для себя что-то, и мое желание уйти ее как-то не вдохновило. Она удивленно посмотрела на меня: ну кто же в здравом уме и в твердой памяти отказывается от таких подарков? А я не люблю быть обязанной, никогда не беру в долг и ни перед кем не приседаю за лишней доллар. Странно, зная меня уже много времени, Жанна этого так и не поняла. Конечно, так уж принято, и меня мамочки всегда поздравляли на праздники. Дарили косметику, парфюмерию, сумки... Жанна переплюнула всех, на этот эффект явно и рассчитывала.

— Так, все, — решила я взять развитие событий в свои руки. — Мэри, быстренько прыгаем в коляску и домой. Вы тут развлекайтесь, а у нас режим, нам надо есть и спать.

Мы прискакали в номер, я уложила Мэри, сама тоже прилегла, задремала. Проснулась от стука в дверь.

— Да, Жанна, заходите. Только тихонько, Мэри уснула. — Глянула на часы — все же мне удалось урвать себе на отдых тридцать минут.

— Вот, — протянула мне Жанна бархатную коробочку. — Мне показалось, что оно вам понравилось. Мастер уменьшил размер, так что теперь оно будет вам в самый раз.

Я замечаю в ушах Жанны новые сережки и кольцо на пальце. Гарнитур очень изысканный. Наверное, Майкл выбирал. У него хороший вкус, не раз в этом убеждалась.

— Жанна, я вам очень признательна за внимание, но я не могу принять ваш подарок.

— Да? А почему?

— Потому, что он очень дорогой, — попыталась я ей втолковать. — Неприлично принимать такие подарки.

— Подумаешь, пятьсот долларов, — легкомысленно отозвалась она. — Продавец хотел девятьсот, но у меня хороший дисконт, я там часто украшения покупаю.

— Хорошо, раз за пятьсот, тогда буду носить с удовольствием, — устав от ее напора, согласилась я. — Спасибо.

С видом победительницы, улыбаясь, Жанна удалилась из номера. Я разглядела колечко — действительно красивое. Правда, я совсем не разбираюсь в украшениях, но это колечко мне понравилось. Наконец наступил последний день нашего пребывания в Египте. Майкл уже улетел, ждет нас в Москве. Я складываю аккуратной стопкой мои и Мэрины вещи в сумку. Мэри стоит в манеже и корчит мне рожицы. Она такая забавная, за неделю на море окрепла, загорела, скоро уже пойдет. Жаль, что скоро придется с ней расстаться. Еще пара месяцев и все, мой контракт в этой семье закончится.

— Людмила, — влетела в номер Жанна. — Давайте я возьму Мэри, а вы пойдете по городу погуляете. Мне позвонил Майкл и напомнил, чтобы я вас отпустила. А вы же еще не купили подарки для своих?

— Когда бы я это успела? — откликнулась я.

За все дни в Египте Жанна ни разу не взяла Мэри к себе. Правда, Майкл брал ее с собой на прогулку. Он более деликатен, понимает, что няне хоть пару часов надо отдохнуть. Но папа улетел, и на этом все кончилось. Когда я могла позаботиться о подарках?

— Идите, я сама побуду с Мэри. А лучше давайте пойдём все вместе. — Понятно, перспектива занимать дочь пару часов мать как-то не вдохновляла.

От изобилия всевозможных сувениров, сверкания золота рябило в глазах и клинило фотоаппарат. Пытаюсь сообразить, что привезти Володе. Для бывшей свекрови выбрала шаль с золотым рисунком на черном бархате. Любит она всякие платки, шали: набросит на плечи и сидит на диване с царским видом. Ее вкусы за одиннадцать лет я изучила. Купила соседским девчонкам сеточки с монетами на голову — национальный головной убор. Хочется их порадовать.

Подарок для Володи нашла в самый последний момент — маленький изящный кувшинчик с ароматным маслом. Причем не простым, а заговоренным, как сообщил мне продавец. Нужно побрызгать им в помещении, и все тайные желания тут же исполнятся.

Как же легче стало бы жить, если бы такое было возможно! Что ж, пусть попробует.

Улетали мы вечером. Перед отъездом еще раз сходили с Мэри к морю, поплавали, народ уже по привычке к нашей пловчихе, особенно сильно в нашу сторону не таранился. До аэропорта добрались без приключений. Жанна, как всегда, оказалась без денег, так что таксисту и носильщику пришлось платить мне. Майкл, зная эту ее милую особенность, всегда деликатно меня спрашивал: «Сколько вам должна Жанна?» И расплачивался со мною сам.

— У вас всегда есть деньги, — в свою очередь восхищалась Жанна моей экономностью. — Вы всегда все просчитываете, доходы, расходы.

— Почти всегда, — обычно поправляла я ее. Так приучил меня папа. А мама, напротив, никогда не знает, сколько у нее в кошельке.

В самолете разносили еду в больших пластиковых упаковках. Для Мэри я взяла в дорогу овощи с мясом в баночках. Попросила стюардессу пюре подогреть, а на десерт — фрукты и печенье.

— Хочу. — Мэри показывала пальцем на коробку.

— Давайте дадим ей попробовать. Ну ей же хочется, неужели вам ее не жалко? — раздобрилась Жанна.

К концу нашей поездки у Мэри наконец-то перестал болеть животик, а тут опять эксперименты.

— Мне ее больше жалко, когда она не спит по ночам оттого, что у нее болит живот и приходится пичкать ее лекарствами. А впрочем, делайте что хотите. — Я устало прикрыла глаза. — Хотите, хоть всю коробку ей скормите. В конце концов, это ваш ребенок и вам решать, что для него лучше.

«Скоро прилетим, Володя нас встречает. Сначала поедем на Остоженку, выгрузим Жанну с Мэри и — домой», — размечталась я.

Прошла стюардесса, больше похожая на проводницу поезда — такая дебилая тетеха. Наверное, на чартерный рейс персонал набирают из всех подряд. Улыбаясь, спросила: «Кофе, чай, соки. Что желаете?» А улыбка хорошая, теплая. Видно, не всегда для стюардессы главное внешность, обаяние тоже играет свою роль.

Я попросила кофе, Мэри спала последнюю ночь хорошо, нового ничего не ела, но встали мы рано. Хотелось, чтобы она поплавала, подышала морским воздухом. Потом сборы, перелет. И сейчас ужимаемся на одном кресле, места лишнего не нашлось, экономия.

— Люда, вы не возьмете Мэри к себе? — Я чуть кофе не подавилась!

— Что-то неважно себя чувствую, — продолжила Жанна.

— Нет, не сегодня, я очень устала. А уставшая няня ребенку не нужна, реакция не та.

Мое терпение можно испытывать долго, но у него есть предел: я больше недели работала без выходных.

— А когда вы собираетесь выйти?

— Через неделю, не раньше. Жанна, у меня тоже есть планы, тем более что вы обещали мне неделю отдыха после поездки.

— Я обещала? Ну да, раз вы так говорите, тогда конечно. Вы тогда Раечке позвоните, я ею не очень довольна, но на безрыбье... — недовольным голосом продолжает Жанна.

«Если недовольны, побудьте с дочкой сами, она так редко вас видит, — проворчала я про себя. — Ну что за проблема остаться со своим ребенком на неделю?»

Наконец приземлились, похлопали летчикам, поблагодарили их от души за то, что долетели живыми и здоровыми.

Володя нас уже ждал, Майкл ему позвонил и сообщил номер нашего рейса, время прибытия. Похоже, Володя становится семейным водителем. Если Майкл расщедритя и купит машину, то он, без сомнения, будет у них работать. Кто-то другой Жанне вряд ли подойдет.

Я увидела Володю еще на входе и почувствовала, что покраснела. И смех и грех, скоро бабушкой буду, а краснеть не разучилась.

Пока мы доехали на Остоженки, Мэри задремала у меня на руках. Потихоньку выбирались из машины, стараясь ее не разбудить. Если проснется, придется мне остаться с ней до вечера, Жанна себе сотню дел придумает или уедет куда-нибудь. Плевать ей на то, что у меня сын дома один скучает, а я устала. У нее свои интересы, а остальное меркнет в ореоле ее сияния. Мэри так устала за день, что не проснулась, даже когда я ее переодевала, только глазками похлопала: ага, няня здесь, можно спать дальше. Уложила ее в кро-

ватку, укрыла.

— До свидания, Жанна Владимировна, Мэри спит, я поехала.

— Да, спасибо, Володя ждет, отвезет вас домой.

Я внимательно посмотрела на нее, спросила:

— Все в порядке?

— Да, не беспокойтесь.

Что-то явно происходит с нашей мамочкой, понять бы еще что.

Спускаясь по лестнице, я размышляла, когда отдать Володе сувенир. Жанна тоже привезла ему какой-то презент, правда не отдала, перерыла всю сумку, но не нашла. Поиски и сетования на свою бестолковость продолжались всю дорогу. Сказала, что вручит позже.

— Привет! — подошла я к машине.

— Привет! Думал, придется вас ждать дольше.

— Почему?

— Жанна Владимировна говорила про какие-то планы, дела.

— Она их отменила. — Он понимающе улыбнулся, а я продолжила:

— Мэри спит, а я еду домой, соскучилась по сыну. Он у меня парень самостоятельный, особых хлопот с ним нет, зато у меня постоянное чувство вины — мало времени с ним провожу.

— А сейчас он с кем?

— С отцом. Они очень дружны.

— У него другая семья?

— Нет, пока занимается воспитанием единственного ребенка. У них какая-то мистическая связь, они чувствуют друг друга на расстоянии.

Володя молча открыл дверцу машины.

— Прошу вас, няня Люда. Экипаж подан, Золушка вы наша.

На снегу возле машины отпечатался мой след. Он посмотрел на него и засмеялся:

— Размер совсем крошечный, тридцать четвертый? Ну точно, Золушка.

— Нет, тридцать пятый, все бы вам смеяться над маленькими.

— Я не смеюсь, — неожиданно тихо произнес Володя. Никогда раньше он не разговаривал со мной таким тоном, почти нежно.

Мы молча уселись в машину, я по привычке — сзади, не люблю ездить впереди.

За окном пролетали набережная, Тверская. Рекламные щиты бегущими строками убеждали: купить, отдохнуть, заказать.

— Как съездили? — первым нарушил наше молчание Володя. — Мэри очень изменилась, стала такая барышня. Все удалось, что планировали?

— Да, она хорошо держится на воде, нет страха, волны не боится. Резвая такая малышка, все мужское население отеля и Шарм-эль-Шейха в придачу было ею очаровано. Теперь со спокойной душой могу передавать ее другой няне, гувернантке.

— Вы собираетесь уходить?

— Да, у меня через два месяца заканчивается контракт в этой семье и мне предлагают разные варианты.

— А как же... — Он вдруг замолчал и слегка нахмурился.

— Что?

— Нет, ничего, просто я подумал, как они без вас будут?

— Ну, свято место пусто не бывает. Сейчас есть хорошие гувернантки с английским языком, активными методиками раннего развития... Будете возить Мэри с другой няней в бассейн.

— Не думаю, что они быстро найдут гувернантку, Жанне Владимировне трудно угодить.

В разговорах о семье мы всегда сохраняли корректность, не осуждая и не одобряя поступков Майкла или Жанны. Что бы ни происходило, нас это не касается.

— Она не должна ей угождать, просто будет выполнять свою работу. Жанна умная женщина, она четко знает, кого и когда нужно воспитывать, а где придержать свой темперамент.

— Посмотрим — Володя невесело усмехнулся.

«Но пока-то вы еще не уходите, и я могу вас видеть, пусть не часто, по делу, разговаривать с вами». — Мне показалось, что Володя хотел так сказать, но он промолчал и только пристально на меня посмотрел.

Ехали мы долго: была пятница, пробка растянулась на весь Ленинградский проспект. Лично меня пробки не раздражают, есть возможность посмотреть вокруг, увидеть что-нибудь интересное. Машин много, водители разные. Интересно наблюдать за выражением их лиц, придумывать незнакомым людям какие-нибудь истории, судьбы.

— Чему вы улыбаетесь?

Я вздрогнула.

— Так, задумалась.

— О чем?

— Да вот, машин целый поток, а в них люди разные — грустные, веселые, добрые, злые, каждый со своей историей жизни. Интересно за ними наблюдать и придумать им свои истории.

— А какую историю вы придумали бы мне?

— Вам? Не знаю, наверное, хорошую, добрую, но немного грустную. Вы редко улыбаетесь, но замкнутым я бы вас не назвала. Всех держите на дистанции. Она разная: кто-то вам ближе, кто-то — дальше, но рядом с вами я никого не вижу.

— Вы не ошиблись, родного, близкого человека у меня нет.

— Почему?

— А вы бы могли мне ответить на этот вопрос? Вы же умеете придумывать истории, расскажите про меня.

— Хорошо, я попробую. Вы не любите грубости, избегаете фальши, слушаете и понимаете такую музыку, которую мало кто вообще слушает, размышляете, думаете. Я наблюдала за вами. Вы из другого времени, из прошлого, когда достоинство и выдержка не считались слабостью, а умение сопереживать — глупостью. Вы придумываете себе женщину, наделяете ее достоинствами и разочаровываетесь в ней, если она не соответствует вашим фантазиям. Мне кажется, что вы пишете стихи.

— Это что, написано у меня на лбу? — За шутливым тоном проглянуло смущение.

— Не обязательно это писать, достаточно понаблюдать за вашим лицом, руками, манерой говорить, строить фразы.

— Вы так пристально за мной наблюдаете, почему?

«Потому что мне интересно. Более того, я хочу прикоснуться к вам, поцеловать вас, но не могу, тогда разрушится это волнующее состояние и все превратится в банальную интрижку». Но этого я не могла ему сказать, просто смотрела и улыбалась.

— Я не наблюдаю, я придумываю. Вы же сами попросили.

— Ну вот, кажется, приехали, даже не заметила, как мы добрались. Спасибо вам большое.

— Вы будете отдыхать после поездки? Я слышал, Жанна Владимировна отпустила вас на неделю и, значит, в бассейн мы ездить не будем?

— Да. Я привезла вам сувенир, — протянула Володе небольшую коробочку. — Там кувшинчик, а в нем масло, оно не простое, выполняет любые желания. Так мне сказал хозяин лавки, такой славный, похожий на старика Хоттабыча.

— А что надо сделать, чтобы желание сбылось? — Володя был приятно удивлен, что я помнила о нем в поездке.

— Нужно немного разлить этого масла в комнате, загадать желание, и оно непременно исполнится.

— Вы уверены?

— Даже не сомневаюсь, такой милый старичок не должен обмануть.

— Людмила, вы что, верите в сказки?

— Да, иногда, но только со счастливым концом!

— Мам, ну наконец-то! — услышала я в этот момент рядом голос родного дитяти.

— Это ваш сын? — Володя удивлен, он знал, что у меня есть ребенок, но что такой взрослый, не предполагал.

Димка действительно выглядит старше своих лет. Высокий светлоглазый, светловолосый с черными бровями, сросшимися у переносицы. По-моему, девочки называют ему с тех пор, как он только научился разговаривать.

— Мам, пойдем за машиной, съездим в «Мегу», поужинаем и на коньках покатаемся. — Предложения и пожелания сына обрушились на меня лавиной.

— Не части, мне сейчас только коньков не хватает, посмотри, какая я уставшая.

— А вот и неправда, выглядишь ты потрясающе, загорела, глаза сияют. Они у тебя до отъезда так не сияли, — хитренько прошептал он мне на ухо. Димка знает о нашем служебно-телефонном романе с Володей, видит, как я меняюсь, когда он звонит. Одно время даже ревновал чуть-чуть. Володя стоял возле машины, рассматривал мой подарок и улыбался, похоже, он никуда не торопился.

— Мам, давай попросим, чтобы он подвез нас до стоянки.

— До нашей стоянки две минуты ползком. Но если ты устал, я закажу машину.

— Значит, ты согласна поехать? — обрадовался сын. — Тем более что дома есть нечего, я все съел, что бабушка приготовила, холодильник совершенно пустой.

— Ладно, сейчас вещи отнесу, переоденусь и поедем, поужинаем где-нибудь, — согласилась я.

— Володя, как насчет кофе? — предложила нейтрально. — Или лучше

чай? — вспомнила, что кофе он не любит. — Сын, у нас в доме есть чай? — решила я уточнить на всякий случай.

— В Греции все есть: и кофе, и какава с чаем, — доложил мой ребенок.

— Спасибо за приглашение, но в другой раз. Я слышал, о чем вы с Димой шептались. Хотите, подброшу вас до стоянки?

— Хотим, еще как хотим! — обрадовался сын, довольно улыбаясь.

— В следующий раз, пожалуйста, не ори на всю улицу, что ты хочешь и куда тебя надо везти, — ласково попросила я его.

— Мам, ну ты что? Володя сам предложил, а можно, я в машине посижу? — без перехода спросил он.

Поднимаясь по лестнице, я увидела Лену, соседку. Пригласила:

— Зайди на минутку, я девочкам подарки привезла из Египта.

Черный вдовый платок состарил Лену на несколько лет. Взгляд потухший, серые тени под глазами.

— Ты с кем приехала? В окно видела, машина хорошая и мужик приятный, — спросила она.

— Алена, что с тобой? Это же водитель, Володя, ты его видела сто раз, он нас с Мэри привозил.

— Да? Не узнала. Он изменился или ты изменилась. — Лена внимательно посмотрела на меня. — У тебя с ним что?

— Ни-че-го, то есть абсолютно.

— Ты береги его, — вдруг сказала она.

— Лен, ты как себя сейчас чувствуешь? — Я попыталась перевести разговор. — Лекарства принимаешь? Тебе врач что-то назначил?

Летом она потеряла мужа — он разбился на машине. Я видела его мельком, несколько раз. Хотя и соседи, а пересекались редко. Я рано уезжаю, приезжаю поздно, не до соседских посиделок. Впечатление муж Лены производил приятное, он из тех мужчин, за которыми женщина чувствует себя как за каменной стеной. Увы, вырождаются такие мужчины, к сожалению. Он всегда сам принимал решения, на руках носил жену, всех своих трех дочек баловал, любил их без памяти. И вдруг такая трагедия. Я долго не могла подойти, сказать что-то его жене, понимала, любые слова соболезнования прозвучат фальшиво, не к месту, не достучусь я до нее сейчас. Только через несколько дней подошла, обняла и сказала: «Если помощь какая понадобится, заходи».

Быстро переделалась в белое, как всегда. Коллеги-подруги ворчат, что мой излюбленный белый цвет уже приелся, менять его надо. Они у меня такие креативные дизайнерши, по службе колесят по Европе, всегда в курсе последнего писка моды. Надо, активно соглашалась я с ними, еще как надо. Но только не сегодня. Ранней весной белый цвет при моем теперешнем загаре — сочетание беспроигрышное.

От милого голоса у меня в голове начался правительственный переворот, который постепенно охватил меня всю. То, что для меня всегда главное, перестало быть главным, то, что я запирала в своем сердце и никогда не выпускала на люди, поперло из него неудержимо. И никакая серость и сырость подъезда не могла меня смутить — я была безумно рада видеть Володю, от этого мое лицо светилось, и мне не терпелось увидеть, как Володя попадет под мое излучение и что из этого выйдет!

Однако я заметила, что он будто запнулся, не зная, как отреагировать, ко-

гда увидел мое феерическое появление в белоснежной кофточке на фоне золотого загара. По-моему, он даже закомплексовал. Не очень заметно, но все же. Глаза говорят, как я ему нравлюсь, но на лице читается еще и другое: «Надо быть полным идиотом, чтобы не засмотреться на тебя, ты же такая нравишься всем! А я что же, уже потерял привилегию на твое избрание? Ты же такая, можешь получить признание от любого встречного...» Такая смесь радости и разочарования на его лице, да и весь озадаченный вид Володи раззадорили меня и порадовали: довела-таки моего дорогого до паники!

Пока добирались до стоянки, Дима всю дорогу уговаривал Володю поехать с нами.

— В следующий раз, если мама пригласит, — наблюдая за мной, ответил Володя.

Я улыбнулась и промолчала. Приглашу, обязательно приглашу, только чуть позже, вот работу поменяю и приглашу.

Подъехали к стоянке, моя красавица стояла на первом месте. С местами там всегда проблема, город небольшой, машин много и желающих обезопасить свой автомобиль тоже хватает. Перед отлетом в Египет мне повезло, позвонил охранник и сообщил, что есть место и если я потороплюсь, то оно достанется мне. И я приехала быстрее всех.

Мало кто рискует оставлять свою машину во дворе, придурков полно, бегай потом по страховым компаниям, доказывай, что ты не верблюд.

Мы с Димой поблагодарили Володю, до-, рога до стоянки заняла ровно пять минут, но сын остался доволен.

— Мам, какая у него классная машина и водит он здорово, — еще долго не мог он уняться.

Димка любит ездить со мной, часто просит покатать его по городу.

— Ты что, маленький?

— Большой, но ты так поздно всегда приезжаешь, я скучаю, а в машине хоть можно поговорить.

В дороге он рассказывает мне свои мальчишечьи секреты, советуется по школьным делам, словом, поездки нас действительно сближают.

— Мам, по математике опять трояк будет! — заявил он мне радостно.

— Да? И что же тебя так радует? Не стараешься, халтуришь, да научись же ты, наконец, записывать эти условия так, как нужно, — отозвалась с раздражением. — У вас же с учительницей уже стенка на стенку пошла, Козерог ты мой упертый.

— Ты же знаешь математичку, я решаю правильно, только условие не так записываю. А она придирается!

— Потому что повод даешь. Вот научишься записывать условие задачи так, как она требует, не будет у нее повода тебя пнуть. Сам подставляешься, а подставлялся — получил.

— Мама, опять у тебя этот тюремный жаргон, — недовольно поморщился сын. — Когда ты его уже забудешь?

— Ладно, не ворчи, больше не буду.

— Обещала уже сто раз. — Он безнадежно махнул рукой. И вдруг спросил: — А Володя в следующий раз с нами поедет?

— Зачем?

— Ну как — зачем? Мне с ним интересно, он в компьютерах разбирается,

машину классно водит...

— Что, лучше, чем папа? — спросила с улыбкой.

Димка замялся, ну ясно же, у папы другой стиль вождения, и дипломатично произнес:

— Вы с ним так классно смотрите. Ты такая маленькая, а он — огромный.

— Какой же Володя огромный? — удивилась я. — По-моему, он нормальный.

— Ну ты и балда! Рядом с тобой даже маленький смотрится большим, а Володя — огромным.

— За балду кто-то сейчас получит в лоб, — смеясь, отреагировала я.

— А мне вот длинноногие нравятся, высокие. — Димка мечтательно вздохнул. — Вырасту, женюсь на модели.

— И что же ты с ней делать будешь? — спрашиваю с любопытством.

— Ходить и все мне будут завидовать.

— Чему? — удивилась я.

— Ну что у меня такая девушка — высокая, красивая, умная.

— Так редко бывает, чтобы и первое, и второе, и десерт, — усмехнулась я. — Главное, чтобы она тебя любила.

— Да, наверное, это тоже важно, — равнодушно согласился сын.

Его всегда все любили и любят — бабушки, дедушки, тети, дяди. Взрослым всегда было о чем с ним поговорить, а для малышей он умел придумывать игры, развлечения, не обижал никого и мог защитить слабого. Мы с мужем были против, когда Димка заявил, что хочет заниматься боксом, но он нас убедил, что для него это важно. Особых спортивных высот сын не достиг на этом поприще, но от занятий получает удовольствие и возможность поддерживать хорошую спортивную форму.

— Мам, а ты папу любила?

— С чего вдруг такой вопрос? — удивилась я.

— Ты сейчас сказала: «Главное, чтобы она тебя любила». А если люди любят друг друга, то почему они тогда не вместе? Почему вы развелись с папой?

— Дима, это долгий разговор, а мы уже приехали, давай-ка выгружайся и пойдем поедем.

— Вас что, в самолете не кормили?

— Когда это было! Да и едой это трудно назвать, то, что там предлагают.

«Мега» мне и нравится, и нет, по настроению. Можно присмотреть из вещей что-нибудь интересное — там представлены бренды известных фирм, на коньках покататься, перекусить по-быстрому, но народу всегда много, а это утомляет. В будние дни все как-то проще.

— Мам, тебе коньки брать? — спросил сын.

— Нет, я устала и мне не до коньков, пойду съем чего-нибудь. Что тебе заказать?

— Пиццу, только попозже, я покатаюсь и тебе позвоню, ладно?

— Договорились.

Я зашла в уютный павильончик, именуемый «Пицца Хат». Сама я ее не ем, обычно заказываю себе салат, чаще фруктовый, но Димка пиццу обожает и всегда пробует разную. Откуда у него любовь к итальянской кухне? Родился он в Германии, недалеко от Берлина, и прожил там первый год своей младенческой жизни. Вот если бы сосиски или шпикачки любил, то было бы хоть по-

нятно, а то пицца. «Ты мой подарок новогодний», — так я иногда его зову, потому что он родился 1 января, в военном госпитале, где я тогда работала.

Все методики закаливания отрабатывались на нем. Тогда в Германии это было и модно, и интересно. У немцев рождается много больных детей, и когда я увидела статистику по детским заболеваниям, их процентное соотношение к здоровым, — это меня потрясло. Такого количества даунов, больных ДЦП, с врожденными пороками нет нигде.

Естественно, с такими детьми нужно особо усиленно заниматься: укреплять их нервную систему, закаливать, адаптировать к нормальной жизни в социуме. Для этого разработаны разные методики, программы индивидуально подбираются для каждого ребенка. При этом учитывается все: с каким весом он родился, сколько набрал по шкале Апгар, кесаренок или нет, на каком вскармливании — искусственном или на грудном молоке.

Я стала все читать, и то, что считала необходимым, — применять на собственном сыне и на других детях, сначала немецких, потом российских, и результатами осталась довольна. Не все родители понимают, зачем нужны бассейны какие-то, закаливание, раньше ведь как-то обходились без этого. Но раньше все было другое — экология, питание, динамика развития малыша.

— Мам, ну я уже обзвонился прям, ты уснула, что ли?

— Нет, не уснула, задумалась. Садись, тебе сейчас все принесут.

— Класс! Я голодный, как крокодил. А сама ты ела что-нибудь или опять только кофе пила?

— Тоже не ела еще, тебя ждала.

Мы съели всю пиццу и салаты, которые принесла нам милая девушка-официантка, заказали мороженое и кофе.

Вечером, не нарушая традиции, позвонил Володя. В машине, когда мы с Димкой возвращались домой, я мысленно гадала, позвонит или нет. Вроде виделись, пообщались, я даже подарок успела еще вручить. У меня своя теория, как надо выбирать подарки. Вообще я их дарить не люблю, нет, не так, не люблю дарить безделушки всякие, которые не знаешь потом, куда приткнуть. Я их не покупаю и не дарю. Подарок — это посыл того, что я хотела бы сказать, но не сказала. Проявление дружбы, участия, любви.

— Мам, — шепнул мне на ухо Димка, — скажи Володе, одному скучно кататься, пусть он с нами поедет в следующий раз.

— Скажи сам, — протянула я ему трубку.

Сын смутился:

— Он же сказал, что если ты пригласишь, то поедет.

— Тебе что, мужского общения не хватает?

— Не хватает, — ответил он с вызовом.

— Ты же с папой часто видишься, с дедушкой.

— Дедушка в Волгограде, мы с ним больше по телефону общаемся, а с папой... Ты же не с нами. А я хочу, чтобы ты, я и папа, или пусть уж Володя, если он тебе больше нравится. — Димка погрузился.

— Тебе так важно, чтобы вместе?

— Важно. — Он отвернулся.

— Ладно, — вздохнула я, — придумаем что-нибудь.

Закончилась неделя моего отдыха, Жанна проявила просто чудеса выдерж-

ки и понимания, ни разу не попросила, чтобы я приехала. Звонила, рассказывала, как Мэри, как Раечка с ней справляется. И опять начались ранние вставания, поздние возвращения, поездки по Москве в изматывающих пробках. Стало совсем тепло, и мы с Мэри проводили все время на улице. Гулять с ребенком в центре Москвы — не самое безопасное занятие для няни и малыша. Улицы узкие, да еще машинами заставлены, автомобили паркуются буквально друг на друге. Гуляем на территории храма Христа Спасителя.

Как-то мы возвращались домой, когда я обратила внимание на женщину, нервно толкающую перед собой детскую коляску. Плач малыша раздавался на всю улицу. Вскоре они завернули в наш двор.

— Пойдем, посмотрим, кто там плачет, — предложила я Мэри.

— Да, — кивнула она.

У нее в лексиконе пока только «Да», «Нет», «Мами Тапотася» — на этот призыв откликается кот.

Мы свернули в подворотню, Мэри смешно переставляла ножками, быстро-быстро. Кто же там плачет? Она любопытная, как все Обезьянки.

Няня — то, что это не мама и не бабушка ребенка, я поняла на второй минуте — пыталась уложить ребенка спать. Он не засыпал, кричал так отчаянно, что замирало сердце. Мы прошли рядом, я мельком заглянула в коляску, похоже — кесаренок, родился недоношенным, еще и гипертонус в наличии имеется, пальчики сжаты в кулачки, головку заводит назад, ищет удобное положение. Кесарята — они другие, более возбудимые, на малейшие колебания атмосферного давления очень чутко реагируют, частое срыгивание — тоже их симптоматика.

Пока Мэри раскачивала соседскую кошку на качелях, я наблюдала за няней. Коляску она трясла так, что казалось, малыш вот-вот выпадет из нее. Но ребенок продолжал кричать, не засыпал, беспокойно поджимал ножки к животу.

Тетенька судорожно стала выкладывать содержимое сумки — бутылочки, соски, салфетки, достала погремушку и стала трясти ею над лицом малыша, при этом раскачивая коляску как маятник. Ребенок не успокаивался, никак не хотел засыпать и это ее доводило до бешенства. Не думая, что за ней наблюдают, нянька с таким остервенением трясла этого несчастного малыша, что казалось, голова его оторвется. Потом достала бутылочку с чаем и попыталась его напоить. Но так как бутылочка была не из термоса, детеныш не стал пить холодный чай, а тетю оплевал и продолжил заходиться в истошном крике.

— Надо что-то делать, — сказала я сама себе.

Мэри удивленно подняла голову, что это няня сама с собой разговаривает? На редкость смышленная девица растет.

— Может, помощь нужна? — спросила я со всей любезностью, на какую только была способна в ту минуту. На самом деле хотелось просто придушить эту няньку на месте.

«Неужели тебе его не жалко, ну откуда столько злобы на малыша? Он тебе добросовестно пытается объяснить, чего хочет, прислушайся к нему и все поймешь».

Женщина резко отстранилась от коляски, повернулась ко мне и пропела слащавым голосом:

— Ну что вы, мамочка, у нас все хорошо, сейчас баиньки будем. Да, малень-

кий? — слюняво просюсюкала она.

Малыш на мгновение затих, как будто прислушался: «Ну, может, поймет меня кто-нибудь, наконец!» — так ясно читалось на его сморщенном личике.

— Я няня.

Слащавость тут же сползла с лица тетки.

— Сколько у тебя час стоит? — Ошарашила она меня вопросом.

— У меня дорого, но это не обсуждается.

— Чего орет? — приняв меня совсем за свою, злобно спросила тетка.

— Посмотрим сейчас. Я вытерла руки антисептической салфеткой, мы с Мэри всегда берем их с собой на прогулку, бережно достала ребенка из коляски. Он замер, на мгновение напрягся, но потом доверчиво прижался ко мне.

— Кесаренок?

— А? Че? Не поняла, что ты спросила?

Она еще и с говорком не местным, понятно, экономия за три рубля. Мэри, увидев на моих руках другого малыша, сурово насупила брови:

— Неть!

— Что, Мэри, — «Неть»? Ты же не хотела, чтобы малыш плакал? Теперь он не плачет.

Она постояла, подумала, потом кивнула и отошла к качелям.

— Смотри ты, и не орет совсем, вот чудеса! Знаешь, он у них прям бешеный какой-то, орет и орет не переставая.

Я сцепила зубы, чтобы не наговорить ей все, что я думала о ней и о таких, как она. Малыш тут же почувствует мой гнев, а уж Мэри тем более.

— Как зовут малыша?

— Представляешь, Вася! Назвали как кота.

Васенька моментально заснул у меня на руках, еще бы, так накричался, продолжая во сне судорожно вздрагивать.

Я внимательно посмотрела на эту тетку и искренне пожалела и ребенка, и маму этого малыша. Рассказывать ей про массаж, закаливания, гимнастику — пустая трата времени, не будет она делать ничего, даже самого элементарного, свои доллары она и так получит.

— Не трясите его больше, — попросила я, — его нельзя трясти. Никого нельзя, а его тем более.

— А как же его тогда уложишь? — выразила она недоумение.

— Подумайте, присмотритесь к нему, он сам вам все скажет, только внимательно слушайте.

Тетка посмотрела на меня как на полоумную.

— Как же он мне скажет, он же маленький совсем, грудной.

— Скажет. Жестами, звуками, может, даже ворчанием, — попыталась убедить я ее.

— Мэри, нам пора, хватит раскачивать кота на качелях, а то он, как космонавт после полетов, — шатается.

Мы попрощались с Васенькой и бодрым шагом направились домой.

Дома были все: и Жанна, и Майкл, и Иван, и домработница Татьяна. Все ходили молча, с каменными лицами.

— Что-то случилось? — спросила я Таню.

— Да, часы у Ивана пропали, дедушкин подарок, Жанна говорит, они стоят немислимых денег.

Опять эти поиски бесконечные! Конечно, за год можно было бы к ним и привыкнуть. Я вздохнула.

— Пойдем кушать и спать, — позвала я Мэри.

Татьяна нервно передвигала посуду, вытирала тряпкой стол, пару раз что-то с жутким грохотом уронила.

— Что ты нервничаешь, в первый раз, что ли? — пыталась я ее успокоить. — Найдутся часы.

Она села на стул и расплакалась.

— Ты что? Чего ты рыдаешь, тебя, что ли, обвиняют?

— Да, можно сказать и так. Иван говорит, что до уборки они были, а потом исчезли, — всхлипывая, пояснила Татьяна.

Я посмотрела на нее — глаза красные, затравленные, веко нервно подергивается.

— Я десять лет отработала в семьях и никто, никогда, — она судорожно выдохнула, — никогда и никто меня ни в чем не обвинил, не упрекнул.

— Танюш, все случается в этой жизни. Ты же знаешь, что не брала, а на остальное, наплюй.

Она невесело улыбнулась:

— Ладно, попробую.

Я разогрела для малышки овощной суп, приготовила ложку, — попробуем сегодня кушать самостоятельно. Мэри эта идея в принципе понравилась и она с энтузиазмом принялась размахивать ложкой.

— Мы есть будем или баловаться?

Отложила ложку, вопросительно посмотрела на меня.

— Быстро моем ручки и за стол, а то суп остынет.

С первого раза самостоятельное кормление получилось не очень, и на фартук налили, и стол испачкали, но Мэри очень старалась. Завтра еще попробуем.

Надо закрыть окно, резко похолодало, подумала я, переодевая девочку в пижаму.

С засыпанием у нас проблем нет. Укрылись, почитали сказку, не длинную, положили ладошку под щечку, все — спим. Майкл поначалу меня спрашивал, как это я ее укладываю? «У вас она засыпает быстро, а у меня часов до одиннадцати скачет», — жаловался. Как-то вечером даже специально остался посмотреть, ну прямо курсы молодого бойца. Мэри слышала, что папа дома, но и няня же здесь, попыталась пискнуть, папу позвать.

Я зашла в детскую, она увидела, что это опять я, а не папа, обреченно так вздохнула, с этой, мол, спорить бесполезно, отвернулась к стенке и уснула. Майкл был потрясен, потом я еще несколько раз проводила для него эти курсы, но он не преуспел, Мэри веревки из него по сей день вьет.

Татьяна позвала меня перекусить.

— Иди, я уже все поставила на стол. — И пожаловалась: — Уйду я отсюда, не смогу больше.

— Перестань, везде так, то шубы пропадают, то трусы с кольцами, хоть бы раз в суд подали за кражу. Раз уж обвиняете, так обвиняйте, более предметно, а не языком балаболите, — попыталась я ее успокоить.

Весь вечер мы искали кота.

— Тапотася, Тапотася, — по-старушечьи причитала Мэри.

Мы бродили с ней, как два странника. Квартира большая и вся в углах, — авторское решение новомодного дизайнера. Видела я его пару раз: глазки светленькие, голосок тоненький и глядит на тебя с легкой придурью, но счет за свои квадраты выставил как художник Малевич. Майкл потом долго вспоминал этого сладкого мальчика.

— Там. — Мэри показала на дверь в комнату Ивана.

— Пойдем посмотрим, — согласилась я.

Потихоньку поскреблись.

— Можно?

Кот мягкой пушистой волной растекался по столу, взглянул на нас с удивлением.

— Он здесь, нашли... Следопыт ты мой юный, — восхитилась я детской проницательностью.

Мэри, победно улыбаясь, направилась к столу. Все утро она лечила коту зубы, к счастью, до удаления дело не дошло, ограничилась консервативными методами, но кот и этого не одобрил, вот спрятался в комнате Ивана. Скорбно посмотрел на Мэри, зевнул и перебрался под диван. Мэри за ним, я — за ней, в общем, дедка за репкой, бабка за дедкой, это про нас. Достала Мэри из-под дивана, протянула Ивану квитанцию.

— Посмотри, валялась там. Может, нужно что? — При этом глазами выхватила надпись, сделанную шариковой ручкой: «Часы, три тысячи»...

— Так сколько стоят твои дорогушие часы? — спросила презрительно.

Иван встал к двери в ожидании неминуемой расправы, но постарался выглядеть спокойным и независимым.

— А вам какое дело? — с вызовом и одновременно со страхом отозвался он.

— Никакого. Можешь все здесь с потрохами заложить в ломбард, но перед Таней придется извиниться.

«Тетка ты не плохая, никуда не лезешь, с советами дурацкими не пристаешь и маменьке по мелочам не стучишь», — ясно прочла я на его мордашке. Так что, ссориться со мной ему резона не было.

— Ладно, я все улажу, — произнес Иван без энтузиазма.

Жанна позвонила, сообщила, что пациентов нет, визиты она отменила, будет ужинать с Майклом дома и хочет в связи с этим сама что-нибудь изобразить. Изображает она, надо сказать, вкусно, быстро, но не часто — а на фиг баловать?! Но может и суши приготовить, если Майкл пожелает.

Наша мама на кухне генерал, прапорщик и солдат-сверхсрочник в одном лице.

— Таня, это надо почистить, это порезать, это помыть, а это отрезать за ненадобностью. — При этом сама она без дела тоже не сидит и уже через полчаса по кухне плывут божественные запахи.

Окрыленная перспективой уехать домой пораньше, я быстренько переглядила вещи Мэри. Папа их скупает целыми коллекциями, хороши необыкновенно, сама бы носила. Конечно, рюши да оборки выглаживать занятие хлопотное и трудоемкое, но Мэри в голландских кружевах — это вам не Аленка в платочке. Поглядывая на часы, успеть бы все сделать до папиного прихода, так, Мэри — в душ. Сегодня был бассейн, так что надобность в ванной отпадает, контрастный душ самое то, что нужно — тут тебе и гигиена, и закаливание. Растираемся жестким махровым полотенцем, наша самая любимая про-

цедура. Можно повизжать, подурачиться, даже на шее у няни повисеть. Стряхиваю ее легонько на кровать:

— Пижама сама наденешь? У нас неделя самостоятельности — сами едим, сами пуговицы застегиваем, правда, сикось-накось, но да с Мэриными с талантами это семечки.

Жанна Владимировна, вся в трудовом порыве, желая поразить папу кулинарными шедеврами, сама уже подустала от своей активности, зато от запахов все слюной изошли.

— Девчонки, давайте коньячку по сто капелек, — предложила она.

Девчонки переглянулись — накатывает на нашу маму иногда приступ популизма. Нет, все, что касается попить, поесть няне или еще кому-то, тут без вариантов — все есть, пожалуйста. Предпочтение отдается «Азбуке вкуса», дорогощему такому магазину.

Жанна не жадина, и за лишний кусок колбасы не удавится. За долгие годы работы мне семь раз разные попадались. Иные в мусорное ведро свежие продукты выбрасывали, а няня должна была приходиться со своими бутербродами, не то еще объест ненароком.

— Жанна Владимировна, я за рулем и мне еще до дома добираться, — напомнила ей. — А то свалится на мою голову сверхбдительный гаишник и лишусь я прав годика эдак на два. Оно мне надо?

— А я выпью. Я чевой-то не в себе, вот и прыщик на губе, ох растрачу я здоровье в политической борьбе. — Танюша сказку Филатовскую часто цитировала и всегда к месту.

— Сегодня еще и чашку грохнула, — вспоминала она до кучи.

— Да бог с ней, с чашкой, это на счастье. Часы-то нашлись. Иван искал, искал — нашел!

— Куда бы им деться? — вставила я дипломатично.

К приходу папы все было готово: свечи, салфетки, шампанское в ведре и Жанна во всем своем великолепии. Она у нас действительно красавица, а еще и умница: англичанин, юрист, все ее капризы выполняет на счет «раз», даже жениться обещает, но пока раздумывает.

Татьяна решила, что коньяк лучше налить в кофе, и пила его так медленно, смакуя.

— Давай, плесну капельку, — предложила мне с барского плеча.

Коньяк уже начал на нее действовать, Танюшка раскраснелась, перестала домой торопиться. Мелодичный звонок в дверь, похожий на детскую колыбельную, прозвучал неожиданно. Все, увлеченные своими делами — кто переодеванием, кто кофе, даже не сразу отреагировали. Жанна в образе любящей, заботливой жены и в соответствующем длинном платье до пола, оказалась поворотнее всех. Двери папе открыла сама.

— Милый, ужинаем сегодня дома, я приготовила все, что ты любишь.

Майкл заулыбался, приятно, когда вот так встречают. Иностранцы они же не избалованны женской лаской, у них там феминизм в почете.

— До свидания, Жанна Владимировна, до свидания Майкл. Я поеду, пожалуйста, — проговорила я вопросительно.

— Спасибо. Это зарплата за неделю, — протянула мне конверт с долларами. — Там еще премия, — добавила она.

— Премия? Это радует, — улыбнулась я. — Спасибо.

Зарплата у меня достойная, и ее размер зависит от отработанных часов. Больше часов — больше денег, меньше часов, соответственно и денег меньше, но это не про меня.

Соглашаясь на очередной контракт, я четко обговариваю мою почасовую занятость. В идеале у меня — восьмичасовой рабочий день, но в реальности — это полная утопия. А в процессе работа обычно складывается из трех этапов.

На первом — родительская настороженность и недоверие. «И что это за няня за такие деньги?» Или «А что она такого умеет, чтобы платить ей столько?» Но так как ребенка в течение дня никто не слышит, ни мама, ни папа, ни сверхбдительные бабушки, и проблем с ним никаких нет, малыш весел, спит, ест по часам и ночью всем дает выспаться, наступает вторая часть марлезонского балета. Начинается она с вопросов: «Не могли бы вы задержаться? Не могли бы пораньше приехать, а лучше, если бы вообще не уезжали», и называется «От рассвета до заката». Есть и третья часть, она же последняя: «Не могли бы вы забрать малыша к себе?» Это может быть на день, на неделю, на две. Правда, больше, чем на две, я лично никого не забирала.

Третья «часть» самая денежная, но и самая опасная. Случись что с ребенком на твоей территории, ноги в тазик с цементом и в Москва-реку. Прецеденты уже были, правда, не нашли отражения в средствах массовой информации, но это детали, кому надо, те знают. Так что премия после трудовых будней действительно радует, это как признание: мы видим вашу работу, ценим и благодарны за нее. Не во всех семьях такое практикуется и зависит совсем не от достатка родителей.

В выходные мы с сыном все премию ухлопали. Он еще и подхихикивал: «Подумаешь, сколько тех денег было!» Триста баксов разлетелись за два дня. Отдыхать так отдыхать — наш девиз.

Вечером в воскресенье раздался звонок. Пока я размышляла, кто бы это мог быть, ребенок трубку снял, стал с кем-то разговаривать. «Неужто Володю пытаются приохотить к конькам?» — мелькнула у меня мысль.

— Сын, он мастер по теннису, отстань от него с коньками, — тихонько шепнула ему.

— Это не Володя, это Жанна Владимировна, тебя спрашивает и голос у нее какой-то странный, по-моему, она плачет, — сообщил Димка.

— Да, Жанна Владимировна, я вас слушаю. — Мысленно перебираю возможные причины столь позднего звонка. Не иначе как опять в поездку собралась, вот утром бы и сообщила столь радостное известие.

— Здравствуйте, Людмила, я с просьбой. — Голос у нее действительно дрожал, не иначе как плакать собралась.

— Что случилось? — проявила я искреннюю озабоченность. — С Мэри все порядке?

— С Мэри, да, она спит. Не могли бы взять ее к себе на несколько дней? — В трубке послышались судорожные всхлипывания.

— Да случилось-то что, Жанна Владимировна? Вы, меня пугаете.

— Вы даже представить себе не можете. — Всхлипывания перешли в отчаянный плач. «Карточку, что ли, кредитную заблокировал? — терялась я в догадках. — Ну так ведь сама может заработать, дамочек, подсевших на ботокс, пруд пруди, за красотой в очередь выстраиваются».

— Он меня побил, — разрыдалась она.

— Кто? Майкл? — недоверчиво переспросила я. Фантазия у нашей мамы неумная, надо же такое придумать: наш чопорный англичанин-юрист и вдруг дал ей в глаз.

— Да вы не поверите!

— Действительно в такое трудно поверить, — согласилась я. — Он что, на самом деле вас ударил?

— Да. Нет. Не совсем ударил.

— А это как? — недопоняла я. — Хотел, но промахнулся, что ли?

— Вам, Люда, весело... — произнесла Жанна трагическим голосом.

— Да уж, обхохочешься.

— Ну, я сама хотела ему двинуть, замахнулась, а он локоть выставил и мне в глаз попал, — подробно изложила она.

Оказалось, я сильно заблуждалась, предполагая, что Майкл никогда не женится на Жанне.

Женится, еще как женится, можно сказать, уже для этого созрел! Раз бушуют такие мексиканские страсти, — быть нашей мамочке миссис Ларсен.

— Мне надо уехать, у меня врачебная конференция и я должна прийти в себя, — продолжила объяснять мне Жанна.

Я задумалась, Мэри я заберу, об этом речи нет. Но сколько все это может продолжаться? Самый тяжелый контракт у меня в этой англо-русской семье. Жанна с синяком, это, конечно, впечатляет, но как же надо было достать Майкла, чтобы он начал размахивать руками, да так неудачно, что попал ей в глаз?!

— Хорошо, привозите завтра Мэри. — Перспектива собрать все утренние пробки меня совсем не радовала, нет уж, пусть она едет ко мне.

— А может, сегодня вечером? — нерешительно спросила Жанна. — Мне еще нужно собраться... А я совсем прошлую ночь не спала — с Майклом скандалила.

«Ночью спать надо, а не с Майклом ругаться», — подумала я, но вслух твердо произнесла:

— Завтра утром. — Повесив трубку, повернулась к Димке:

— Сынок, завтра утром привезут Мэри, может, к папе переберешься на время?

Он оторвался от учебника:

— Мам, давай ее совсем усыновим, то есть удочерим. Что вы ее возите туда-сюда?

— Не выдумывай. У нее есть родители, просто там сейчас небольшие проблемы. И потом у нас загород, свежий воздух, а в центре гулять негде, — сделала я ход конем.

— Ну, если загород и воздух, тогда пусть везут, — согласился сын. — Нам бы квартиру побольше, можно было бы детский сад открыть.

— Лучше ясли, — мечтательно подхватила я.

— А разница какая? — не понял Димка.

— Садик — это для детей постарше, а ясли — для совсем маленьких, грудничков, — пояснила я.

— Когда много таких маленьких — это, наверное, сложно, — засомневался сын.

— Ну, с четырьмя-пятью человечками я справилась бы. Если все по-умному организовать, выстроить четкую схему, кто что делает, да и пригласить еще пару нянь, думаю, все получилось бы. Но, к сожалению, мы с тобой об этом можем только фантазировать.

Сын понимающе усмехнулся:

— Ты бы всех грудничков собрала и целыми днями с ними занималась.

— Завтра утром Мэри привезут, — напомнила я ему. — Так как мы решаем? Ты пока у папы побудешь? И бабушка жалуется, что ты не заходишь, не помогаешь.

Димка скептически поджал губы:

— Да она все время жалуется, то на природу, то на погоду, теперь вот я стал любимым объектом для ее жалоб и претензий... — Мам, а как у нас насчет покушать? Из еды есть что-нибудь? — без всякого перехода элегантно сменил он тему бабушки.

— Пойдем на кухню, поищем. Может, найдем чего-нибудь.

Пока я без особого энтузиазма рассматривала содержимое холодильника, соображая, что бы такое придумать, чтобы и возле плиты долго не стоять, и съедобно было, Димка отрапортовал:

— Уроки сделал, рубашки белые погладил... — Он явно на что-то рассчитывал.

В школе, где учится мой сын, обычной, районной, строгие требования к одежде учащихся. Никаких джинсов, маек, кроссовок. Костюмы — для мальчиков, форменные платья — для девочек. До фартуков с галстуками дело не дошло, но на урок не допустят, если одежда не соответствует школьным требованиям, насчет этого у них строго. С умением носить костюмы еще никто не рождался, это навык приобретенный, а любые навыки надо развивать, тут я со школой согласна. Поэтому за введение школьной формы проголосовала обеими руками. Ну а где костюм, там и белая рубашка, это генетически от меня сыну передалось. Теперь каждый воскресный вечер мы наглаживаем: он — рубашки, я — блузки, соревнуемся, кто лучше и быстрее.

— Так, рубашку погладил и... Ну, продолжай, — подтолкнула я Димку.

— Может, в «Метро» съездим, а то еды у нас мало?

— Я за выходные наездилась с тобой до икоты, совесть имей.

— Ну и ладно, — согласился. — Нет так нет.

У нас с сыном хорошие ровные отношения, правда, иногда он пытается сесть мне на голову, но я это быстро пресекаю.

Если говорю «нет», то мое «нет» никогда не становится «да». Он это усвоил еще в младенчестве, поэтому больших проблем у меня с ним не возникает, только маленькие разногласия.

Жанна привезла Мэри ранним утром. Димка даже еще в школу не ушел. Мэри увидела его, обрадовалась, руками замахала и заверещала: «Амалет». Самолет то есть, это он такую игру с ней придумал.

— Пойдешь ко мне? — спросила я девочку. — Давай переоденемся. — И сразу почувствовала, что с Мэри что-то не так.

— Жанна Владимировна, что-то она тепленькая или мне это кажется? Давайте измерим ей температуру, — предложила я с тревогой.

Жанна рассеянно на меня посмотрела, по-моему, не все услышала, а поняла еще меньше.

— Ой, да все в порядке, в машине жарко было, вот она и вспотела, — торопливо проговорила мамочка, поспешно вставая. — Хотела выпить с вами кофе да уже не успеваю. Володя ждет, надо поторопиться.

— В машине климат контроль, — напомнила я ей, пристально всматриваясь ей в лицо. Синева под глазом проступала, хотя и была тщательно замазана тональным кремом.

Жанна смутилась.

— Не заметно? — спросила с надеждой.

— Немного заметно, но это если приглядываться, а так нормально, — успокоила я ее.

— Ладно, я побежала. — Жанна порывисто вскочила со стула и выпорхнула за дверь.

Мэри забралась на диван и свернулась клубочком, грустно на меня поглядывая.

— Принести тебе попить? — Она отрицательно помотала головой.

— А покушать? Тоже нет? Давай-ка все же смерим тебе температуру.

Мэри вяло забралась ко мне на колени. Я расстегнула ей кофточку, поставила градусник. Вот безголовая маманя — привезла такого больного ребенка. Сейчас мы ей позвоним, огорчим немного.

Ну точно, под сорок. Страхивая градусник, я нашла телефон, набрала номер. А в ответ — только длинные гудки.

— Да возьми же ты трубку, чертова кукла! — ругаюсь про себя. Болтает там с Володей так, что звонка не слышит. Временами Жанна бывала очень общительной. Я раздраженно швырнула трубку.

— Давай-ка, дружок, потихонечку снижать температуру, — вернулась я к Мэри. Раздела ее, обтерла спиртовым раствором. Затем передела в пижаму и прикрыла тоненьким одеялом.

— Принести попить? — спросила шепотом на ушко. Мэри слабо кивнула. Я налила сок, предварительно его подогрев, и тут услышала телефонный звонок. Наверное, Жанна увидела мой не отвеченный и вот перезванивает.

— Вы мне звонили, я не сразу услышала, — произнесла она веселым голосом.

«Сейчас ты у меня веселиться перестанешь и точно никуда не поедешь», — рассердилась я.

— У Мэри высокая температура, она заболела. Вы вернетесь? — спрашиваю Жанну.

— Вы что? У меня билет на руках, регистрация уже началась, это совершенно невозможно. И потом у меня же конференция, — трагическим голосом произнесла она. — Ну температура, вы что, не умеете ее сбивать? Вы же сами доктор, — попыталась она мне подольстить, прекрасно зная, что я всего лишь фельдшер.

— Жанна Владимировна, у меня же нет никаких документов, денег вы мне не оставили, — постаралась я втолковать ей всю серьезность ситуации.

— Надеюсь, немного своих денег у вас найдется? — Жанна никогда не сомневалась в моей платежеспособности. — А Майкл прилетит через два дня, привезет вам и деньги, и документы. С чего такая паника? Дайте ей жаропонижающее, антибиотик какой-нибудь...

— Антибиотики без осмотра нельзя, я не понимаю, что с ней. Мэри жалова-

лась на что-нибудь?

— Да нет вроде, — ответила она с сомнением.

Понятно, Жанна так была занята собой и разборками с Майклом, что на дочь внимания не обратила. Я поняла: она не приедет, надо прекращать этот бессмысленный разговор.

— Попросите Володю, пусть как освободится, ко мне подъедет. У меня ни детских лекарств, ни еды для Мэри. — Я-то тоже безголовая, понадеялась, что мать в магазин заедет, все купит. — А я пока вызову «скорую». Пусть приедут, посмотрят, может, подскажут что-нибудь.

— Делайте все, что сочтете нужным, я вам полностью доверяю.

— Спасибо!

— За что? — искренне удивилась Жанна.

— За безграничное доверие, — буркнула я и отключила телефон.

Подошла к Мэри, дотронулась ладонью до ее пылающего лобика. Она во сне что-то прошептала. Я еще постояла немного около нее и заметалась по квартире в поисках телефонной трубки. Она у нас живет своей жизнью: постоянно куда-то исчезает, затем появляется в самых немыслимых местах. Наконец нашла.

— Девушка, пожалуйста, примите вызов. У годовалого ребенка высокая температура, дыхание поверхностное, неглубокое, больше никакой симптоматики нет... — Я назвала адрес, почему-то не сразу вспомнив номер собственной квартиры.

— Кто вызывает?

— Няня.

— Простите, не поняла? Еще раз повторите, кто?

— Няня, — произнесла я более отчетливо.

— Ожидайте, сейчас подъедут, — ответила девушка.

Действительно, подъехали очень быстро, буквально через несколько минут, раздалась домофонная трель.

— Мам, это я, уроки отменили...

— Поднимайся, сейчас приедет «скорая помощь», посмотрит малышку, надо будет сбегать в аптеку.

Сын вошел в квартиру со словами:

— Может, мне побыть у бабушки? Уроки там сделаю, а если буду тебе нужен, ты мне просигналь.

— Солнышко мое, что бы я без тебя делала? — Я с благодарностью посмотрела на Димку. Солнышко заулыбалось.

Еще бы, тут две беспомощные женщины и он — единственный мужчина-рыцарь, защитник и покровитель!

Когда сын был совсем маленьким, я часто ему повторяла, что есть мужчины и есть дядьки в штанах. Они тоже мужского рода, но их бесконечное нытье, жалобы на жизнь, жен, детей, начальство, обесценивают их мужские качества. И поступки тоже делятся на мужские и не мужские. Не знаю, понимал ли Димка, что я ему внушала, но раньше нередко спрашивал: «Мам, а это мужской поступок?» Но сейчас перестал. Может, сам разобрался что к чему?

Пока Дима копошился в коридоре, раздеваясь-переобуваясь, я прошла к Мэри, присела с ней рядом, поднесла ее горячую ладошку к губам.

— Все будет хорошо, маленькая моя, все пройдет. Сейчас придет доктор, и

тебе станет полегче.

Хотя страх холодной волной разливался по моим рукам и ногам: в доме чужой ребенок, больной с высокой температурой, а у меня ни документов на него, ни медицинской страховки. А вдруг случится самое плохое?

— Даже думать так не смей, все будет хорошо, ты справишься! — в отчаянии приказала я себе вслух.

Димка с тревогой посмотрел на меня:

— Мама, Мэри совсем плохо?

— Нет, — поспешно ответила я, — нормально, сейчас приедет врач, посмотрит и все нам скажет.

— Кажется, приехали! — Димка выглянул в окно. — Точно, в наш подъезд. Я тебе нужен или мне пока выйти, чтобы не мешаться?

У нас действительно тесно, а когда поднимутся врач с фельдшером, совсем будет негде повернуться. Сын это понял и нашел верное решение.

Я взяла Мэри на руки и, нежно прикачивая, стала ходить с ней по комнате.

— Сейчас доктор придет, послушает тебя. — Малышка насупила бровки, взмахнула ресницами и уткнулась мне в грудь. — Маленькая, да ты боишься, что ли? А кто у нас важный-отважный, который ничего не боится?

— Я! — Для убедительности Мэри ткнула себя пальчиком в животик.

— Конечно, ты самая смелая девочка, которой ничего не страшно!

Наконец-то! Как же долго они поднимались.

— Здравствуйте, проходите, — пригласила я доктора.

— Кто у нас болеет?

— Девочка Мэри.

— Какая красotka!

Мэри сразу заулыбалась. Она обожает комплименты, и как всякая барышня соответственно на них реагирует.

— Вы — мамочка? — обратился ко мне доктор.

— Нет, няня.

— Простите, я не понял. Кто?

— Няня! — Я вздохнула и виновато посмотрела на него — сейчас начнет спрашивать документы, задавать бесконечные вопросы. Как ни странно, обошлось.

— Где у вас можно руки помыть?

— Проходите, здесь ванная, чистое полотенце справа.

На докторе кипенно-белый халат. И как это ему удастся, работая на «скорой».

Пока он мыл руки, я ходила с Мэри по комнате и рассказывала ей, что у доктора есть трубочка, через которую он послушает, как стучит ее сердечко.

— Как? — заинтересованно посмотрела она на меня.

— Тук-тук, тук-тук, тук-тук. А когда малыши болеют — тук-тук-тук.

— Сколько девочке? — спросил доктор, входя в комнату.

— Десять месяцев.

— А выглядит старше, — удивился он. Осмотрел Мэри быстро, профессионально.

— Лимфоузлы в норме, слизистые в порядке, дыхание чистое, хрипов нет. Температура сейчас какая?

— Тридцать девять, измеряла пять минут назад.

— Что-нибудь делали, чтобы снизить температуру?

— Да, обтирание полуспиртовым раствором. Температура спала буквально минут на десять, потом опять поднялась под сорок. Да, — вспомнила я, — мы недавно прилетели из Египта. Может, это акклиматизация так проходит?

— На акклиматизацию не похоже. А кроме температуры больше никакой симптоматики? Девочка не нервничала? Не могло ее что-то сильно испугать?

Я обомлела. Неужели Мэри была свидетельницей этой безобразной сцены между Жанной и Майклом, завершившейся синяком в финале?

— Введем сейчас литическую смесь, посмотрим, как быстро спадет температура. Придется сделать анализы, посмотреть рож, исключить воспалительный процесс...

— Доктор, а можно, я сама сделаю укол? Мне девочка доверяет, а вас не знает и будет бояться.

— Конечно, если ей так будет спокойнее.

«Нормальный врач попался», — с облегчением подумала я, набирая в шприц анальгин с новокаином и димедрол — как снижали температуру десять лет назад, так и по сей день те же лекарства в ходу. Анальгин — та еще гадость болезненная, вместе с новокаином переносится полегче, но вводить надо медленно, чтобы не было уплотнения.

— Мэри, надо сделать укол.

— Нет! — Для большей убедительности она отвернулась.

— Хорошо, как скажешь, нет так нет, хозяин-барин! — Я положила шприц на стол. — Только тогда гулять не скоро пойдём и в самолет с Димой не получится поиграть, ты же болеешь!

— Гулять!

— Тогда укол! — напомнила я ей. — Будет не больно, ты же мне веришь?

Мэри горестно вздохнула, медленно повернулась и стала готовиться к малоприятной процедуре.

— Все, почти все, — говорила я ей, медленно вводя лекарство. — Ты моя умница, молодец.

Мэри согласно кивнула, конечно, она и умница и молодец, в этом нельзя сомневаться.

— Посидишь с доктором? Я пока отнесу шприц и ампулы.

— Нет!

— Почему? Ты боишься или он тебе не нравится?

Мэри помахала мне рукой, подзывая подойти поближе. Интересно, что за тайны у нашей девочки? Я подошла, нагнулась. Ах, история про трубочку! Как же я могла забыть?

— Доктор, вы не дадите Мэри фонендоскоп, она хочет послушать, как стучит ее сердечко.

— Такой умнице — все, что угодно!

— Налить вам кофе? — предложила я. — У меня есть растворимый, но могу и сварить. Вы какой любите?

— Если можно, заварной. Дежурю вторые сутки, устал, кофе выпью с удовольствием.

Я встала, поправила одеяло на Мэри, пошла варить кофе.

— Доктор, кофе на столе, — позвала врача, доставая пирожные из холодильника.

— А вы не составите мне компанию, пока Мэри занята лечением кукол? К ней уже целая очередь на прием выстроилась.

— Да, она у нас знатный доктор, правда, раньше ей больше стоматология нравилась, — вспомнила я несчастного кота. — А сейчас вот кардиологию осваивает.

— По-моему, вы имеете отношение к медицине — укол сделали мастерски, ребенок даже не вздрогнул. Кстати, я не представился — Сергей Николаевич. — Доктор протянул мне руку.

— Людмила Валентиновна. Вы правы, у меня диплом фельдшера и навыки реанимационной сестры. Инъекции делаю шлепком, и дети никогда не плачут, так что на кусок хлеба всегда смогу заработать. Берите пирожные, — придвинула ему поближе коробочку. — Не стесняйтесь.

— А где вы раньше работали?

— Да во многих местах: в хирургии, в операционной, в следственном изоляторе... — Я не успела договорить, потому что доктор поперхнулся пирожным.

— Где? Я правильно расслышал, в СИЗО? — переспросил он, откашливаясь.

— Все правильно, так получилось, случайно, а потом в Германию уехала. Номер моей полевой почты до сих пор помню.

— Н-да — диапазончик у вас, милая няня! Ну а после Германии?

— А после Германии нужно было деньги зарабатывать. Пять лет на съемной квартире жили. Из окна — огни Шереметьева, шестнадцатый этаж, хорошая квартира, но не своя. Я пойду, посмотрю, как там Мэри, — сказала я, доливая доктору кофе. Вернувшись, доложила: — Все в порядке, спит, фонендоскоп под подушку спрятала, всех кукол вылечила.

— Спасибо, у вас очень вкусный кофе!

— Это мама Мэри приучила меня к хорошему кофе — привозит из Италии и балует меня.

— Мама в отъезде, поэтому ребенок с вами?

— Да. — Я вздохнула, вспомнив причину ее внезапного отъезда. — Через пару дней приедет папа и привезет все необходимые документы Мэри, вам же надо оформить вызов или лучше наличными расплатиться?

— Не надо, когда привезут документы, тогда и оформим вызов.

Я попыталась положить ему в карман халата пятьсот рублей.

— Вот не ожидал от вас, — укоризненно посмотрел на меня Сергей Николаевич.

— Простите, не подумала!

— Думайте иногда. Это не мешает нашему дальнейшему сотрудничеству!

«Зря я с деньгами сунулась, балда, ясно же сказал — оформим вызов, когда будут документы», — подумала так, закрывая за ним двери.

Какой же это был чертовски длинный день! И ночь не дала мне перерыва — пришлось переодевать, поить и снова переодевать девочку. Температура у Мэри то резко поднималась, то также стремительно падала. К утру не осталось ни одной сухой пижамки и я, завернув Мэри в Димкин махровый халат, из которого он давно вырос, включила стиральную машинку. Доктора беспокоить не стала — человек дежурил двое суток. Что, я сама не справлюсь? Ведь кроме температуры больше никакой симптоматики. Вечером позвонил Володя и спросил, не нужна ли его помощь.

— Жанна Владимировна сказала мне, что Мэри заболела. Я мог бы приехать, привезти продукты или лекарства, ну все, что нужно.

— Спасибо вам, но вы целый день были за рулем, устали и Мэри спит после укола. Позвоните лучше завтра с утра и я решу, что нам нужно привезти.

Мы попрощались, и я с сожалением положила трубку. Ну почему так нелепо складывается моя жизнь? Слова лишнего не могу ему сказать, потому как мы работаем вместе. Этот чертов механизм внутри, скоро совсем меня доконает: не проспи, лишнего не ешь, на работе только деловые отношения.

Сын умчался ночевать к отцу, строго-настрого мне наказав, звонить ему, если что. Очень нравится ему эта роль — помощника, защитника и покровителя. Я добросовестно пообещала держать его в курсе происходящего.

— Только не засиживайтесь долго за компьютером, а то увлечетесь с отцом какой-нибудь игрой и про все на свете забудете.

Бывший мой муж — натура увлекающаяся и непостоянная, поэтому и перешел в разряд бывших, но он замечательный отец. Когда родился сын, муж с таким энтузиазмом стал заниматься его физическим воспитанием, что меня прямо оторопь брала. Ему, как офицеру, полагался двухнедельный отпуск по уходу за младенцем. Представьте себе, был такой замечательный закон в Советской Армии при советской власти. И весь уход за новорожденным, дневные, вечерние, даже ночные кормления он взвалил на себя. Переоденет, запеленает ребенка, да так, как ни одна детская медицинская сестра не сможет, потом несет его мне: «Нате мамочка, кормите нас». Покормлю — снова забирал. Занимался с ним гимнастикой, обливал прохладной водой, устраивал младенцу воздушные ванны. Все, что вычитал в умных книгах, то и применял с энтузиазмом первопроходца.

— А ты проспи, — говорил мне, забирая сына на прогулку. И так всегда говорил, если я ему мешала.

А из посещения бассейна с искусственной волной (есть такой в Берлине) устраивал настоящие показательные выступления под названием «Мой ребенок — Ихтиандр», доводя немецких старушек до обморочного состояния. При этом, надо сказать, сам плавать не умел и панически боялся глубины.

— Чего тебе не хватает? — причитали мои подруги, когда через одиннадцать лет мы с ним разводились. — Красавец, обаятельный в общении, тебя любит, сына обожает. Одной лучше, что ли?

— Мне, наверное, да, — устав объяснять причины нашего разрыв, отвечала я.

— Подумаешь, подарки не те дарит, за столько лет могла бы его и научить!

Но научить мужа видеть во мне единственную любимую женщину мне, к сожалению, оказалось не под силу.

Воспоминания вещь приятная, однако совершенно бесполезная, думала я, разгружая стиральную машину с бельем Мэри. Машина у меня с сушкой, поэтому я знала, что к утру я успею все перегладить.

Почему же температура такая высокая? Ведь никаких проявлений больше нет. Дыхание ровное, чуть поверхностное, но ни одышки, ни кашля нет, нос тоже нормально дышит, не заложен. Почему же у меня такая паника? Я все время боюсь чего-то не усмотреть, что-то пропустить, забыть? Размышляя над этим, я отправилась на кухню и налила себе чаю.

«Съесть пирожные или удержаться?.. По-моему, у меня все признаки скры-

той депрессии: паникую, плохо соображаю, еще и сладкого хочется, — поставила я сама себе диагноз, доедая второе пирожное. — Посуду, чашку с ложкой завтра помою, шум воды тоже раздражает. А ведь это тоже один из признаков депрессии», — поставила я себе окончательный диагноз, наконец-то укладываясь на диван.

Он у меня жутко неудобный — по дизайну больше подошел бы для офиса, но денег после ремонта хватило только на этого монстра, схватила не глядя, вот и мучаюсь теперь.

Кровать Мэри, такой раскладывающийся манеж, был придвинут вплотную к моему дивану и съедал значительную часть и так небогатого жилищного пространства. «Надо как-то улучшать квартирные условия», — подумала я, устало прикрыв глаза.

Утром температура у Мэри опять резко подскочила и остановилась на отметке тридцать девять, хотя при этом поела она с аппетитом, еще и добавки попросила. Сварила ей куриный бульон. Этот процесс происходит у меня небыстро, потому что я люблю, чтобы бульон был прозрачным, а для этого нужно время. Терпеливо жду, когда он закипит, чтобы шумовкой снять поднимающуюся шубу, и тщательно все вылавливаю. Может, есть менее трудоемкий способ, но я таким не владею, поэтому вожусь с бульоном долго, зато он получается как слеза. Мэри ест только такой и с домашними сухариками, непременно ржаными.

Выпив свой любимый банановый сок, она попросила:

— Читать.

— Сейчас, только доктору позвоню.

Мэри радостно заулыбалась, Сергей Николаевич ей явно понравился, несмотря на болезненный укол, назначенный этим милым доктором.

— Сергей Николаевич, это няня Мэри. Температура за ночь несколько раз поднималась, сейчас тридцать восемь и пять, но аппетит хороший, чашку куриного бульона за пять минут одолела, еще и добавки попросила. Кроме температуры больше никакой симптоматики, все настолько спокойно, что даже странно.

— Вызовите «по цито» клинического лаборанта, пусть сделает анализы крови и мочи. Я подъеду к вам через час, как раз анализы будут уже готовы, все сразу посмотрю.

— Спасибо, сделаю, как вы сказали, — поблагодарила я доктора, положила трубку и обратилась к девочке:

— Мэри, сейчас приедет тетя, уколует тебе пальчик, знаешь, как комарики кусаются? Примерно так.

Мэри недоверчиво посмотрела на меня: что это еще за тетя такая с кусачими комариками.

— Давай покажем ей, какая ты у нас храбрая девочка.

Лаборантка приехала, быстро все приготовила, Мэри глаз с нее не сводила, где же она прячет этих комариков кусачих? Отважно протянула руку, только брови чуть нахмурила, но надо же храбрость показать, и она героически терпела. Только ойкнула от неожиданности, когда девушка уколола ей пальчик.

— Какая у вас спокойная девочка, — удивилась лаборантка, приклеивая Мэри пластырь с цветной картинкой.

Мэри заинтересовалась картинкой и про все сразу забыла.

— Я позвоню и продиктую результаты анализа через полчаса, а бланки вы потом в регистратуре заберете.

Лаборантка перезвонила через час, я записала под ее диктовку результаты анализов. Гемоглобин мог бы быть и повыше, роэ тоже оказалось чуть выше нормы, но в допустимых пределах. Гемоглобин, возможно, снизился из-за температуры или я составила не достаточно питательное меню? — задала я себе такой вопрос, разглядывая записи.

— Сергей Николаевич, по анализам все спокойно, не понимаю, что с ней происходит, — доложила я доктору, едва он вошел в квартиру.

— Спокойствие, только спокойствие, — отозвался он, проходя в комнату и надевая кипенно-белый халат.

Я опять удивилась: и как ему это удастся, работая на «скорой»? — не иначе есть кто-то и это — женщина, которая пристально следит за состоянием его одежды.

— Сегодня прилетает папа Мэри, он отменил какую-то встречу и к вечеру будет здесь, — мне утром позвонил его секретарь и сообщил столь радостное известие.

Мэри радостно запрыгала по кровати, заверещав на французский манер: «Папи, папи!»

— Сварить вам кофе? — предложила я.

— Ваш итальянский выпью с удовольствием.

Пока Сергей Николаевич осматривал девочку, я заварила кофе и приготовила горячие бутерброды. Если он голодный, обязательно соблазнится. Грибной суп и горячие бутерброды я делаю действительно вкусно, это отмечает даже моя мама, а она достаточно придирчива и больше меня критикует, нежели хвалит.

Пока я суетилась на кухне, Сергей Николаевич закончил осмотр.

— Ну вот, милая барышня, — обратился он к Мэри. — Дал вам все рекомендации, которые необходимо соблюдать, а ваша няня проследит за их неукоснительным выполнением.

— Какие же рекомендации вы дали Мэри? — любопытствовала я.

— Не прыгать по кровати, пить побольше соков и ждать приезда папы.

— Рекомендации замечательные, главное, легко выполнимые, — засмеялась я. — Проходите, доктор, ваш кофе на столе, и я приготовила горячие бутерброды. Только сразу не отказывайтесь, попробуйте сначала, а потом определитесь, стоит их есть или нет.

— Побудешь одна? Я тоже пойду кофе выпью, — спросила я Мэри.

Она согласно кивнула и принялась укладывать куклу спать.

— У вас нет знакомого психолога? — спросила я доктора, усаживаясь за стол и наливая себе кофе.

Сергей Николаевич удивленно поднял бровь.

— Позвольте любопытствовать, а кому нужен этот специалист?

— Мне, — вздохнув, призналась я. — В последнее время на меня накатывают приступы панического страха. Я стала бояться, что все делаю неправильно, боюсь не уследить за чем-нибудь или просто забыть. И сладкое ем, хотя я далеко не сластена...

— И много съели?

— Чего?

— Сладкого.

— Вчера два пирожных, — неуверенно сообщила я.

— Для вас это действительно перебор, — улыбнулся он. — Вам просто нужно отдохнуть и для начала хорошенько выспаться.

— А если это не поможет?

— А если не поможет, звоните, номер мой у вас есть, тогда поговорим более предметно.

Я повеселела, хорошо, когда есть с кем посоветоваться, получить хорошую консультацию или даже просто услышать слова поддержки и участия. Отсутствие медицинской практики сказывается на мне не лучшим образом, навыки теряю. Нет, мастерство, как говорила старшая медсестра нашего хирургического отделения, не пропьешь, в любую вену я попаду с закрытыми глазами, но реакция на нестандартные ситуации явно ухудшается и самостоятельные решения тоже, как-то с паузами принимаю.

Я любила мою прежнюю работу, училась хорошо и с удовольствием, только две «четверки» по общеобразовательным предметам лишили меня красного диплома. Нимало не печалюсь от такой вопиющей несправедливости, я махнула на все рукой и уехала работать.

Родное училище в качестве утешительного приза выдало мне направление для поступления в институт, без отработки по распределению. Молодых специалистов с новоиспеченными дипломами отправляли на периферию, чтобы они могли отточить свое профессиональное мастерство на простых смертных в глубинке. Покрутив в руках эту невнятную бумажку для поступления в высшее учебное заведение, я отложила ее в сторону и попросила членов приемной комиссии послать меня куда-нибудь подальше, на край земли.

«Справку в психдиспансер ей надо было выдать, а не направление в институт», — ясно читалось на их лицах. Желающих покинуть родительское гнездо в таком нежном возрасте было немного, и моя просьба их, несомненно, обескуражила. На момент окончания училища мне не исполнилось еще и восемнадцати лет. Родственники тоже недоумевали, но отнеслись к моему решению с пониманием: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы проблем не создавало. Так я уехала работать в медсанчасть при одной крупной атомной станции. Начальник отдела кадров, бегло просмотрев мои документы и по достоинству оценив мой диплом, вынес однозначный вердикт: в хирургию. Для барышни без малейшего опыта работы в стационаре, и до совершеннолетия которой оставался целый месяц, — это дорогого стоило. Я стала резво оправдывать возложенное на меня доверие: суточный график дежурств, практически без выходных, сутки через сутки, двое суток через сутки и трое суток подряд — такое тоже случалось, вот такой был темп работы в хирургическом отделении. По КЗоТу такая самодеятельность в переработках не приветствовалась и даже запрещалась, но персонала не хватало, и руководство больницы смотрело сквозь пальцы на подобные нарушения. Тем более что на качестве работы это никоим образом не отражалось. Перевязки, процедуры, переливание крови, все проходило в условиях полнейшей стерильности с соблюдением асептики и антисептики, инъекции антибиотиков строго по часам, а обезболивающие и снотворные средства надо было еще и записать в специальном журнале, так как велся строгий учет сильнодействующих наркотических средств.

Однажды, поднимаясь к себе в отделение, не на смену, а просто так — по-

чирикать с дежурной сестричкой, я проходила через приемное отделение. В этот момент там у одной больной случился эпилептический припадок с клоническими судорогами, которые выводили ее дугой. В этот же день в приемном отделении дежурил заведующий нашим отделением, хирург от Бога. Он фиксировал женщине голову, одновременно пытаюсь открыть рот, чтобы случайно язык не откусила, а вокруг них суежилась со шприцем старушка — божий одуванчик — медсестра приемного отделения. Руки так тряслись, что было понятно: не то что в вену — в канат не попадет. Ведь в приемном отделении такой навык как-то без надобности, там все больше бумажной работой занимаются. Увидев меня, мой заведующий кивнул — подключайся, мол, давай, не стой пнем. Такой приступ можно снять только внутривенным введением лекарства. И попасть надо было с первого раза, потому как врач был уже на последнем издыхании, попробуй, удержи больную в судорогах, при этом следи, чтобы она язык не откусила, голову не разбила и не захлебнулась рвотными массами. Я попала, со второго раза, и до самого вечера очень собой гордилась.

Так что работу я свою любила и теперь очень по ней скучаю, но жизненные обстоятельства заставили меня переквалифицироваться в няню.

Занятая воспоминаниями о далекой трудовой юности, я не заметила, как переглядила все вещички Мэри. К приезду папы подготовиться надо было особенно тщательно, подобрав все детали туалета строго в тон, одинаковые по фактуре, и не забыть про туфельки точно в цвет. Сама не поверила бы таким сказкам, если бы не принимала регулярно в этом участие. По сто раз переодевались, собираясь на прогулку. А тут папа приезжает, подготовиться надо почти как к приему у английской королевы.

Володин звонок прозвучал неожиданно громко, я вздрогнула и покосилась на Мэри — не проснулась ли? Нет, Мэри сладко спала в ожидании предстоящих чудес, которыми всегда балует папа, привозя из поездок то волшебные сундучки с маленькими феями, то двигающихся мишек, и обязательно сказочной красоты новые наряды. Напрыгалась и уснула.

— Долго до вас не мог дозвониться, сто раз пожалел, что вчера не приехал, — укоризненным тоном произнес Володя. — Как ваши дела? Как Мэри себя чувствует? Мы договаривались, что сегодня я приеду, привезу вам продукты и все необходимое.

— Володя, извините, пожалуйста, что не перезвонила, с утра приезжал лаборант, брал у Мэри анализы, потом ее доктор еще раз смотрел, затем секретарь Майкла предупредил, что сегодня прилетает папа Мэри, и сразу же непременно приедет к нам.

— Да, я знаю, что Майкл прилетает, мне сегодня звонила наша диспетчер и просила встретить его в Шереметьево. А я выходной на сегодня взял, думал, что буду нужен вам с Мэри. — В голосе Володи послышалось разочарование. — Так мне не приезжать?

— Вы нам очень нужны, — тихо произнесла я в трубку. Не могла же я сказать, что он мне нужен. — Мэри выпила весь сок, и у нас совершенно пустой холодильник.

— Так мне приехать? Говорите, что нужно привезти, огласите, пожалуйста, весь список!

— Каши «Беби-Ситтер», гречку и овсянку, пюре мясное «Бичинат», только

индейку, сок предпочтительно банановый, вот, пожалуй, и все, — перечислила я то, что было нужно девочке.

— А для вас что привезти? Пирожные, это я помню, а что еще?

Опять про пирожные вспомнил. Убей не помню, когда же я ему про них говорила?

— У вас по пути будет магазин «Седьмой континент», у них там отличная икра грибная, вот ее мне и привезите, если вас не затруднит, — попросила я.

— Грибы в любом виде. Как же я мог забыть? — засмеялся Володя. — Буду через час, ждите.

Я попрощалась, положила трубку, подумала: «Как же замечательно, что он такой заботливый, деликатный, не надо говорить каких-то лишних слов, необязательных фраз, он понимает все мои интонации».

Мэри проснулась, потерла кулачками глазки и сразу спросила:

— Папи?

— Еще нет. Так и мы еще не готовы. Ну-ка, быстренько умываться, одеваться, кушать. — Надела на нее платье, тоненькое как паутинка, из последней коллекции Сони Рикель — папин подарок. Мэри ест аккуратно, кашу по тарелке не размазывает, так что урона внешнему виду не нанесем, потом переоденемся во что-нибудь «попроще» от Диор или Живанши.

Через час раздался звонок по домофону, и Мэри радостно запрыгала:

— Папи, папи!!!

Я взглянула на часы и слегка ее разочаровала:

— Это не папа, это Володя еду нам привез.

Весь увешанный пакетами, он с трудом протиснулся в дверь, стал все сгружать на стол.

— Вот то, что вы просили для Мэри, а это для вас, — протянул мне несколько свертков. — Я поехал за Майклом в Шереметьево.

Я посмотрела на него с удивлением:

— Кто-то же говорил про выходной?

— Кто-то говорил, это точно, но не с нашим счастьем. Позвонила диспетчер и сердечно попросила меня съездить за Майклом в Шереметьево, сначала привезти его к вам, а потом доставить домой на Остоженку. Я вам больше не нужен? Так я поеду? — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Вы нам очень нужны, — повторила я. — Если бы не ваша продовольственная помощь, мы погибли бы от голода, во цвете лет, — вложила я в мою интонацию капельку иронии.

Володя засмеялся:

— Пока я рядом, вам это не грозит.

Папа приехал. Мэри медалью повисла на его шее, дрыгая ногами и не переставая щебетать:

— Папи, папи!

Личико ее покраснелось, и я забеспокоилась:

— Мэри, что доктор сказал, помнишь? По кровати не прыгать, по папе тоже не стоит, температура может подняться.

Майкл удивленно уставился на меня.

— Какой врач, почему врач? — Он, когда нервничает, плохо говорит по-русски, но понять его можно. — Что, Мэри болела?

— Да, два дня поднималась температура до тридцати девяти. Мы сдали ана-

лиз крови, он не показал ни малейшей патологии, все спокойно. Кроме высокой температуры, никакой симптоматики.

— Когда заболела Мэри? Жанна Владимировна знает? Почему вы не позволили мне? — Майкл с ходу забросал меня вопросами.

И в какой последовательности мне отвечать? Начну, пожалуй, от печки, не всегда у меня это получается, но, как говорят: попытка — не пытка.

— Мэри заболела в тот день, когда Жанна Владимировна привезла ее ко мне. Я померила малышке температуру и позвонила маме на мобильный, сказала, что у Мэри высокая температура.

Майкл непонимающе уставился на меня.

— Жанна Владимировна знает, что Мэри больна? — раздраженно переспросил он, нервно расхаживая по комнате из угла в угол.

Глухим вроде никогда не был, удивилась я и повторила:

— Знает. Она предупредила меня, что вы прилетаете через два дня, привезете медицинский полис и контракт на обслуживание ребенка.

— Почему вы не позвонили мне?

— Да, и что бы это изменило? Потом такой команды — вам сообщать от Жанны Владимировны не поступало, а я не сторонница всякой самостоятельности.

Майкл непонимающе посмотрел на меня и переспросил:

— Недосторонница, это что?

Мало того что, волнуясь, он начинает плохо говорить, Майкл еще перестает слышать русскую речь или слышит только то, что хочет, сделала я для себя неутешительный вывод без надежды перевести ему то, что он не понял. Сообразить бы еще, что его так злит — моя безотказность или пофигизм Жанны?

Пока мы энергично выясняли, кто что знал и кто что понял, Мэри перемерила все привезенные ей наряды и пошла по второму кругу активной примерки.

— Мне, что ли, примерить, может, подойдет что-нибудь? — проговорила я в раздумье, глядя на это дизайнерское великолепие.

У Мэри принцип: что мое, то — только мое и ничье больше. Лукаво покосившись на меня, она принялась распахивать все по коробкам, припрятывать, а то еще взбредет няне в голову примерить. Зато и бесконечное дефиле наконец-то прекратилось.

— Мы где с Мэри будем обретаться: здесь или на Остоженку переберемся?

Майкл удивленно поднял брови. Слово «обретаться» никак не переведет в своем мозговом компьютере.

— Нам перебираться? — переспросила я, тихонько прошептав, он же все равно не поймет. «Только не на Магадан, енто мне не по годам, я пока туда доеду, опасуюсь — дуба дам». — «Мы» на Остоженку или здесь останемся?

— Если вы будете с Мэри на Остоженке, я смог бы отпускать вас вечером домой, — неуверенно ответил он.

Такая перспектива меня чрезвычайно обрадовала. Майкл ответственный папа, все сделает как надо, ничего не напутает, да и Мэри очень по нему соскучилась. Но вдруг температура опять поднимется? Стоит ли везти ее в машине, ведь не понятно, почему температура скачет. Сергей Николаевич предположил невротическую этиологию, и мне так кажется.

— Майкл, давайте подождем денечек, а завтра с утра или лучше к вечеру,

если все будет спокойно, мы приедем на Остоженку, — предложила я. — Здесь хоть погуляем на свежем воздухе. Я сама могу ее привезти, вспомнив, что Володя хотел взять выходной.

— Не выдумывайте! Ваша щепетильность к месту не сейчас. Вас привезут назад и вперед, — разгорячился Майкл.

Опять занервничал. Сам-то хоть понял, что сказал?

— Жанна Владимировна деньги вам оставила, или как всегда, вы своими расплачивались?

— Оставила, не волнуйтесь, только полис привезти не успела, — решила я не усугублять ситуацию. Потом у Жанны возьму, за анализы.

Майкл недоверчиво посмотрел на меня.

— Точно оставила? — переспросил еще раз.

— Майкл, — неуверенно начала я, стараясь побыстрее проскочить денежную тему, — меня сейчас другое беспокоит. У Жанны Владимировны на лице синяк. Вы что, ударили ее? Я не ради любопытства спрашиваю, врач предполагает невротический характер таких резких температурных скачков у Мэри. Надо понять, почему это происходит.

— Я ее не ударял, я просто прикрыл лицо рукой, когда она попыталась... — не договорив, он замолчал.

«Ну, прямо бои без правил», — мелькнула у меня мысль.

— И Мэри это видела?

— Да. Она очень плакала, долго не могла уснуть, я сам в тот вечер ее укладывал, — сообщил он совершенно убитым голосом.

— Не могли же вы столбом стоять, тогда синяк был бы у вас, — отозвалась я, пытаюсь сообразить, как бы поделикатнее перевести разговор в более шутивную плоскость. — Ну, поскандалили, в какой семье не случается.

— Вы не знаете, когда приезжает Жанна Владимировна? — спросил Майкл.

— Нет, мне она ничего не говорила. Возможно, Володя знает, он ее отвозил в аэропорт.

Майкл задумчиво походил по комнате, рассеянно переводя взгляд с предмета на предмет, затем стал собираться.

— Так что же мы решаем? — спросил он.

— Давайте посмотрим, как пройдет сегодняшней вечер, будет ли температура опять подниматься. Если нет, завтра к вечеру мы приедем на Остоженку, — повторила я компромиссный вариант.

Наконец он уехал. Мы с Мэри разложили все наряды по полкам и шкафам, хорошо, что большую их часть папа увез домой. Только я присела, чтобы наконец-то что-нибудь съесть, раздался телефонный звонок. С кем же я еще сегодня не общалась? На экране высветился номер Жанны. Если она не уложится в десять минут, голодный обморок мне обеспечен. Что же это я икру грибную в холодильник не убрала, скосив глаза на баночку, пожалела я. Жанна уложилась в отведенное ей время, и все десять минут я была вынуждена слушать печальную повесть о том, какой Майкл козел и какая она золотая.

— Жанна Владимировна, — наконец-то мне удалось прервать бесконечный поток жалоб и задать вопрос: — Вы когда приедете? Это не я спрашиваю, это Майкл интересуется. — Сама я таких вопросов никогда не задаю, этого требует этика работы в семье: все сами скажут, если посчитают нужным, или не скажут.

— Не знаю. Еще ничего не решила.

«Хороший ответ, а главное, очень определенный», — подумала я, наливая в кружку кофе и прицеливаясь к грибной икре, потому как есть и пить уже хотелось со страшной силой, десять минут нашей содержательной беседы подошли к концу.

— Если ночью температура будет нормальная, мы с Мэри поедем к папе на Остоженку. Утром сдали анализ крови, он не показал никакой патологии, — бодро доложила я о проделанной работе.

Жанна — приличная во всех отношениях женщина, не злобная, не вредная, капризная и избалованная — да, но ведь это не черта характера, а особенности поведения, убеждала я себя с периодичностью — шесть раз в неделю.

На следующий день мы абсолютно здоровые, бодрые и веселые загрузились в Володин «Опель» и к вечеру прибыли на Остоженку. Майкл обещание свое сдержал, правда, не в полном объеме: домой я приезжала не раньше полуночи, но и этому была безмерно рада. Мэри хорошо себя чувствовала, температура больше не поднималась, так что вскоре мы поехали в бассейн.

За время нашего отсутствия деток там прибавилось, да так, что не развернуться. Быстренько переоделись, няня в купальник, Мэри в плавки и — в сауну. Погрелись минут пять — семь, приняли холодный душ для контраста, только после этого — в воду. Мэри резвилась от души: ныряла, плавала, но и за другими детишками тоже подглядывала, кто что делает, а главное — как. Крикунов оказалось через одного. Я так называю малышкой, которым занятия в бассейне не в радость: или потому, что они боятся воды: или потому, что не доверяют взрослому человеку, находящемуся рядом. Доверие и понимание играют большую роль в занятиях. Бывают и особо упертые мамочки или папочки: ребенок криком кричит, надрывается до синевы, а они упираются до последнего. Уплатили — значит будем плавать все полтора часа до последней минутки.

У нас с Мэри все было по-другому: мы привыкали постепенно. Она совсем кроха была, ей всего две недельки исполнилось, когда мы в первый раз приехали в бассейн. Походили, посмотрели на все внимательными глазками, ручкой водичку потрогали, с инструктором познакомились. На первый раз — достаточно, тем более что все необходимые упражнения мы в ванной отрабатывали и температуру воды тоже постепенно понижали. Так что водная стихия для Мэри была привычна и приятна. Никакого шока или негатива не случилось ни в первое посещение, ни в последующие, все проходило тихо, чинно, благородно.

Мамочки косились на нас поначалу, что это вы по времени так мало занимаетесь? А я, если видела, что Мэри устала или ей не в радость какое-то упражнение, никогда на нее не давила: не хочешь, как скажешь, сделаем в следующий раз. Однако результат у Мэри был на порядок выше, чем у других детей. Инструкторы очень ее полюбили, никто никогда не слышал ее плача или истеричного крика. Она очень улыбочивая, отзываясь на ласковое слово или комплимент, обязательно улыбнется, промурлычет что-то на своем языке. Сауну сначала не очень хорошо приняла, не приглянулась она ей как-то, зато душ контрастный и обливание любила всей душой и только повизгивала от восторга, когда я окатывала ее холодной водой из ведра. А как же, сия процедура строго по науке, и никакой отсебятины.

Через месяц Майкл решил посмотреть, в какой мы ездим бассейн и чему уже научились. Я понимала его родительское тщеславие, но не была уверена, что Мэри правильно отреагирует на его присутствие. Дети — актеры, и если есть хотя бы один зритель, заметно меняют поведение, и не всегда угадаешь, в какую сторону произойдет перемена.

Но Мэри меня не подвела, она показала такой мастер-класс, какого я от нее и не ожидала. Майкл, когда увидел некоторые элементы динамической гимнастики, у него брови наверх поползли, да так там и остались до конца занятия.

Он долго сокрушался, что не захватил видеокамеру и не заснял такое зрелище. Я его успокоила, заверив, что такое шоу здесь на каждом занятии, это только ему в диковинку, заснять на камеру можно и попозже, когда, например, освоим ныряние с аквалангом. Я, конечно, шутила, но Майкл после всего увиденного поверил мне на слово.

Температура воды в бассейне двадцать восемь градусов, и это, конечно, бодрит, упражнения надо проводить в хорошем темпе и вовремя унести малышку в сауну, чтобы согреть. Тут и чутье важно, и понимание ребенка, устал он или нет, замерз или можно заниматься дальше. Не уверена в полезности занятий, если ребенок кричит, не переставая, и ничто ему не в радость. Я не сторонница тупых и прямолинейных мер, нужно понять, чего хочет малыш. Возможно, вода вообще не его стихия и ему подошло бы что-то другое.

Майкл был в полном восторге, и к вечеру все его сотрудники знали, что его двухмесячная дочка посещает бассейн и в будущем есть надежды на олимпийское «золото» по плаванию и по гимнастике. Слово «динамическая» он опустил, и народ недоумевал: откуда в бассейне гимнасты?

— Мэри скоро годик? — спросила меня инструктор, когда мы стали собираться домой.

— Да, скоро будем праздновать — всей командой. Принесем торт для всех и свечу самую красивую, какая только отыщется, поставим ее в центр, а Мэри задует, — пообещала я погрустневшим голосом. Я догадывалась, почему инструктор спросила про ее день рождения.

— Вы уже нашли для Мэри гувернантку?

— Еще нет, но думаю, скоро подберем, — ответила я. А для себя решила: как только Жанна прилетит, нужно будет поговорить с ней о замене. Я знаю, это всегда проблема и для родителей, и для меня. Родители обычно недоумевают: «Почему вы уходите? Что вас не устраивает? Давайте обсудим ваши пожелания, может быть, вы останетесь подольше?» Всегда присутствует элемент обиды: раз няня уходит, значит, ее что-то не устраивает. «Это не так, — каждый раз пыталась я объяснить. — Я люблю мою работу и малышей понимаю, но после года ребенку нужен другой человек — педагог, который владеет навыками раннего развития маленького человечка, умеет подобрать ему индивидуальную программу. Просто отсиживать часы и получать за них неслабую зарплату, совесть не позволяет. И самое главное, мне должно быть интересно, а интересно мне заниматься физическим развитием и закаливанием именно грудничков, учить же я вовсе не умею». Так честно признавалась родителям.

Жанна прилетела через два дня. Я уже уложила Мэри спать, присела передохнуть. Днем был бассейн, Мэрины бесконечные: «Ныряем!» — напрочь меня умотали.

Я сидела за столом и думала о том, что постоянный цейтнот моей жизни диктует, увы, свои правила. Контракт с этой семьей еще не закончился, а звонки от других родителей уже начались. Как же мне построить разговор с Жанной, чтобы у нее была нормальная реакция на мой уход, а не поток вопросов: «Все-таки, почему вы нас бросаете?» Такое тоже случалось, хотя в моих контрактах все сроки всегда четко оговариваются, но, к сожалению, обиды все равно присутствуют.

Жанна заглянула в детскую и шепотом спросила:

— Вы все придумали, да?

Я недоуменно посмотрела на нее.

— Вы это о чем, Жанна Владимировна?

— Про то, что Мэри заболела. Вы просто не хотели, чтобы я уезжала и несколько преувеличили ее состояние, ведь так?

Проницательность — отличительная черта блондинок, и Жанна не являлась исключением.

— Вот запись осмотра врача «скорой помощи», а это развернутый анализ крови, мочи — общий, — протянула ей бланки, выходя из комнаты. — Кровь брали по цито, я вызывала на дом клинического лаборанта. Кстати, с вас две тысячи рублей, — проговорила как можно спокойнее.

— Почему так дорого? Такая уйма денег? — возмутилась она. — Вы что, не могли отвезти ее в поликлинику сами, на своей машине?

— В условиях нашего контракта нет пункта, предусматривающего использование моей машины в личных целях работодателя, — попыталась вернуть Жанну в жизненную реальность. — Поэтому ваши замечания по поводу моих действий не совсем корректны. Вы не находите?

— Но вам же не трудно это было бы сделать, — недовольно проворчала Жанна.

— Я не хочу объяснять, что мне было трудно, а что нет. Сейчас Мэри накормлена, спит, температура эти дни была нормальная, мы даже ездили в бассейн на занятия. Я могу поехать сегодня домой пораньше?

— Да, конечно, спасибо, — вяло поблагодарила меня Жанна и в раздражении отвернулась.

Я быстренько собралась, заглянула в детскую, посмотрела на спящую Мэри. Она заворочалась, перевернулась на другой бок и засопела.

— Бай, — тихонько попрощалась я с ней. — До завтра, маленькая.

Коли столь удачно выпали свободные часы, я решила съездить в агентство к Тамаре Владимировне. Пусть поищет гувернантку для Мэри, может, что и подберет. Мне работать осталось меньше двух месяцев, нужно без суеты спокойно посмотреть, кто мог бы подойти для всех членов этой семьи.

Раздумывая над этим, я торопливо спустилась по лестнице и вышла во двор. Лето, моя любимая пора. Я давно живу в Москве, но никак не привыкну к небу, часто затянутому облаками, к дождям, кажущимся бесконечными. В Волгограде, на моей родине, я так привыкла к солнцу, что долго тосковала без него. И только лето примиряет меня с сырой, промозглой московской погодой.

Как же мне добраться до Шаболовки быстро и без пробок?

Водитель я так себе. Если маршрут привычный, то добираюсь быстро, но в агентство еще ни разу не ездила. Понимаю, что ехать надо через центр, а там

кирпич на кирпиче, глаза в кучу соберешь, пока найдешь нужный адрес. Топографический кретинизм тоже со счетов не сбросишь: промахнусь на каком-нибудь повороте и окажусь вместо Шаболовки на Юго-Западе. Со мной такое уже случалось: вместо того чтобы добраться за двадцать минут, ехала два часа. Друзья-приятели с пониманием относятся к такому странному передвижению, ждут, когда же я, наконец, доеду. Правда, дожидаются не все, только самые терпеливые, а таких у меня немного.

Карта города — умная вещь, но издана она явно не для меня. Вроде и буквы все знаю, и слова знакомые попадают, однако как доехать, все равно не соображаю. Она мне не помощница — это факт.

Позвонить Володе и спросить его, как мне лучше ехать? Но не хотелось ему продемонстрировать свою тупость, потому что потом придется звонить и переспрашивать, ведь с первого раза все равно ничего не запомню. Словом, я встала перед выбором: или наматывать круги по Москве, или все-таки ему позвонить, других вариантов нет.

Володя так толково все всегда объяснял, что даже у меня появился шанс добраться до нужного места с минимальными потерями времени.

— Володя, здравствуйте, вы не могли бы подсказать, как мне лучше добраться до Шаболовки?

— Все очень просто, — отозвался он с энтузиазмом.

— Как кому, — вздохнула я. — Для меня так это высшая математика.

— Если хотите, я мог бы подъехать на моей машине, а вы двигались бы на своей следом за мной.

Уловил-таки панику в моем голосе, а я так старалась ее скрыть. Я действительно боюсь новых маршрутов, знаки не всегда вижу и с разметкой могу напутать, поэтому предпочитаю передвигаться знакомыми, наезженными тропами.

— Так что мы решаем? — Володин голос вывел меня из задумчивости.

— А как у вас со временем?

— Нормально у меня с ним, раз я сам предлагаю такой вариант. Жду вас на Тверской, там есть поворот в Благовещенский переулок. Тверская, надеюсь, вам хорошо знакома, не заблудитесь?

— До Тверской доеду с закрытыми глазами, — обрадовалась я.

— С закрытыми как раз ни к чему, лучше пошире их откройте, чтобы ничего важного не проглядеть.

— А что у нас важное на сегодняшний день? — позволила я себе капельку пококотничать.

— Как кому, — повторяя мою интонацию, произнес Володя. — Мне, к примеру, вас увидеть, а вам, наверное, успешно добраться до Шаболовки, — предположил он.

«Дококотничалась: «Маруся, я Дубровский», эдак мы далеко уедем, но в другую семью ты пока не ушла, так что сбавляй обороты!»

— Буду просто счастлива видеть вас в роли инструктора.

— Немного же вам надо для счастья, — явно улыбнулся Володя.

— Скромность она не только украшает, она еще и пользу приносит, — отозвалась я, плавно трогаясь с места.

Бытует мнение, что все женщины, которые плохо водят, — блондинки. Но по-моему, блондинов на дороге больше, даже если выглядят они горбоносими

брюнетами. Ведь «блондинка» — это скорее характер, уровень элементарной культуры.

До Благовещенского переулка доехала как «блондинка» — быстро, но припарковалась, как француженка: подъехав, аккуратно растолкала соседние авто и влезла. Володя меня уже ждал и внимательно пронаблюдал за моими усилиями втиснуться между танкоподобным «Хаммером» и красавицей «Ауди».

Отдышалась. Парковка в условиях, приближенных к боевым, все-таки мне удается не с первого раза, Володя даже поаплодировал:

— Я думал, придется вам помогать! Так как мы решаем? Поедете за мной следом? Или вас отвезти?

— За вами я ничего не запомню, кроме номера вашей машины и размеров габаритных огней, — вздохнула я. — Было бы значительно лучше, если бы вы сидели рядом и подсказывали... — Решила я и добавила: — Конечно, если вам не страшно ехать со мной.

Володя постоял, подумал, наконец махнул рукой:

— Все там будем. Поехали, чего уж!

— Я хорошо езжу, скоро будет год водительского стажа, — накинув для убедительности пару месяцев, похвалилась я.

— Год — не срок, — заявил Володя, открывая дверцу моего автомобиля.

Я торопливо уселась, повернула ключ зажигания, машина завелась и... заглохла.

— Странно, бензина полно, что-то я сегодня рассеянная, — пробормотала я, повторяя попытку тронуться с места.

Она, к счастью, прошла успешно, и мы поехали.

Добрались на удивление быстро, хотя добирались какими-то садами-огородами и объездными тропами. У меня от бесконечных переулков аж в глазах зарябило. Наконец выбрались на большую дорогу и понеслись семьдесят километров в час!

Володя сидел смирно, за руль не хватался, горестно не вздыхал, только в боковое зеркало пристально поглядывал. Или, возможно, мне так казалось. Когда мы доехали, встал вопрос: а ему-то что теперь делать? Сидеть в моей машине и ждать, когда я освобожусь? С моим водительским эгоизмом я как-то об этом не подумала.

— Я вас подожду и покажу вам другую дорогу, — правильно истолковал мой безмолвный вопрос Володя и добавил: — Там, где полос разделительных меньше.

«Какой же он все-таки молодец!» — подумала я, вытаскивая из машины сумку.

Телефон разрядился, экранчик погас, и я не имела ни малейшего представления о времени. «Хоть бы какие часы повесили, — шаря глазами по стенам, сердилась я. — А еще солидное учреждение, Медицинская ассоциация».

— Ты чего такая заполошенная? — удивленно разглядывая меня, спросила Тамара Владимировна.

— Думала, что опаздываю, а я ужасно этого не люблю.

— Сколько тебя знаю, такого никогда не было.

— Все когда-то случается в первый раз, — печально напомнила я.

— Что-то случилось? — правильно истолковав мою интонацию, насторо-

жила Тамара Владимировна.

— Хочу уйти с контракта, — я виновато вздохнула. — Все, больше не могу.

— Ты же всегда дорабатывала до конца. Сколько по времени тебе осталось? — озабоченно спросила Тамара.

— Меньше двух месяцев.

— И что, совсем невмоготу?

Я кивнула.

— Устала безумно, боюсь не уследить за чем-нибудь или что-нибудь забыть, не могу в таком состоянии работать.

Тамара Владимировна знает меня давно, очень давно знает мою выдержку, умение найти нужный градус в отношениях со всеми — от родителей до дальних родственников ребенка. И уж если я попросила замену, значит, наступил предел моему терпению.

— Надо подумать, кого вам прислать. Обрисуй вкратце психологический портрет мамочки. Ее, кажется, Жанной Владимировной зовут? Или лучше давай сделаем так. Сейчас должна приехать Людмила Ивановна и вы вместе пойдете по картотеке и подберете кандидатуру, которая устроит всех — и папу, и маму, и малышку. Чтобы совпали, как пазлы, и больше не было никаких замен.

— Что же вы, малышку на последнее место поставили?

Тамара Владимировна невесело усмехнулась:

— Тебе-то не надо это объяснять?

Мне — не надо, я сама знаю, как бывает. Гувернантка — замечательная, с ребенком у нее отношения великолепные, малыш все усваивает, обучение идет успешно, но что-то не нравится маме, папе, или тете...

— Хорошо, подожду Людмилу Ивановну, — согласилась я. — Может, что и подберем. Людмила Ивановна — психолог, специалист высокого класса и добрейшей души человек.

— Я не настолько оптимистично настроена. Сейчас все хорошие гувернантки на контрактах, — протягивая мне кружку с горячим кофе, сообщила Тамара Владимировна. — Вот выпей и подумай, может, все-таки доработаешь эти два месяца, а я за это время точно подыщу вам подходящую кандидатуру.

Я взяла кружку и подошла к окну. Машину мою совсем не видно, спряталась крошка-енот за большими. Это сын придумал нашему автомобилю такое название и очень этим гордится.

— Да, кстати, сегодня приезжала одна мамочка, жена известного журналиста, заключила контракт на медицинское обслуживание и просила найти хорошую няню, — Тамара Владимировна, выделила голосом, слово «хорошую», — для своего малыша. Съездишь, посмотришь?

— Мамочку? — улыбнулась я. — Мне малыша увидеть бы, тогда я сказала бы — мой он или нет, а так... Съезжу, конечно. Когда ребенок должен родиться?

— Через два месяца, но она уже все договора заключила и все оплатила, и няне — неустойку по ожиданию. — Ты твердо решила уйти? — недоверчиво спросила Тамара Владимировна.

Я догадывалась, почему у нее возник такой вопрос. За время работы в этом агентстве у меня в подопечных было десять мальчишек и всего две девочки — Машенька и Мэри.

Машенька — девочка-былиночка, с огромными глазами и маленьким весом, изящная как дюймовочка — родилась недоношенной. Маме делали кесарево сечение. На момент выписки из родильного дома вес ребенка был чуть больше двух килограммов, но сосательный рефлекс чудо, как хорош — стограммовую бутылочку высасывала за пять минут. И терпеливой оказалась на удивление: если что не так, покряхтит, поворчит, но никогда не заплачет. К Мэри я тоже очень привязалась. Девочки — они другие, совершенно не похожие на мальчишек. Девочки — существа особенные, я убеждена, что обращаться с ними надо только ласково и нежно, тогда вырастет настоящая женщина.

— Не знаю, наверное, все-таки останусь, доработаю эти два месяца, а вы пока спокойно подберите мне замену, — сказала я Тамаре Владимировне. — Поеду, пожалуй, я сегодня не одна, с инструктором, поэтому и доехала так быстро, — добавила с улыбкой.

— Зачем тебе инструктор, ты права давно получила и едешь вполне прилично? — удивляется Тамара Владимировна. — Кофе выпьешь еще? — предложила она, зная мое трепетное отношение к этому напитку.

— Нет, поеду, спасибо, я и так задержалась. — Я вышла из кабинета раздосадованной. Мэри гувернантку не нашла, и Володю без толку продержала.

— Ничего у меня не получилось, — разочарованно пробормотала я, усаживаясь в машину.

— А что должно было получиться? — полюбопытствовал он.

— Через два месяца заканчивается мой контракт. Я хотела подобрать для Мэри гувернантку, но, к сожалению, никого не нашла, все хорошие при деле, а плохие из агентства сами сбегают туда, где требования помягче и проверка попроще, — со вздохом пояснила я.

— А как вообще можно проверить няню? — Володя удивленно поднял бровь.

— Все не так сложно, как кажется. В штате есть психолог. При поступлении с няней проводят тест — задают ряд вопросов, на первый взгляд совершенно бессмысленных, бестолковых. По ответам психолог делает заключение — подходит кандидат для работы вообще и конкретно в определенной семье или ему нужно подобрать другой вариант. Там много составляющих: психологическая совместимость, наличие скрытой агрессии, умело подавляемой человеком, комфортность в общении...

Володя недоуменно посмотрел на меня:

— Надо же как мудрено. Я и не думал, что выбрать няню такая головоломка.

— Да об этом мало кто думает. Чаще понаставят видеокамер по всей квартире, рассадят охранников по периметру жилищного пространства, а толку никакого! Потом еще по телевидению покажут страшилку, снятую такой камерой, и радуются своей проницательности, — проворчала я, плавно трогаясь с места. — Володя, как у вас со временем? Мне так неудобно, что я заставила вас долго ждать...

— Вы хотите от меня поскорее избавиться? У меня сложилось такое впечатление.

«Слава богу, по мне не заметно, что я готова ездить с ним хоть всю ночь, еще и день на радостях прихватывала бы», — подумала я, перестраиваясь в

другой ряд, но вслух произнесла:

— Напрасно вы так думаете, все совсем не так. Нам сейчас куда — налево или направо?

— Прямо, только прямо, никуда не сворачивая. А кто вам зеркала регулировал? — неожиданно поинтересовался Володя.

— Сама. Я все сама делаю: и зеркала регулирую, и бензин заправляю, если заправщиков нет поблизости, — бодро перечислила я навыки, которыми, как считала, овладела в совершенстве.

— Тогда берите вправо, потихоньку притормаживаем и останавливаемся. Я просил — притормаживаем, а не на скаку останавливаемся.

«Что это он вдруг стал таким придирчивым? — удивилась я. — Надо бы узнать, кто он по гороскопу. Правда, гороскопам я не очень доверяю, Глобу послушать, так у Дев бесконечные поездки за границу и сплошные любовные переживания. А я за десять лет лишь один раз в Египет выезжала и с любовными переживаниями тоже совсем не совпадает. Но то, что мужчины-Скорпионы — большое испытание для женщин-Дев — это абсолютно точно, мною было проверено, бывший муж — Скорпион.

Все-таки я, наконец, остановилась и с видом примерной ученицы усталилась на Володю.

— Зеркала надо отрегулировать, — деловито объявил он, выходя из машины.

«О, вошел в образ сурового наставника!» — подумала я и спросила:

— Мне выйти?

— Зачем же, сидите смирно, зеркала под вас регулировать буду, а то вы как царевна-лебедь шею все время выворачиваете.

Я молча сидела и улыбалась.

— Где тут у вас рычажки для регулировки кресла? — озадаченно спросил Володя.

— Один под правой коленкой, другой — сбоку слева, — прилежно перечислила я.

— Зачем же вот так коленями в руль упираться? — заметил Володя, отодвигая мое сиденье назад. — Для них есть более достойное применение.

«В кои веки надела юбку и не прогадала. Обратил-таки внимание на мои стройные ножки», — порадовалась я за себя.

— Так удобнее?

— Гораздо удобнее и даже спина почему-то перестала болеть, — призналась я, прислушиваясь к новым ощущениям.

— Окошко прикройте, а то в шею надует, — не выходя из образа заботливого наставника, посоветовал Володя.

Я с видом отличницы моментально выполнила все указания и посмотрела на него с ласковой грустью: на этом все или будут еще пожелания?

С отрегулированными зеркалами и со здоровой спиной мы доехали до Тверской и остановились.

— Есть хотите? — спросил Володя.

«Телепат он, что ли? — удивилась я. — Или по мне заметно, что я вконец оголодала?» Последний раз ела утром: кашу гречневую Мэри варила, получилось больше, чем она могла съесть, так не пропадать же хозяйскому добору, я и доела.

— Есть предложения?

Володя неожиданно предложил:

— Если вас не испугает ремонт в моей квартире, предлагаю поужинать у меня.

— Вы же не побоялись поехать со мной в качестве инструктора, ну и мы тоже не из пугливых, — отозвалась я и подумала: «Вот сейчас многое про него мне станет ясно. Домашняя обстановка обо всем может рассказать — и о привычках, и о характере, и в каком настроении человек пребывает большую часть времени. Дома ведь не надо играть, изображать из себя кого-то.

— А ехать далеко? — спросила я, пытаюсь скрыть неизвестно откуда взявшееся смущение. Ведь хотела увидеть его в домашнем интерьере — и вот, пожалуйста, есть такая возможность.

— Не очень, сейчас машин мало, поэтому доедем минут за пятнадцать, вы как, потерпите? Тем более у меня все уже приготовлено, надо будет только подогреть и накрыть на стол.

— Вы всегда такой предусмотрительный по части еды? — удивилась я.

— Почти всегда. Я вообще люблю готовить, что-то изобретать, творить на кухне, но сегодня, открою вам секрет, я приготовил все заранее, догадываясь, что вы освободитесь пораньше и мне удастся пригласить вас к себе.

— Это же я вам позвонила с просьбой о помощи, — напомнила я, пытаюсь указать на некоторые неточности в его изложении.

— Просто сегодня все так совпало. Не позвонили бы вы, я сам сегодня проявил бы активность, тем более что я так готовился, — улыбнулся Володя.

Прошло совсем немного времени, и мы добрались до места.

— Здесь направо и еще раз направо. Осторожнее, поберегите ваше транспортное средство, у нас тут яма на яме, я сам, как Иван Сусанин, потихонечку пробираюсь, чтобы подвеску не разбить.

Серые сумерки опускались на двор, окутывая туманной мгlistостью деревья, машины, людей, уставших за день от бесконечной московской беготни, от этого сумасшедшего темпа столичной жизни и теперь спешащих в тепло домашнего уюта.

«И что же тут можно понять?» — разочарованно подумала я, переступая порог квартиры.

— Я вас предупреждал, что у меня ремонт, — по-своему истолковал замешательство на моем лице Володя. — Но кухня и ванная уже полностью готовы, — добавил он с гордостью.

Мы прошли по длинному коридору, дверь в ванной была чуть приоткрыта, и я туда заглянула. Не напрашиваться же для этого в душ, чтобы посмотреть, что там и как.

— Вот. — Володя протянул мне гигантских размеров домашние тапочки в очаровательную крапинку. — Меньших нет.

«Значит, женских тапок в этой квартире нет, уже неплохо, — отметила я. — Но как шаркать в этих?»

— Полы с подогревом, и я их сегодня мыл, — нерешительно сообщил Володя, наблюдая за моим замешательством — сунуть ноги в тапки или так шлепать по теплomu полу? Я сбросила туфли, прошлась по гладкой поверхности. «Здорово как! Такой же пол закажу, когда ремонт буду делать», — решила я и пошла дальше. — Квартира огромная, кухня большая, дом старый, потолки

высокие, — отметила про себя я, усаживаясь за стол.

— Сейчас все будет готово. — Володя включил негромко музыку. — Отдыхайте пока. — Он заботливо подвинул мне чашку свежесваренного кофе.

Я разглядывала необычное сочетание лимонного и фиолетового цветов кухонной мебели, столик на тонких ножках со стеклянной столешницей прямоугольной формы, оригинальные напольные светильники... Все легкое, воздушное, без острых углов, и вызывает чувство покоя, надежности.

— Мы что, грибы будем есть? — спросила я, учуяв знакомый запах.

— Да! — Он от неожиданности выронил нож, которым пытался отрезать кусок ветчины. — А вы что, против?

— Да я-то как раз «за», только без хлеба и картошки, — попросила я, следя за тем, как он накладывал в мою тарелку картофельное пюре. А ведь есть еще салат и ветчина.

— Что, совсем не попробуете? — разочарованно протянул Володя. — А я так старался...

— Попробую, конечно, все попробую, только немного. — Наблюдая, с каким энтузиазмом он накрывает на стол и пытается меня накормить домашним ужином, я решила ни от чего не отказываться. Мне вдруг стало так тепло и уютно, что не захотелось никуда ехать, о чем-то думать. Вот так сидеть бы и смотреть, как он трогательно за мной ухаживает, как уверенно передвигается по кухне, что-то нарезаая, помешивая, раскладывая... При этом Володя что-то рассказывал, а мне было просто приятно слышать его голос, интонации, особо не вникая в смысл того, о чем он говорил.

— Вы не засыпаете? Нет? — Володя внимательно смотрел на меня, протягивая тарелку с грибами и картошкой.

— Просто вы действуете на меня как снотворное, — призналась я. — Мне давно не было так спокойно и хорошо от общения.

Володя присел рядом:

— Можно, я кое о чем спрошу?

— Спросите...

— У вас ведь был хороший муж, я уверен, что он и сейчас вас любит, я это чувствую, не знаю почему, но мне кажется, что это так. Почему же вы не вместе? Он вас чем-то сильно обидел и вы не можете его простить?

Я задумалась. Простить я давно мужу все простила — но его предательства, подлости, бесконечного вранья, наверное, никогда не смогу. Более того, позже я поняла, что он не мог быть другим — верным и преданным. Ну не дал ему Бог таких качеств, что тут поделаешь? Это ведь как талант, либо он есть, либо его совсем нет. Нельзя воспитать или научить человека не предавать, не подводить, не врать, он либо рождается с такими качествами, либо удачно их имитирует.

Не рассказывать же мужчине, который мне безумно нравится, от одного вида которого у меня все замирает внутри, как мне непросто пришлось в моем замужестве. Я вовсе не стремлюсь к лидерству, ценю в мужчинах ум и самобытность, но все так сложилось, что мне самой постоянно приходилось принимать решения, от которых зависело благополучие и достаток нашей семьи.

Я очень хотела бы быть и мягкой и пушистой, но когда живешь на съемной квартире и не знаешь, а сможешь ли ты заплатить за следующий месяц и хва-

тит ли у тебя денег, чтобы послать их родителям и сыну, то пушистость как-то постепенно превращается в броню, за которой проще прятать свою ранимость, усталость и неуверенность. А если еще ежедневно слышишь от мужа по любому, даже самому незначительному поводу вопросы вроде «А что нам делать?», то броня становится железобетонной плитой, которая давит, не давая свободно дышать и нет никакой возможности ее сбросить.

Я молча смотрела на Володю, в моем воображении проносились картинки прошлой жизни, оставляя лишь легкую горечь и грусть. Но как я смогу забыть обидные слова мужа: «Люди всю жизнь квартиры снимают, а ты уперлась, тебе надо купить свою, вот и ищачишь как негр на плантации. А я так не могу, я устал, поэтому ухожу»...

Но правду говорят, что время все лечит. Постепенно волну отчаяния сменило полное безразличие, прошедшая жизнь вдруг стала казаться чьим-то заблудшим воспоминанием...

А однажды вместе с весенним солнцем ко мне вернулась и уверенность, что жизнь прекрасна. Все в ней прекрасно, каждая мелочь. Я купила квартиру, привезла сына, стала заново по-своему строить нашу жизнь, ни от кого не завися.

Я медленно пила мой остывший кофе и думала, что, возможно, когда-нибудь все это расскажу Володе, только позже — не сейчас, это время еще не пришло. Но очень захотелось просто прижаться к его щеке, почувствовать себя легко и спокойно.

Володя тихонечко встал, словно опасался спугнуть громким стуком мои безмолвные размышления, подошел, нежно обнял за плечи и, коснувшись губами моих волос, чуть слышно прошептал:

— Маленькая моя...

Я замерла на мгновение и судорожно выдохнула.

— Не надо меня жалеть, у меня все хорошо.

— Я это знаю. Я знаю, что у тебя всегда все будет хорошо. Можно, я просто буду рядом, а ты меня позовешь, когда я буду нужен. Позовешь? — спросил он, целуя меня в макушку.

Я молча уткнулась ему в плечо и кивнула.

— Надо ехать, сын заждался, странно, что он еще не звонил, — медленно, словно еще не решив для себя, нужно ли это делать, отстранилась я от него.

— Останься, — прошептал он, не отпуская меня. — Останься... Я все время боюсь, что ты исчезнешь и мы больше никогда не увидимся. Боюсь, вдруг ты перестанешь звонить в «Вэлми», и у меня не будет повода тебя увидеть. Ты все время ускользаешь от меня. Почему? Я стараюсь не переходить ту грань, которую ты сама себе установила. Что мне сделать, чтобы ты мне поверила, перестала меня бояться?

Я удивленно подняла глаза.

— С чего вы взяли, что я кого-то боюсь?

«Опять эта граница, — прочитала я в его разочарованном взгляде. — Это я не подумавши брякнул, извините».

— Телефон ваш звонит, по-моему, — вскочил Володя и принес мне сумку, забытую в коридоре.

«Так поздно, кто это может быть?» — с недоумением всмотрелась я.

— Да, слушаю вас внимательно, Сергей Николаевич, конечно, я узнала го-

лос. Это доктор, который Мэри лечил, — тихонько объяснила я Володе, заметив его нахмуренный лоб. «Так он еще и ревнивец, — сделала я неутешительный вывод. — Нет, надо срочно выяснить, кто Володя по гороскопу».

— Я с предложением, — сказал Сергей Николаевич. — В отделении хирургии освободилась вакансия медицинской сестры, хочу предложить это место вам. Мне показалось, что вы соскучились по своей работе. Я понимаю, — торопливо заговорил он, — что у вас большая нагрузка, вы устаете, но обязательно брать ставку, возьмите несколько ночных дежурств. Так и стаж будет идти, и навыки свои не утратите. Хирургия — это же ваш профиль?

Я слушала его и думала, как же забавно сводит людей судьба и какой причудливый узор может получиться от случайного знакомства или короткого незначительного разговора. Как мог Сергей Николаевич, увидев меня всего два раза и поговорив менее получаса, почувствовать мою тоску по настоящей работе, по той атмосфере, которая бывает только в стационаре, когда ты чувствуешь себя членом единой команды и осознаешь, что от твоего умения, навыков и профессионализма тоже все зависит?

— Спасибо вам за это предложение, но, думаю, это невозможно.

— Почему? — спросил разочарованно Сергей Николаевич. — Я думал, вам будет интересно, да и подустали вы без настоящей работы...

— Дело даже не в моем желании, дело все в том, что последняя запись в моей трудовой книжке была сделана десять лет назад, а следовательно, я не проходила никакой аттестации и на сегодняшний момент у меня нет сестринской категории. Я не уверена, что меня примут на работу с таким документом.

— А если я все улажу и с трудовой, и с аттестацией?.. Это единственная причина или есть что-то еще?

— Больше нет, — обрадовалась я. Неужели он сможет мне помочь, этот милый доктор?

— Тогда я завтра вам позвоню и скажу, куда вам надо подъехать.

— До завтра! — Попрощавшись, я отключила телефон.

— Вас что-то очень обрадовало и, по-моему, это было какое-то предложение по работе? — поинтересовался Володя. Настороженность из его голоса ушла, но какие-то сомнения, видимо, остались, и он решил все прояснить. Что ж, похвальная черта, отличительно скорпионья.

— Володя, когда у вас день рождения? — задала я вопрос, беспокоивший меня весь вечер.

— Тридцатого октября, — медленно протянул он. — А что? Вас что-то смущает, — углядев легкую панику на моем лице.

«А двадцать девятого у моего бывшего мужа, — обреченно подумала я. — Да что ж мне так не везет? Что, кроме Скорпионов, никаких знаков больше нет?»

— Хорошее число и месяц замечательный, осенний. У меня тоже — осенний, сентябрь, — проговорила я ничего не значащие слова, стараясь выбросить из головы всю эту дурь насчет знаков Зодиака.

Всю дорогу до Тверской я пребывала в рассеянной задумчивости. Володя даже несколько раз переспросил, все ли со мной в порядке. Наконец озабоченно предложил:

— Может, мне сесть за руль? Вас что-то сильно расстроило, и я никак не пойму, что именно. Я позволил себе что-то лишнее? — неуверенно предположил он.

Это он про тот невинный поцелуй в макушку, что ли?

— Володя, вы самый чудесный, самый милый и самый лучший инструктор, — улыбнулась я ему. — Просто я очень скучала по моей специальности, а тут появился малюсенький шанс поработать в хирургии, вспомнить все, что я когда-то знала и умела, но вот не уверена, что меня возьмут.

— И вас это так расстраивает? Почему? Зарплата же там маленькая, а нагрузка, как я понимаю, существенная. Из-за чего же такие душевные терзания? — спросил Володя с удивлением.

— Я вам потом как-нибудь расскажу, это долгая история моей давней любви. А мы уже приехали.

Володя пересел в свою машину, оставленную на Тверской. Отъезжая, я приоткрыла окно и сказала:

— Спасибо, грибы и пюре были просто великолепные. Как-нибудь специально для вас сварю грибной суп и приглашу... — Я запнулась. Если суп, то подразумевается обед или ужин? Договорила: — На суп. — Так и не определилась, придется это делать днем или вечером?

— Сын, хочу пойти работать в больницу, — едва войдя в квартиру, обрушила я на Димку радостную весть.

Он насмешливо посмотрел на меня:

— Мам, ты сошла с ума?

— Дима, сто раз тебе говорила и еще повторю: я тебе не подружка, так что будь любезен, подбирай выражения.

— Какая больница? Какие ночные дежурства? — возмутился сын. — Ты на себя посмотри, тебя уже качает, а ты еще себе работу нашла. Ну мы что, последний кусок доедаем? Давай лучше я работать пойду, — предложил он.

— Сын, дело вовсе не в куске хлеба, — начала я просветительскую беседу. — Во-первых, у меня сейчас не идет стаж, а это плохо, будут проблемы с пенсией, во-вторых, я всегда любила мою работу, и ты знаешь, почему мне пришлось уйти. Надо было зарабатывать на квартиру, а получая зарплату медсестры, мы и до твоей пенсии ее не купили бы. И последнее, я же не на ставку иду работать, возьму только несколько дежурств, просто, чтобы стаж шел и навыки не терялись.

И вообще, я все еще не уверена, что из этой затеи может что-нибудь получиться. Кому я нужна, без категории, без аттестации? Это же государственное учреждение, а не частная лавочка. — Я разочарованно вздохнула, оценивая незначительные шансы на мое трудоустройство. Пожалуй, даже Жанне Владимировне пока ничего говорить не стану, вдруг ничего не выйдет?

На следующий день позвонил Сергей Николаевич и сообщил, куда мне надо подъехать, чтобы меня приняли с распростертыми объятиями, а не пнули, как приبلудного щенка.

Быстренько сложила в сумку документы: трудовую, диплом об образовании, даже паспорт не забыла. Сложила в пакет халат, подкрасила губы и вперед, на стоянку за машиной.

Моя машина почему-то оказалась грязной, странно, мыла ее недавно и дождя вроде не было. Значит, надо успеть на мойку, ненавижу ездить на грязной. Вид невымытой машины вызывает у меня стойкое раздражение, особенно

когда за рулем восседает женщина, да еще покрашенная так, будто макияж лопатой наносила. Есть такие особы, любят, чтобы поярче и видно за три версты. На мое счастье машин на мойке не было, я за пятнадцать минут привела ее в надлежащий вид. Мойщики постарались, и от усердия натерли ее воском, отрабатывая свои чаевые, на которые я никогда не скуплюсь.

В общем, успела, не опоздала. В отделе кадров сидела совсем юная девушка, по возрасту чуть старше моего сына.

— Проходите, вы Климова? — приветливо уточнила она. — Посмотрим, что у вас за проблемы, мне звонили насчет вас, просили побыстрее все оформить.

Я молча протянула все документы, в полной уверенности, что навряд ли вопрос моего трудоустройства решится положительно.

— Да... — многозначительно протянула она. — Вы что же, десять лет нигде не работали?

— Работала, только по контракту или по трудовому соглашению, — пояснила я.

— Я сейчас позвоню, узнаю, что можно сделать, — отозвалась неуверенным голосом девушка, видимо, озадаченная моей проблемой. — Подождите немного, я сейчас все выясню.

Пока она торопливо нажимала кнопки телефона, пытаюсь кому-то дозвониться, я вышла в коридор.

«Подумаешь, не возьмут, зато времени свободного больше будет», — уговаривала я себя, тревожно прислушиваясь к разговору за неплотно прикрытой дверью.

— Зайдите, пожалуйста, — услышала наконец и нерешительно двинулась в сторону кабинета.

— Ну что, мне можно идти домой? — спросила, открывая дверь.

— Почему? Все в порядке, мне велели вас быстро оформить. Вот только зарплата у вас будет совсем маленькая, — она покосилась на мой костюм от «Кашарель», купленный со значительной скидкой, не за три рубля, конечно, но свои деньги он полностью отрабатывает. Ей понятно, что я не из-за зарплаты устраиваюсь на такую малооплачиваемую работу, а по каким-то своим, неизвестным ей соображениям.

— Вас что, муж бросил? — решила она все-таки уяснить для себя, зачем мне это трудоустройство.

— Да, шесть лет назад, — усмехнувшись, подтвердила я.

— А тогда зачем, — она перевела удивленный взгляд с костюма на кольцо, подаренное Жанной и Майклом, — вам такая работа? Вы, похоже, не бедствуете...

— Милая девушка, — постаралась я избавить ее от иллюзий на мой счет, — у вас сложилось неверное представление обо мне, о роде моей деятельности.

Она слегка покраснела, но взгляда не отвела.

— Я не сижу дома, а работаю няней.

Она недоверчиво переспросила:

— Кем?

— Няней, — повторила я по слогам. — Но у меня не идет трудовой стаж, и меня это беспокоит.

— А, понятно, — легкомысленно кивнула девушка, глянув на меня с еще большим недоверием: пришла какая-то тетка, хорошо одета, в бриллиантах, а

лопочет про какой-то стаж. И на кой он ей сдался, если она так хорошо зарабатывает, что ездит на машине и носит костюм по цене, превышающей трехмесячную зарплату медсестры, — явно читалось в цепких голубеньких глазках.

— Вас просил зайти заведующий отделением, — вспомнила она, когда я уже собралась покинуть кабинет.

— Хорошо, зайду, — пообещала я.

— Хирургическое отделение на третьем этаже? — решила я уточнить, проходя через приемное отделение.

— На третьем, — грозно сдвинув брови, подтвердила бабулька — божий одуванчик, санитарка приемного отделения. — Без халата не пущу.

Я дружелюбно улыбнулась, достала из пакета халат, набросила его на плечи.

— Чего лыбисся-то? — раздраженно спросила бабулька, рассматривая меня рентгеновским взглядом с головы до ног. — Тебе там чево надо-то? Навестить кого пришла? — решила она уточнить цель моего визита.

— На работу устраиваться иду, — с улыбкой романтической дурочки поведала я.

— Ра-бо-т-ни-ца, — насмешливо проговорила дежурная. — Ты доктор, что ли? — Она вдруг приосанилась. — Тык у нас все докторские ставки заняты, — и огорчила меня своей осведомленностью больничными делами.

— Медсестрой в хирургию.

— А, ну да, там вроде ставка есть свободная. Бахилы-то надень, вон там возьми, — и жестом, достойным царицы, указала мне нужное направление.

«Пожалуй, ничего не меняется в этой жизни, — подумала я. — Все те же обшарпанные стены и дотошно бдительные старушки, принимающие больничную жизнь как свою собственную и так же активно в ней участвующие». Я медленно поднималась на третий этаж вся в печальных думах: «А вдруг все забыла, а вдруг не справлюсь? Человек за меня поручился, порекомендовал, а я подведу...»

«Так, не паникуй, что ты могла забыть? Как уколы делать или как капельницы заряжать? Или от волнения все буквы забыла и не сможешь проверить листы назначения? Забыла — вспомнишь или спросишь, корона, чай, не свалится, ну не справишься, уйдешь», — мысленно поругала я себя, замявшись перед дверью, не решаясь ее открыть.

Затем застегнула халат, пригладила волосы — я ношу гладкие прически, локоны-кудряшки не мой стиль — выдохнула и решительно толкнула дверь в коридор третьего отделения.

Мужчина в больничной пижаме посмотрел на меня с любопытством.

— Не подскажите, где кабинет заведующего отделением? — спросила я.

— Подскажу, — он улыбнулся и пропел медовым голосом, — прямо, до упора, потом направо, последняя дверь.

Я кивнула, давая тем самым понять, что маршрут уяснила, а вот общаться с местным Казановой просто нет времени.

В любом отделении почти всегда присутствует такой красавец-плейбой — угроза всему сестринскому персоналу и ходячим больным женского пола в возрасте от восемнадцати и до бесконечности.

Неспешным шагом прошла по коридору, читая полузабытые надписи на дверях: «Процедурный кабинет», «Перевязочная», «Порошковая». В чистой пе-

ревязочной горел синий свет, шла кварцевая обработка кабинета. Понятно, утренние процедуры закончены, сестрички готовятся к вечерним.

Я вдохнула этот резкий запах кварца, хлорамина и вспомнила, как во время одного из моих дежурств привезли молодого парнишку, официанта с прободной язвой желудка.

Для двадцатилетнего парня такой диагноз был необычен, но прободение было, и было внутреннее кровотечение, а значит, нужно подключить систему переливания крови.

Вены были тоненькие, то есть их практически совсем не было видно, это сейчас есть и бабочки и внутривенные катетеры, раньше ведь такого великолепия не было — только умелые руки да острые иглы. Иголка для внутривенного введения острая, но очень широкая, чтобы кровь при переливании не сворачивалась, ею и в простую вену попасть не просто, а уж в эти ниточки цыплячьи тем более. Потеря крови у парня оказалась на тот момент большая, его стали готовить к операции, но систему для переливания должна была подключать я. Затянула на его руке жгут потуже, попросила:

— Кулачком, поработай, — это чтобы наполнение вены было побольше.

И с первого раза получилось! Ведь не проколола эти тонюсенькие вены. Парень даже не поморщился, а только сказал:

— Надо же, ничего не почувствовал.

Потом все познакомиться поближе хотел, говорил:

— Мне нужна жена с такими нежными ручками.

Увлеченная воспоминаниями, я остановилась перед дверью с надписью «Заведующий отделением». Она была плотно прикрыта, но слышались громкие голоса — кто-то возбуждений доказывал свою правоту, не стесняясь при этом в выражениях.

Я тихонько постучалась.

— Да-да, войдите!

Спор прекратился, за дверью наступила тишина, и я вошла в кабинет. Возле стола стоял пожилой мужчина, держа в руке телефонную трубку. Он резко швырнул ее на рычаг и вопросительно посмотрел на меня.

— Я Климова, насчет работы...

— Да, и что же вас в ней привлекает, зарплата маленькая, нагрузка большая? А — вдруг вспомнил мужчина, — это о вас говорил Сергей?

— Сергей Николаевич? — уточнила я на всякий случай.

— Да, Сергей Николаевич. У вас какие-то проблемы со стажем, я не очень вникал.

— Ну, в общем, да.

— Интересное кино. — Мужчина с улыбкой посмотрел на меня. — Никогда мой сын ни за кого не просил. Чем же вы его очаровали?

— На чаровницу я мало похожа, наверное, он просто решил помочь маленькой женщине с большими проблемами.

Вот это да! Устроил меня на работу к своему отцу и даже не предупредил.

— Давайте знакомиться. Циринов Юрий Никанорович, — церемонно представился мужчина, протягивая мне руку.

— Климова Людмила Валентиновна, — сжала я протянутую руку и для убедительности ее тряхнула.

— Не слабое пожатие для маленькой женщины, — удивился он и спро-

сил: — Где вы работали?

— В основном, ваш профиль — хирургический, но и в других местах тоже работала, — ответила я, соображая, сейчас про изолятор сказать или на потом оставить.

— А сейчас где работаете? Сергей говорил, что не в медицине?

— Да почти рядом, — улыбнулась я. — Няней, с грудничками.

— Такие сейчас няни? — недоверчиво переспросил он. — Вы совсем не похожи на няню.

— Если вы об Арине Родионовне, то да, я — не старушка с кружкой, совсем не пушкинская героиня.

Я смотрела на Юрия Никаноровича и недоумевала: почему с первого взгляда он показался мне пожилым? Ведь вовсе не старый. И Сергей Николаевич на него не похож, и отчество у него другое, а назвал его сыном... Внешность обманчива, а вот глаза не лгут. На меня смотрели глаза совсем нестарого, только очень усталого мужчины.

— Пойдемте, я познакомлю вас с нашей старшей сестрой, она поставит вас в график дежурств. Когда вы планируете выйти? Если я правильно понял, то вас интересуют только выходные дни, а по будням — работа няни. Так?

— Так, — подтвердила я, совсем не уверенная в том, что старшая придет в восторг, подстраивая под меня график дежурств.

Мы прошли по длинному больничному коридору. Юрий Никанорович с кем-то здоровался, кому-то попенял за ночное отсутствие, сестричке сделал суровое внушение:

— Шапочку надень, а то ходишь как растрепа.

Сестричка покраснела, метнула на меня напряженный взгляд и принялась одной рукой натягивать шапочку, а другой заправлять под нее длинные пряди.

— Вот, знакомьтесь, — это наша старшая медсестра Надежда Ивановна, а это наш новый сотрудник, Климова Людмила Валентиновна.

Надежда Ивановна оказалась суровой женщиной, далеко перешагнувшей за пенсионный возраст, с жестким взглядом и твердым рукопожатием.

— Она вам все сама покажет и расскажет, где тут что, — сказал Юрий Никанорович, перепоручая меня Надежде Ивановне. — В график можно ставить с этой субботы, дежурства должны быть проставлены только на выходные.

Надежда Ивановна, услышав это пожелание, удивленно подняла бровь. «Из-за этой мамзели переделывать график?» — так явно читалось на ее лице, что я совсем отчаялась.

— Пойдемте, я вам покажу, где у нас перевязочная, процедурная, где хранятся истории болезней, — предложила она.

Пока мы бродили с ней по больничному коридору, заглядывая в кабинеты, больные с любопытством на нас поглядывали.

Надежду Ивановну утомило всеобщее внимание, и она предложила:

— Пойдемте-ка ко мне в кабинет, там и поговорим. Все необходимое я показала, а остальное в процессе работы поймете сами или сестрички подскажут.

Я подробно рассказала ей о себе, о том, где я раньше работала, что умела, поведала и про изолятор. Она не удивилась или просто вида не показала, только спросила:

— А сейчас где работаешь?

— Няней в богатой семье, — произнесла я голосом бедной родственницы.

Надежда Ивановна засмеялась, покосилась на мой костюм, взглянула с интересом на сумку и мне стало понятно, что мои сиротские интонации ее не обманули.

— Ты к нам из-за стажа, что ли?

— И из-за него тоже, — перестав изображать из себя бедную Лизу, призналась я. — Сейчас заканчивается мой контракт в одной семье, есть разные предложения, но еще я и сама не знаю, где буду работать. Только два выходных — суббота и воскресенье у меня точно есть, поэтому я к вам и устраиваюсь. У меня сын-подросток. Его одеть, обуть, накормить надо, да за английский и за другие занятия заплатить. На все это нужны деньги. Так что работать няней я по-прежнему буду, а вот как долго — пока не знаю.

— Ты одна? Без мужа?

Я кивнула:

— Да, развелись шесть лет назад. Бывший муж, конечно, помогает, но, к сожалению, он не банкир, а водитель маршрутного такси, со всеми вытекающими отсюда финансовыми возможностями. Деньги небольшие, но и за них спасибо.

— И хорошо, что не банкир, тогда ты вообще никаких денег не увидела бы, — вдруг заявила Надежда Ивановна.

Я недоуменно уставилась на нее.

— Ты что, думаешь, одна такая? Ты-то хоть деньги приличные зарабатываешь, и таксист твой копейку подкидывает, а вот Надежда, медсестра наша, десять лет за банкиром прожила, так он ее пнул и ни копейки не дает. Вот она и вспомнила про свой сестринский диплом и на четвертом десятке осваивает специальность медсестры за копеечную зарплату.

Я понимающе кивнула. По-разному людские судьбы складываются. Только как можно десять лет просидеть дома, ничем не занимаясь? Этого мне не понять. Я от тоски на второй день взвыла бы.

— Так, я тебя ставлю в график с субботы. Сама тоже приду, подстрахую, если что, — сказала Надежда Ивановна.

Я с благодарностью посмотрела на нее, хорошо понимая, что значит переделать и подстроить весь график дежурств под одного человека, да так, чтоб и другие при этом не пострадали. Такое возможно только при большом уважении к моему благодетелю — Юрию Никаноровичу.

Выходя из кабинета Надежды Ивановны, я опять столкнулась с местным Казановой, он все время пасса где-то неподалеку и с любопытством поглядывал на меня.

— А я вас вспомнил, — вдруг сказал он. — Вы часто заказываете такси в нашей конторе, я вас отвозил несколько раз. Все утро брожу и думаю: откуда лицо такое знакомое, где я мог вас раньше видеть? Вы что, будете здесь работать?

— Возможно, — ответила я, не углубляясь в подробности моих планов.

— Жалко! — произнес он с разочарованием.

Я недоуменно уставилась на него, с чего бы это ему меня жалеть?

— Жалко, что меня завтра выписывают и я вас больше не увижу!

— Ничего, — успокоила я его. — Я такси действительно часто заказываю, так что есть еще вероятность встретиться.

— Такси, это не то, — произнес он с глубокомысленным видом философа. — Там вы клиентка.

— Тогда отложим до следующего раза.

— До какого следующего? — приободрился он.

— Когда вы опять заболаете и попадете в хирургию.

Он весело рассмеялся и отошел.

Я торопливо шла по больничному коридору, прикидывая, как мне сказать Жанне Владимировне о моих трудовых планах и размышляя о том, как эти планы могут отразиться на общем настроении семьи.

— Сын, я в субботу иду на новую работу, — сказала я, открывая дверь своей квартиры.

— Ты без работы сроду не сидела! Поясняй для особо одаренных, что еще на одну, стахановка ты наша.

— Так, завязывай матери хамить, а то схлопочешь, — ласково потрепала его по голове.

— Мамуль, давай так договоримся: если устанешь, сразу бросишь всю эту канитель с больницей, — предложил Димка, заботливо освобождая меня от пакетов с продуктами. — Почему ты не позвонила, что заедешь в «Метро» за едой? Опять все на себе тащила?

— Не ворчи, я думала, что ты на занятиях по английскому языку. Да, кстати, почему ты дома? — удивилась я. — Разве сегодня не среда?

— Среда. — Он замялся и посмотрел на меня виновато. — Я решил, что буду сам заниматься.

— Хорошо, что ты так решил, а занятия при чем? Ты что, не хочешь заниматься дополнительно?

— Это же дорого, каждый урок — пятьсот рублей. Наверное, мы не можем сейчас себе этого позволить, — пояснил сын виноватым голосом.

— Сами занятия тебе нравятся? Тебе интересно?

— Да, очень.

— Тогда тема закрыта, на занятия английским я как-нибудь заработаю, — сказала я, выгружая из пакетов продукты.

Димка заулыбался, стал мне помогать.

— Принеси мне, пожалуйста, телефонную трубку. Хочу позвонить Сергею Николаевичу и поблагодарить его за хлопоты, — устало присаживаясь за стол, попросила я сына.

— Сергей Николаевич, спасибо вам большое за участие, — сказала я, услышав приветливое «Да, я вас слушаю». — У вас замечательный отец, я сегодня с ним познакомилась. А почему вы меня не предупредили, что заведующий отделением ваш отец?

— Он не отец, отчим, но для меня больше чем отец.

Повисла небольшая пауза.

— Как вас там приняли? Проблем не было? — спросил наконец Сергей Николаевич.

— Все решилось быстро, и в субботу у меня первое дежурство.

— Тогда поздравляю вас.

— Спасибо!

— Я позвоню в субботу в отделение. Вы не против?

— Буду рада вас услышать.

Я положила трубку и задумалась: зачем ему эта морока с моей работой? Наверное, мне просто везет на хороших людей. А мне действительно везет в жизни: на интересные встречи, на умных и приятных людей, на события, резко меняющие мою жизнь в хорошую сторону.

— Забудь про свои горячие бутерброды и желательно навсегда! — суровым голосом прикрикнула я на сына, наблюдая за тем, как он пытается пристроить кусок хлеба с колбасой в микроволновку. — Сейчас приготовлю нормальный ужин и будем есть.

— Я столько не выдержу, — засмеялся Димка. — Если ты сказала ужин, то как раз к завтраку успеешь, а я сейчас есть хочу.

Он знает мою стойкую нелюбовь к кухне, ко всему, что связано с приготовлением еды, и относится к этому с пониманием.

— Может, поедем куда-нибудь поедим? — заговорщически предложил он. — Ну чего тебе возле плиты стоять?

— Не сегодня, ладно? Я уже так наездила, что лучше у плиты постою, порадую тебя домашней едой.

— Тогда грибной суп, — тут же решил сын и уселся за стол. — Я уроки тут делать буду, ладно? Не помешаю тебе? — перетаскивая тетради с задачками на кухню, спросил он.

— Ладно, сиди здесь. Тебе еще много осталось? — поинтересовалась я в надежде, что чистку картошки можно поручить ему. У него это и быстрее и лучше выходит.

— Немного, минут на тридцать, — задумчиво произносит сын, что-то записывая и переставая обращать на меня внимание.

Я вскипятила воду, нарезала грибы, почистила лук, поставила сковородку на плиту, чтобы разогреть масло.

— А ты сказала Жанне Владимировне, что устраиваешься на работу? — поинтересовался сын, закрывая учебник.

— Еще нет, завтра скажу, — помешивая на сковородке лук, ответила я.

— Представляю, что будет!

— Не преувеличивай значимость моей персоны, — с усмешкой отозвалась я. — Картошку надо бы почистить, — глядя на сына, предложила я без всякого перехода.

— Лук тоже?

— Нет, лук я уже сама почистила, твоя задача — картошка.

— Умеете вы, маманя, озадачивать! — высказал ребенок, принимаясь чистить картофель.

Мы поужинали, обсудили рост цен на бензин, пытаюсь подсчитать, насколько это быстро облегчит наш кошелек. Димка все время сбивался, пытаюсь вычислить процентное соотношение цен и моего заработка.

— Надо или больше зарабатывать, или меньше покупать, — вынес он такое решение после подсчитывания всех составляющих моей зарплаты.

— Хорошо, чтобы ездить на машине — будем меньше есть и больше зарабатывать, — согласилась я, укладываясь спать.

Ранним утром меня разбудил телефонный звонок. Машинально взглянула на часы. Пять утра: «Кому же не спится в такую рань», — ругнулась я про себя.

— Да, Жанна Владимировна, я вас внимательно слушаю.

— Людмила, Майкл сделал мне предложение. Он купил виллу в Италии, и вы должны с нами туда поехать на все лето, — на одном дыхании проговорила Жанна.

— И все эти события произошли в пять утра? — не поверила я услышанному.

— Нет, вчера, но вас же не было, вы же взяли выходной, — раздраженно напомнила мне Жанна. И повторила: — Вы должны поехать с нами в Италию.

Ну вот, и никакие политесы не понадобятся. Мой контракт заканчивается меньше чем через два месяца, а в Италию семья улетит на все лето и лучшее, что можно придумать в данной ситуации, — это найти для Мэри хорошую гувернантку и именно ее взять с собой на отдых.

— Жанна Владимировна, я сегодня приеду, и мы все обсудим. — Что толку ей сейчас напоминать, что по условиям нашего соглашения я не обязана никуда ни вылетать, ни выезжать. Особенно вылетать.

— Да наплюйте вы на ваш контракт! Я заплачу сколько вы скажете.

— Жанна Владимировна, давайте все обсуждения оставим до моего приезда, — попросила я, надеясь еще немного поспать.

— Почему вы не хотите поехать с нами? Там такая природа, море, вы же никогда не были в Италии, — недоумевала Жанна, перечисляя прелести заграничной жизни, как только я вошла в квартиру.

— Да, нигде не была, — согласилась я с ней, — кроме как в Германии и в Египте. Но в Германии я работала и в Египте тоже работала с Мэри. А отдыхать люблю на Волге, там мне климат ближе и речь понятнее.

— Ну вам что, деньги не нужны?

— Жанна Владимировна, все, что я заработаю в Италии, я без труда смогу заработать и в Москве. Для этого мне не обязательно куда-то ехать, — терпеливо напомнила я ей. Беда с нашей мамой: тут она помнит, там — забыла.

— Людмила, вы просто невозможны! — рассердилась она. — Вам предлагают поехать в Италию за наш счет отдохнуть, а вы капризничаете!

— Отдохнуть? — видимо, удивление в моем голосе прозвучало настолько искренне, что Жанна на мгновение замерла. — Вы действительно считаете, что суточная работа в чужой стране с чужим ребенком, за жизнь и здоровье которого я отвечаю головой, — это отдых? В Египте у меня за восемь дней было всего семь часов свободного времени, когда Майкл забирал Мэри на прогулку. Я люблю Мэри, люблю ее как няня, — пояснила я, заметив ревнивый взгляд, брошенный в мою сторону. — Понимаю ее, занимаюсь ее физическим развитием, но поймите и вы, это все моя работа, — проговорила я медленно, почти по слогам. — А если захочу отдохнуть в Италии и что-то там посмотреть, то поеду туда за свой счет, могу себе это позволить, — не сдержалась я.

Есть семьи, которые берут няню за границу и преподносят это как высшее благодеяние, как дар небес. Еще и на зарплате пытаются сэкономить. «Ну вы же за наш счет едете, зачем вам деньги?» — искренне недоумевают такие благодетели. Правда, есть и няни, которые тоже так считают:

— Ой, взяли бы меня за границу — в Египет или на Мальдивы, не суть важно, отдохну!

Такие восторги лишь до первой поездки. От суточной работы накапливается жуткая усталость и раздражение. А я не хочу, чтобы малыш, с которым работаю, видел меня такой. Период акклиматизации и адаптации в чужой стра-

не — все влияет на состояние здоровья ребенка, ведь даже вода, которую он там пьет — другая и к ней тоже надо привыкнуть. Такой отдых мне даром не нужен, попыталась я объяснить мое нежелание «отдыхать» за чужой счет.

— Так что же, вам билет не заказывать? — уточнила Жанна.

— Не заказывать, — подтвердила я, собирая Мэри в бассейн. — Разминку и гимнастику? — спросила юную спортсменку, складывая купальные принадлежности в рюкзак.

— Минку и атику, — согласилась она, еще не выговаривая слова, но стараясь это сделать.

— Жанна, у меня есть еще тема для разговора с вами. Когда лучше поговорить — сейчас или вечером?

— Что там у вас еще? — отозвалась она недовольным голосом.

— По условиям контракта, — начала я со слов, набивших всем оскомину, — у меня девятичасовой рабочий день.

— Контракт, контракт, да сколько можно это слышать?! — вскипела Жанна. — Какие все стали деловые — и домработницы, и няни! Мне иногда кажется, что это не я вас наняла, а вы меня!

— Жанна Владимировна, — продолжила я ровным голосом. — В выходные на меня не рассчитывайте. Я устроилась в больницу медсестрой.

Может, я и не гигант мысли, но по терпению — точно чемпион.

— В частную клинику? — заинтересованно спросила Жанна.

— Нет, в обычную районную, — разочаровала я ее.

— За копейки, — презрительно морщила она нос. — Зачем вам это нужно?

— Работать в хирургии интересно и не мне это объяснять вам — врачу. И потом стаж медицинский, о пенсии надо думать.

— Вам надо найти богатого иностранца, — с энтузиазмом первооткрывателя заявила Жанна.

— Но ведь принцев мало, на всех не хватает, — усмехнулась я. — Не всем же так везет.

— Тут дело вовсе не в везении. Вы на самом деле дура или просто прикидываетесь? Вам пропуск в «Мариотт» зачем сделали? Да и в Италии будет шанс присмотреть себе что-нибудь приличное.

— Значит, вы с Майклом озабочены устройством моей личной жизни?

— Почему не помочь хорошему человеку? — искренне удивилась она. — А ваша идея с больницей — глупость несусветная. Кого там можно найти? Если только какого-нибудь калеку.

— Калеки в травматологии, — засмеялась я. — Жанна Владимировна, благими намерениями дорога в ад вымощена, — напомнила ей библейскую мудрость, наконец-то застегнув рюкзак с нашей экипировкой.

Все в порядке. Жанна — барышня конструктивная и прагматичная, несмотря на всю ее романтическую внешность. Завтра, а возможно, уже и сегодня начнет обзванивать агентства и просматривать кандидатов в гувернантки для Мэри. Но пока она вдруг заговорила о другом:

— Сегодня у нас прием по случаю помолвки. Жаль, что Татьяна приболела, придется все самой, — скорбно вздохнула Жанна, зная мою стойкую нелюбовь ко всякого рода приготовлениям и прохладное отношение к кухне. Еще раз тяжело вздохнула и подошла к холодильнику.

— Может, в ресторане закажете, — предложила я универсальный вариант,

в слабой надежде, что мне не придется помогать.

— Да вы что! Они в ресторане каждый день едят! А как же таинственная русская душа и хлебосольное гостеприимство? — напомнила она мне. — Тем более что будет сам посол. Так Майкл сказал.

— Так послы, им дай хоть яд, на халяву все съедят!

Жанна хихикнула и принялась проводить ревизию холодильника.

Мы с Мэри унеслись в бассейн, оставив ее за приготовлением званого ужина.

— Совершенно никому ничего нельзя поручить, — заявила Жанна, когда мы вернулись.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Попросила Таню по-человечески: «Выбросите из холодильника все ненужное», — продолжала она. — Нет, все на месте. А того, что нужно, не найдешь. — Жанна металась по кухне в поисках оливкового масла. — Я хочу приготовить бифштекс «Фести», он так назван в честь какого-то художника.

— Бифштекс и художник — какое-то сомнительное сочетание, — отозвалась я, докармливая Мэри овощным пюре.

Домработница Татьяна выбросила залежавшиеся продукты без четкого на то указания и долго потом об этом жалела. Жанна привезла сыр из Италии, а там он чем дороже, тем сильнее пахнет, нюхать можно только в противогазе. Ну а Татьяна все упростила: коли воняет — испортился, на помойку его. Жаннины стенания по поводу сыра продолжались до тех пор, пока Майкл всерьез не пообещал слетать в Италию и привезти точно такой же. Танюшка с тех пор больше ничего самостоятельно не выбрасывает. Холодильник у Жанны с Майклом большой, самой известной фирмы и жутко дорогущий. Так домработница даже старается не дышать в его сторону лишней раз, чтобы, не дай бог, не сломать или не испортить.

Уложив Мэри спать, я пошла на кухню, в надежде съесть чего-нибудь или выпить кофе.

Жанна готовила бифштекс имени художника Арпада Фести: нарезала огромные ломти мяса, посыпала их от души приправой, залила это оливковым маслом и запихнула в холодильник.

— Так, мне нужна ваша помощь, — выставляя из холодильника овощи, объявила она. — Возьмите головку и разденьте ее.

— Что сделать? — не поняла я.

— Разденьте!

— Кого? — опять переспросила я, тщетно пытаюсь понять, что от меня требуется.

— От вас на кухне никакого толку, — с досадой буркнула Жанна.

— Полностью с вами согласна, мое дело — с детьми заниматься, а не головки какие-то раздевать.

Жанна, давась от хохота, одной рукой пыталась скрепить куски мяса, из которых попеременно вываливались то шпик, то лук, другой обжаривала на сковороде белую булку, непонятно для каких целей. Наконец со слезой в голосе попросила:

— Овощи почистите, пожалуйста.

Все оказалось намного проще, чем я себе вообразила. Раздеть это не резать, а отделить перья зеленого лука от белой головки. Какие мадьяры затейники,

восхитилась я их кулинарным аттракционом.

Пока я чистила овощи, необходимые для этого таинственного блюда, у Жанны почти все было готово.

«Интересно, даст попробовать это цирковое великолепие, или все послу скорमित?» — размышляла я, дочищая последнюю морковку и не рискуя ее съесть.

Кажется, Мэри проснулась. Я выскользнула из кухни, чтобы больше не нюхать эти божественные запахи, расплзавшиеся по всей квартире. Точно, зовет, причем всех сразу, кто первый услышит тот и прибежит.

— У нас сегодня гости, — сообщила я ей вечерние перспективы. — Так что умываться, кушать и на прогулку.

Мэри недоуменно посмотрела на меня, затем направилась к шкафу, открыла дверцу и стала пристально рассматривать его содержимое.

— Мэри, выбор наряда отложим на потом, а сейчас кушать и гулять, там детки нас заждались, — сказала я ей, пытаюсь отвлечь ее внимание и быстренько собраться на прогулку. Она заинтересованно подняла голову, но от шкафа не отошла.

— Там еще птички тебя ждут, собачки, рыбки, — стала я подробно перечислять всех желающих с ней пообщаться. — Поэтому нужно покушать и на прогулку.

Мэри разочарованно закрыла дверцу и вопросительно посмотрела на меня.

— Позже. Мы выберем тебе платье, когда вернемся, хорошо?

Она кивнула и строевым шагом отправилась на кухню. Это она так недовольствие мне высказывала.

Творожок, печенье и фруктовое пюре съела с аппетитом и недоуменно взглянула на меня. Ясно, еды сегодня явно маловато.

— Так гости же, прием, чего перед ним наедаться? — снимая с нее фартук и вытирая ей рот салфеткой, объяснила я малышке и показала на часы с секундной стрелкой. — Так, у нас пять минут на сборы, время пошло.

Я прихватила с собой для Мэри куртку, кроссовки и зонтик. На дворе лето, а все равно все нужно: куртка — на всякий случай для тепла, кроссовки, чтобы с горки удобнее было кататься, а зонтик... потому, что леди. Куда же леди без зонтика? Папа привез ей настоящий, английский, только уменьшенный в несколько раз, но по цене превышающий мою недельную зарплату.

Наперегонки сбежали по лестнице. Лидировала, конечно, Мэри, но из подъезда вышла чинным шагом, как воспитанница института благородных девиц.

Мы прошли по Остоженке, свернули к набережной, повернули к храму Христа Спасителя. Иномарки разъезжают, подземная стоянка на территории храма дело, конечно, выгодное и Господом Богом одобренное.

Из «Мерседеса» вылез батюшка, важно так, со значением перекрестил нас с Мэри и дальше пошел.

Мэри глаза вытаращила, спросила:

— Кто?

— Это батюшка, церковный работник, — попыталась я ей объяснить, но не преуспела. Не сильна я, к сожалению, в церковных званиях.

— Пойдем во двор, на качелях кататься, — предложила ей в надежде посидеть на лавочке и отдохнуть.

В богоугодном месте от бомжей нет никакого спасения, народ на милостыню не скупится, вот они и шастают туда-сюда.

— Ты устала? Давай, на ручки тебя возьму и немного понесу, — предложила я Мэри, наблюдая за тем, как она устало, но упрямо ковыляла по ступенькам.

— Неть, — покачала отрицательно головой.

— Хорошо, как скажешь.

Маленький упрямый ослик сделал еще несколько шагов и остановился. С сомнением посмотрела на меня: может, еще раз предложу? Сама Мэри на ручки никогда не попросится.

— Иди ко мне, понесу капельку. — Я подхватила ее на руки и непроизвольно крикнула. — Ну, ты и слоник! Откормила тебя на свою голову, — прошептала ей на ушко, поправляя выбившуюся прядку волос. Мэри уткнулась мне в шею и довольно засопела.

«Как же я без тебя буду? — вглядываясь в милые детские черты, с горечью подумала я. — Никогда больше не буду работать няней», — в двенадцатый раз пообещала сама себе, заворачивая в арку нашего двора с Мэри на руках.

Во дворе народа на удивление было много, а двор наш, как колодец, — такой же квадратный, холодный и неуютный. Дома стоят прямоугольником, поэтому получился такой двор, в который солнце почти не заглядывает, а если и появится, то ненадолго. Но качели есть, территория огорожена забором, и дети с родителями здесь гуляют, потому что больше просто негде.

Мэри увидела, что двор полон людей, моментально сползла с рук, косичку закинула, спинку выпрямила и пошла. Посмотрите и подивитесь!

Все сразу и обратили на нас внимание.

— Это у вас из последней коллекции Кензо? — ткнув пальцем в курточку Мэри, спросила молодая мамочка.

— Нет, из предпоследней. Просто мы носим так аккуратно, — пояснила я.

Народ переглянулся: «это она так придуривается» — поняла я по их выразительным взглядам.

Я отошла к скамейке, присела и уткнулась в журнал «Космо». Конечно, что же еще может читать няня на прогулке? Все затихли опять на пару минут. Зато и ко мне с глупыми расспросами, сколько стоит мой час работы, никто не пристал.

Мэри самозабвенно носилась по площадке, изображая реактивный самолет. Наблюдая за ней, я заметила знакомую коляску и молодую женщину в вечернем платье с наброшенной на плечи шалью. «Явно не на прогулку с ребенком собиралась», — подумала я, оценивая красоту вечернего наряда.

Малыш не спал, изумленно таращил глазки и что-то нежно ворковал. Женщина, неуверенно ступая на высоких каблуках, толкала коляску.

Картинно перелистывая гламурные страницы, я наблюдала за Мэри и размышляла: сказать этой молодой женщине, как няня укладывает спать ее малыша или промолчать?

«Ты никогда ни во что не вмешивалась, — напомнила я себе давнюю заповедь. — У всех есть глаза и уши, мамочка сама все увидит и все для себя решит. Если у нее такая няня, значит, ее это устраивает, — убеждала я себя, — не лезть не в свое дело».

Интересно, какое агентство подобрало ей такую злобную тетку?

«Спрошу, пожалуй, — делая шаг вперед, наконец решилась я. — Поинтересуюсь агентством и все. Если умная, сама все поймет».

— Смотрю, коляска знакомая, — нерешительно начала я, все еще неуверенная, стоит ли заводить разговор. — Видела вашего малыша с няней...

— И что?

— Вам ее подбирали в агентстве? — все-таки спросила я, ясно понимая, что мой вопрос вызовет раздражение.

— Да!

— А можно узнать в каком? — не унималась я.

— В самом лучшем, — огрызнулась она с вызовом. — А что?

И так посмотрела на меня, что не проработай я столько лет с психами, просто отползла бы на безопасное расстояние.

— Ничего, — буркнула я, снимая Мэри с качелей, чтобы предотвратить падение реактивного самолета.

— Парашют, — протянула она зонтик, предлагая мне новую игру.

— Ладно, — согласилась. — Ты прыгаешь, а я тебя ловлю.

Мэри отважно забралась на горку, раскрыла зонтик и прыгнула, приземлившись точно в мои руки.

— Молодец, — похвалила я ее. — Завтра запишу тебя в парашютную секцию.

Она довольно заулыбалась и полезла опять на горку, чтобы закрепить успех.

Рядом проехала знакомая коляска, мамочка покосилась на нас и недовольно фыркнула.

— Мэри, пойдём домой, там гости, папа приедет пораньше, — напомнила я.

Мы со всеми попрощались и бодрым шагом направились к подъезду. Уже выходя из лифта, я вдруг вспомнила:

— Мэри, мы забыли зонтик!

Она растерянно посмотрела на свои руки и закивала: «Да, няня, забыли!» Лифт дожидаться не стали, торопливо сбежали по ступенькам и помчались на детскую площадку.

Почти все разошлись, остались только Васенька с мамой и еще один малыш с бабушкой, которая любезно с нами попрощалась и тоже ушла с внуком.

Забытый зонтик одиноко лежал на качелях, тихонько раскачиваясь. Мэри подбежала к нему, схватила, прижала к груди.

— Нашли, — проворковала она, нежно поглаживая свою находку.

Васенька раскричался, Мэри с удивлением подняла голову и посмотрела на меня.

— Опять плачет?

— Плачет, — согласилась я с ней.

Она нахмурила бровки и недоуменно посмотрела на меня: а ты, мол, что стоишь? Сделай что-нибудь, чтобы он не плакал.

Я вздохнула, взяла ее за руку и сказала:

— Пойдем, там папа тебя ждет, а мы еще наряд не выбрали, так что надо поторопиться.

— Неть. — Она опять с укоризной уставилась на меня.

Мама, стараясь успокоить малыша, раскачивала и трясла коляску, пыталась ему что-то напевать, но Вася ничего не хотел слушать и только заливался

жалобным плачем.

Мы прошли рядом с коляской, и я тихонечко несколько раз произнесла: «Ш-ш-ш-ш»... Этот звук понимают все, он убаюкивает, малыши замечательно реагируют на него и быстрее успокаиваются.

Васенька затих, с любопытством посмотрел на меня и... улыбнулся. «Узнал, наверное», — подумала я.

Коляска резко дернулась, и малыш снова расплакался.

— Дай мне телефон ее матери, — ткнув в Мэри пальцем, потребовала женщина.

Я недоуменно посмотрела на нее, не совсем понимая, что она от меня хочет.

— Что? — переспросила я. — Вы что-то спросили?

— Дай мне телефон хозяйки, — требовательно повторила она.

— Хозяев уже давно отменили, — улыбаясь, напомнила я ей. — Если вы хотите о чем-то спросить у мамы Мэри, я могу передать ей ваш вопрос. — Я остановилась, ясно понимая, что ей не терпится указать мне мое место.

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать! — Она презрительно вскинула соболиные брови.

«Это уже провокация, — поняла я по-своему — У нее проблемы с няней, и она решила компенсировать их за мой счет. Если удастся — пнуть меня в глазах работодателей». А я тут как тут, вся из себя:

— Могу продиктовать хоть несколько номеров, только, пожалуйста, без эмоций, все — строго по делу. Родители Мэри — люди известные и крайне занятые. Ваши истерики могут неправильно понять, поэтому прежде чем звонить, подумайте, о чем вы будете с ними разговаривать, и тон подберите соответствующий. Они не откажутся рассказать вам о моей работе, но... — Я с сомнением посмотрела на нее. — Вам тоже придется представиться и пояснить, чем вы занимаетесь.

Женщина в бешенстве посмотрела на меня, кинула телефон в коляску и нервными толчками покатила ее в арку.

Мэри во все глаза смотрела на женщину, с тревогой прислушиваясь к нашему разговору. Я вела диалог ровно, спокойно, но она все равно что-то почувствовала и притихла.

Когда коляска наконец-то отъехала на значительное расстояние, Мэри вопросительно посмотрела на меня, нахмурила бровки, готовая вот-вот расплакаться. Она не привыкла к громкой речи, резким фразам и наш эмоциональный диалог ее, конечно, испугал.

«Ну что ты сунулась со своими вопросами? — отругала я себя. — Молчала десять лет, не лезла никуда и впредь молчи, не высовывайся. Все все видят: у кого какие няни, что они умеют и все всех устраивает. От твоих вопросов и дурацких советов — никакого толку, только Мэри испугала».

Я присела и заглянула ей в глаза.

— Тетя хорошая, просто она очень устала, малыш много плачет, вот она и переживает.

Мэри недоверчиво покосилась на меня, протянула ладошку и повела домой.

Мы успели почти вовремя. Народ еще не съехался на торжественный ужин. Мы проскочили в детскую, сделали прическу а-ля Наташа Ростова на

первом балу — высокий хвост и локоны-кудряшки вдоль щечек, выбрали длинное платье, а вот с туфельками вышла заминка — не нашли подходящих по цвету. Папа промахнулся немного, именно под это платье ничего не купил. Да, у нас так: под каждое платье туфельки в цвет и колготочки в тон.

Мэри уже было собралась пустить слезу, но я достала белые туфельки.

— Белый цвет подо все подходит, — объяснила ей, натягивая колготки и стараясь успеть к приходу гостей.

— Вы готовы? — влетела в детскую Жанна Владимировна.

— Почти, — ответила я, поправляя кокетливый локон Мэри. И, оставшись довольной увиденным, объявила:

— Вот, теперь все!

— Вы останетесь? — Она всегда спрашивает, надеясь на мой отрицательный ответ.

— Нет, конечно, я поеду. Спасибо за приглашение.

Вот теперь, действительно, все на сегодня: и Мэри к приему готова, и приличия соблюдены, и няня пораньше домой поедет.

Я переоделась, стараясь особо не торопиться, может, хоть посла увижу — никогда живых дипломатов не видела. «Двигайся побыстрее, — скомандовала себе. — Даже если увидишь, все равно не поймешь, на нем же вывески нет, а там поди, разберись, кто посол, а кто — шах персидский».

Лето наступило, но было прохладно. Я поплотнее застегнула плащ и направилась к машине, соображая, есть ли дома в холодильнике еда или придется ехать за продуктами. И Димке тогда не забыть позвонить, а то опять будет отчитывать, как школьницу, что все на себе волоку.

— Сын, — дождавшись наконец-то его полусонного «алло», спросила: — Как у нас с едой? Уточни диспозицию и отчитайся.

— Я ужин приготовил, а потом прилег и уснул. Хорошо, что ты позвонила, я еще английский не сделал, точно бы проспал, — сообщил сонным голосом.

Я заволновалась:

— Ты не заболел?

— Да вроде нет, — произносит с сомнением.

— Дим, какой английский? Ведь каникулы уже начались, или я опять что-то путаю?

Я редко бываю в школе, нет, не так — за целый год ни разу не появилась, мне даже записку прислала классный руководитель: «Мамочка, мы забыли, как вы выглядите, приходите и порадитесь за своего ребенка». Вот такое послание я получила в конце года вместе с дневником и весьма приличными отметками сына. Пойти не пошла, некогда было, но сразу позвонила — может, случилось что?

— Все в порядке, — порадовала меня педагог. — Но в школе появляться надо, хотя бы изредка. Хорошо, Димин папа не забывает, на все собрания родительские ходит, деньги на нужды класса быстрее всех сдает.

— А я вам тогда зачем, если все так безупречно? — спросила.

— Для порядка, — засмеялась она.

— Mam, ты спишь, что ли? — вернул меня в реальность Димкин голос.

— Как я могу спать, если я еду? — ответила, перестраиваясь. — Тут такая пробка, не представляю, когда попаду домой. Хорошо, что ты ужин пригото-

вил, не надо в «Метро» заезжать.

— А может, съездим? — попросил он.

«Проснулся окончательно, — сделала я вывод. — Ладно, приеду, тогда и решим».

Я медленно двигалась по Тверской, разглядывая витрины бутиков: «Скидки просто сумасшедшие: пятьдесят процентов, семьдесят, еще бы даром раздавали!» — подумала я, останавливаясь у магазина «Этуаль». Косметику только здесь покупаю, у меня приличный дисконт и качество тут хорошее, просроченного товара уж точно не подsunут, блюдут свое реноме.

Консультант в магазине кинулась ко мне как к родной, я даже вздрогнула от такого внимания.

— Что желаете? Вот последняя коллекция Эсте Лаудер, новинки.

— Я дама консервативная во всем, — объяснила ей. — Мне, пожалуйста, все только проверенное и привычное, — попыталась я расставить акценты.

Да где там... Барышня так щебетала, рассказывая мне о новом необыкновенном, совершенно потрясающем запахе, который так чудесно совпадает с цветом моих волос, и оттенком моих глаз, умудрившись при этом вылить на меня полфлакона этих новомодных духов, что я запаниковала.

И чтобы совсем не спятить от ее напора и динамизма, сказала:

— Беру. На кассу отнесите, пожалуйста.

Девушка, довольно улыбаясь, отнесла мои покупки в кассу и направилась в сторону вновь вошедшей покупательницы.

— Что-то много я сегодня потратила, — пристально разглядывая чек, удивилась я. Новый аромат, которым так заботливо полила меня девушка, стоил как четыре колеса моей машины, правда, без дисков, но меня это мало утешило.

«В следующий раз, пожалуйста, смотри на цены и соизмеряй свои доходы с запахами новых ароматов», — разозлилась я на себя, даже по голове себе чуть не постучала, но потом передумала, ни к чему народ веселить.

Пока я выбирала, покупала и расплачивалась, машин на дороге стало значительно меньше, и я без труда выехала со стоянки, влилась в движущийся поток.

Запах новых духов распространился по всей машине, вызывая легкое головокружение и приступы тошноты.

— Это тебя от цены подташнивает, а не от запаха, окошко открой и все выветрится, — уговаривала я себя не слишком огорчаться из-за дурацкой покупки.

Из-за тошноты, головной боли и душевных терзаний не услышала телефонного звонка, а когда посмотрела, оказалось три неотвеченных вызова. Кто же это так меня добивается? Так и не вспомнив, чей это номер, — вызвала сама.

— Сергей Николаевич, вы мне звонили? Я не услышала звонка, вот перезваниваю.

— Вы сейчас можете разговаривать? — спросил он.

— Думаю, что да, сейчас остановлюсь и смогу, пожалуй, — притормаживая у тротуара, ответила я.

— Я хотел бы вас пригласить, пойдете куда-нибудь посидим, выпьем кофе. У нас тут рядом открылась замечательная французская кофейня и там есть

очень приличный кофе.

Предложение мне понравилось, но напрягало по времени. И еще этот одуряющий запах, от которого не было никакого спасения, он просто сводил с ума, никакие сквозняки не помогли, хотелось встать под душ и наконец-то смыть этот тяжелый, давящий аромат.

— Не сегодня! — дала я понять, что в любой другой день с большой радостью, но только не сегодня.

— Когда скажете, я ведь ваш должник. Вы меня хорошим кофе угощали, теперь моя очередь, — засмеялся он.

— Тогда давайте завтра созвонимся и решим, где и когда.

— Договорились.

Машину на стоянку решила не ставить, потому как вопрос с поездкой в «Метро» решен не был, и о том, какие в холодильнике продукты и что мы с сыном будем есть, оставалось только догадываться.

— Мам, я полностью проснулся и готов тебе помогать, — объявил Димка, открывая мне дверь. — А чем это так пахнет?

— Духами, новыми, — пояснила я, прямиком отправляясь в ванну.

— Убойный запах! — произнес он в полнейшем восхищении. — Можно, я немного отолью? На уроке по Военной подготовке будет тема: «Оружие массового поражения», это оно и есть.

— Оно еще и стоит, как целый танк, — пожаловалась я. Сейчас спросит, куда я деньги потратила, а мне что отвечать?

Накануне Димка весь вечер дебет с кредитом сводил, чтобы и на бензин и на еду хватило, а тут опять незапланированные траты.

Однажды, когда ему лет пять всего было, мы пошли в магазин и Димка спросил:

— А почему ты все время все покупаешь? Я тоже хочу распоряжаться деньгами и все покупать: и шоколадки, и жвачку, и все, все!

— Хорошо, вот тебе деньги, сегодня мы можем потратить только эту сумму. Покупай сам. Но учти, из продуктов надо обязательно купить мясо, потому что у папы тяжелая работа, молоко и творог, потому что ты растешь и тебе необходим кальций, и фрукты — так как мне ведь тоже нужно что-то есть. Усвоил?

Сын молча кивнул, подошел к прилавку. Считал он всегда неплохо, а тут еще и такое доверие! Подробно перечислил продавцу, что ему нужно, расплатился, забрал сдачу.

— Ты же хотел купить шоколадку, — напомнила я.

— Без надобности. Так никаких денег не хватит, — гордо ответил он.

Продавцы аж за прилавки попрыгали, давась от хохота.

Теперь вот у меня отчет требует, что купила да на что потратила, прямо домострой какой-то.

— Я правильно понял, мы никуда не едем? Денег больше нет?

— Деньги, конечно, есть, но я устала, давай поездку на завтра отложим.

Димка недовольно засопел, отвернулся:

— А кто-то обещал...

— Если ты быстро заваришь мне кофе и сделаешь бутерброд, то я выполню мое обещание, — передумала я, усаживаясь в кресло. Обещания надо выпол-

нять, это точно.

По квартире поплыл чудесный аромат свежесваренного кофе, Димка суетился на кухне, пытаясь все успеть и ничего не пролить. За кофе он следит, аки зоркий сокол, потому что плиту мыть не любит, но и грязной не оставит, так как мама за такое и по шее может надавать.

— Ты к бабушке собираешься? — спросила я, забирая из его рук чашечку с кофе. — Она звонила несколько раз, спрашивала, когда ты приедешь?

— Мам, я хочу устроиться на работу. — Димка настороженно посмотрел на меня и опустил голову.

— Да? — удивилась я. — И куда, позволь полюбопытствовать?

— Не важно, куда-нибудь.

— Зачем?

— Чтобы тебе помочь.

— Сынок, — я вздохнула, — ты и так мне помогаешь. Ты нормально учишься, проблем не создаешь, в школе учителя тебя хвалят. Все соседи говорят, какой у нас мальчик воспитанный. Мне — достаточно. Ты этот разговор почему завел? Это из-за моей новой работы, да?

Он еще больше ссутулился и помрачнел.

— Я же вижу, как ты устаешь, я тоже мог бы помогать. Я не хочу, чтобы ты столько работала, — проговорил он с отчаянием.

— Хорошо, если это так серьезно тебя заботит, то у меня есть идея. Мы могли бы об этом поговорить.

— Знаю, ты будешь меня отговаривать...

— Напротив, хотела с тобой посоветоваться. Не могу же я всю жизнь работать с чужими детьми. Надо подумать и о других возможностях.

— Какие у тебя могут быть возможности?

— Я собираюсь открыть агентство по подбору персонала в семье, думаю, у меня это получится. Посмотри в Интернете все, что есть по этой теме, распечатай для меня и сам подумай, может, что-то интересное придет в голову. Ты парень умный, вот на твою мозговую помощь я как раз и рассчитываю. Только, пожалуйста, позвони бабушке, они с дедом очень по тебе соскучились и скажи точно, когда ты к ним приедешь.

Димка недоуменно посмотрел на меня:

— А как же агентство?

— А что, у бабушки компьютера нет? — удивилась я. — Сделаешь всю работу и пришлешь подробный отчет, а помещение под офис вместе поедем смотреть, когда ты вернешься.

— А можно, я сейчас этим займусь, ну начну уже работать?

— Мы собирались в «Метро», или ты забыл? Потом подарки всем нужно купить, ты же не поедешь с пустыми руками. Я поела, кофе выпила, спасибо тебе большое за заботу.

— Ладно, — закрывая компьютер, согласился он. — Подарки действительно нужно купить. Бабушка просила миксер или комбайн, я не помню точно, сейчас позвоню и узнаю.

Утром я провалялась в постели дольше обычного, затем торопливо приняла душ, поела грибного супа, приготовленного совместными усилиями с Димкой, и побежала на стоянку за машиной. Приехала на работу. Мэри уже не

спала, меня поджидала, выглядывая в окно и размахивая руками на манер ветряной мельницы. Бассейн на лето закрыли и я раздумывала, везти ее сегодня в «Мариотт» или ну его...

Жанна собиралась посетить несколько агентств, с которыми предварительно созвонилась еще утром, тщательно одевалась, а это значит, долго, небрежно раскидывая вещи по всей комнате, приставая к Татьяне с расспросами, где у нее что находится. Таня добросовестно все перечислила: это — в химчистке, это — в стирке, это — выбросила.

— Как выбросила? — Жанна изумленно воззрилась на Татьяну.

— Так вы же сами два дня назад сказали, что уже ни во что не влезаете, осталось только выбросить...

— Я еще добавила: «или похудеть», — запричитала Жанна. — Вы что, действительно выбросили тот костюм шанелевский?

— Ну, да... Отнесла на помойку, бомжи, наверное, уже унесли. Давайте я сбегаю, посмотрю, — резво подхватила Татьяна.

— Сидите уж. — Жанна обреченно махнула рукой.

— Правильно, есть повод купить новый, — нашла я единственный выход из положения. — Нам в «Мариотт» собираться, или мы сегодня обойдемся без водных процедур?

— Делайте что сочтете нужным, только после обеда никуда не выходите, — ответила Жанна, поправляя волосы и пытаясь пристроить на голове шляпку.

Ей кто-то сказал, что замужней даме неприлично появляться на людях простоволосой, вот она теперь шляпы и носит, несмотря на жару и прочие неудобства.

— А что такое? Почему после обеда нельзя? — испугалась я. — Неужто опять началось, как в бандитских семьях? Только с охраной и только на строго отведенной территории.

— С ума-то не сходите, какие бандиты? — замахала Жанна руками. — Одна костюмы выбрасывает, другая бандитов вспоминает, сумасшедший дом какой-то, — проворчала она, пытаясь судорожно открыть дверь и наконец-то выйти.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила я Татьяну, пытаясь выяснить, почему до обеда можно, а после — ни-ни.

— Няни, то есть гувернантки будут приходить, а ты будешь их смотреть.

— Я? С ума сошла?

— Это не я сошла, это Жанна Владимировна сказала, — разъяснила мне Татьяна тактику и стратегию указаний хозяйки дома.

— Я бы кофейку попила. Раз такое дело, надо морально подготовиться. — Я выразительно посмотрела на Татьяну, чтобы она уяснила, почему именно ей надо варить кофе.

— Иди, готовься, сварю уж, — согласилась Татьяна, не обращая ни малейшего внимания на мою хитрость-мудрость.

Хорошенькое дело, готовься... А как? Они методики знают, наверное, в совершенстве языками иностранными владеют...

А я кроме ванны, бассейна и гимнастики чего знаю? Наверное, Татьяна опять что-то напутала. Мало ей было сыра, так она еще и костюм куда надо определила.

— Мэри, ты ела? — спросила я девочку, чтобы как-то отвлечься от глупых

мыслей насчет выбора гувернанток.

Мэри отрицательно покачала головой.

Я недоверчиво посмотрела на часы и переспросила:

— Что, с самого утра не ела?

Она опять помотала головой.

— Тогда пошли есть и на прогулку будем собираться.

— Таня, Мэри утром ела что-нибудь? — уточнила я, недоверчиво поглядывая на девочку. — На часах двенадцать, пора обедом кормить, а она еще не завтракала.

— Кашу есть отказалась, это у тебя она девочка-лапочка. А маму за пять минут построила и всю кашу Тапотаське скормила, — с усмешкой доложила Татьяна, протягивая мне чашечку с кофе. И вдруг спросила: — Ты что, правда уходишь? Мне Жанна сказала, так я ушам своим не поверила. Такие деньги-щи платят, в рот заглядывают, не дай бог, няню чем-нибудь расстроить. Знаешь, — призналась доверительно, — поначалу я даже обижалась: подумаешь, какая-то нянька, а все перед ней скачут! Но потом поняла, это не они перед тобой скачут, а ты им на голову садиться не позволяешь. И как это у тебя так получается, до сих пор не пойму?

— Тань, все не так сложно. Я просто умею держать дистанцию, подружкой не становлюсь, а занимаюсь своим делом. Потом контракт тоже большую роль играет, там же все по пунктам оговорено, а излишние «Вы не могли бы...» — я быстро пресекаю. И не потому, что мне лень или просто не хочется, а потому, что это будет в ущерб малышу, а я стараюсь работать без ущербов. Да мне и некогда, все ведь расписано практически по минутам.

Татьяна проводила ревизию холодильника, внимательно рассматривая продукты, чтобы лишнего не выбросить, но и просроченного не оставить. Наш папа — педант по части сроков хранения, и если увидит просроченный творог или кефир, лекцию по ботулизму придется выслушать всем, невзирая на занимаемую должность.

«Чем же Мэри накормить? — размышляла я, разглядывая содержимое холодильника. — Кашу — поздно, да ее и нет, ею Тапотаська утром подкормился. Мэри по доброте душевной миску кошачью до краев наполнила — не покупилась для милого дружка. Зубы все вылечила, теперь вот кашей откармливает. Суп и пюре тоже отпадают — это обед, остается творожок и кефир: тут тебе и кальций, и до обеда продержимся, а на полдник я что-нибудь придумаю — оладьи и пудинг, тоже дань английским традициям».

Выложила творожок в специальную тарелку с подогревом, — такие недавно появились и оказались очень удобными. Тарелка с двойным дном: заливаешь во внутрь горячую воду и еда прогревается, только перемешивать ее нужно, чтобы подогрелось равномерно.

Мэри губки надула и посмотрела на меня с удивлением: какой творог в это время? Я развела руками и объяснила:

— А что делать? Каши нет и варить ее нет времени, потому как прогулка у нас по графику. И поэтому ешь, что дают.

Она пальцем показала на фартучек — «не забудь завязать», — забралась на стульчик и открыла рот.

— Рот пока закрой, творог еще не согрелся, — велела я, перемешивая в тарелке белую массу.

— Сама, — требовательно скомандовала Мэри, заметив, что я взяла ложку, чтобы побыстрее управиться с кормлением.

— Сама, сама, — согласилась я. — Заодно и новой няне покажем, какая ты самостоятельная девочка. Как раз и потренируемся.

Мэри ест аккуратно, ложку мимо рта не пронесет, но часто ленится и просит ее покормить. Я и кормлю. Она маленькая, навык этот хорошо освоила, но если устала или не хочет, я не настаиваю, считаю, что все должно быть в радость, а не по принуждению.

— Мэри, мы сегодня точно никуда не успеем, — вздохнула я, наблюдая, как она методично выковыривает изюм из творога и откладывает в сторонку с совершенно невозмутимым видом. — Ты есть-то будешь или продолжишь раскопками заниматься?

Татьяна, наблюдая за нашим вялотекущим кормлением, шустро перемыла всю посуду. Моечную машину она принципиально не включает, качество ее не устраивает, руками, говорит, привычнее. Никак технический прогресс под себя не приспособит, Жанна потом полдня причитает, что в машинке и быстрее и лучше. Татьяна согласно кивает, но продолжает мыть руками.

— Тогда и стиральную не включай, ручная стирка дороже выходит, знаешь, как озолотишься! — предложила я ей такой вариант.

Звонок телефона раздался в самый неподходящий момент, мы как раз шнуровали ботинки и почти закончили, но мама сообщила, что она возвращается и чтобы к ее приходу весь персонал был на месте. Мы с Татьяной переглянулись и принялись все расшнуровывать, уговаривать Мэри поиграть дома, а не нестись сломя голову на улицу, потому что у мамы планы, а мы не знаем, какие именно.

Мэри недовольно подрыгала ногами, пытаюсь в корне пресечь попытки ее разуть и верещала на всю квартиру, что она, мол, свободная личность и мы не имеем права ущемлять ее интересы. Свой монолог малышка, разумеется, проверещала по-своему, но я отлично все поняла и перевела Татьяне.

Через несколько минут Жанна Владимировна в сильнейшей ажиотации рассказывала нам, где была и что видела.

— Вы себе не представляете, — торопливо наливая себе кофе, говорила она. — Мне никто не подошел. Я съездила в три агентства и везде полный облом. Надо уже билеты заказывать, визы оформлять... Тань, у нас коньяк был, не вспомню, куда его убрала.

— Как это вы все успели, съездить в три агентства, да еще и с нянями пообщаться? — не поверила я.

— Я заранее их предупредила, что буду к такому-то часу, и они подготовили мне анкеты.

— То есть вы ни с кем не разговаривали?

— Разговаривала, — вздохнула Жанна.

— И вам никто не понравился?

— Я, наверное, не те вопросы задавала, — призналась она.

— Что же можно такое спросить, чтобы никто не подошел? — пришла моя очередь удивляться.

— Семейное положение, к примеру, — ошарашила меня Жанна.

— А вам не все равно, в браке она или нет? Если гувернантка может научить ребенка думать, запоминать, развить у малышки навыки письма, при-

вить ей вкус, манеры, вам какая разница, есть у нее печать в паспорте или нет? Забудьте вы этот штамп, что няня — разлучница, у нее совершенно другие цели и задачи. А вот то, как она справляется со своими обязанностями, что умеет и какими развивающими программами владеет, это вы увидите по своему ребенку.

Жанна озадаченно вздохнула и поведала:

— Еще я спрашивала, есть ли у нее рекомендации, медицинская книжка...

Без таких верительных грамот ни одно уважающее себя агентство и беседовать с претенденткой не станет, тем более заполнять анкету и вносить ее в базу данных. Но нарисовать и написать можно все, что душа пожелает, даже фотомонтаж соорудить: «Это я с малышом на Елисейских Полях, это — в Венеции», а у самой — судимость за мошенничество. И такое бывало. Не во всех агентствах проводится специальная проверка по линии МВД, и уж точно мало в каких предусмотрен в штате психолог, потому как — дорого. Кстати, такая экономия оборачивается большими потерями, причем для всех сразу, для семей чаще — материальными, а у агентства репутация страдает.

Татьяна с грохотом уронила вазу, кем-то заботливо поставленную на край стола.

— Начались материальные проблемы, — простонала она, собирая осколки и прикидывая, сколько может стоить ваза таких размеров и хватит ли у нее денег, чтобы расплатиться за причиненный ущерб.

— Ничего страшного, я давно хотела от нее избавиться, — рассматривая себя в зеркале, заявила Жанна. — Ну, конечно, не так шумно...

Татьяна облегченно вздохнула и с удвоенным рвением принялась наводить порядок на кухне, доводя ее до состояния стерильной операционной.

— Сегодня больше не успею никуда съездить, все поиски отложим на завтра, — поправляя прическу и оставшись вполне довольна увиденным, сообщила Жанна.

За всеми этими разговорами наступило время обеда, и я позвала Мэри за стол. Она старательно нацепила фартук, пытаясь самостоятельно завязать веревочки, забралась на стульчик и посмотрела на меня: вот, мол, я готова.

— Ручки помыть надо, — напомнила я, наблюдая за ее стараниями справиться с завязками, которые ну никак не хотели превращаться в задуманные бантики.

Мэри молча слезла со стула, протянула мне фартук и требовательно посмотрела.

— Пойдем ручки помоем, а потом я тебе помогу, — пообещала я.

Через минуту с чистыми руками, которые она наглядно продемонстрировала, подняв кверху ладонки и покрутив ими у меня перед носом, Мэри опять уселась за стол и принялась за суп.

— Фартучек, — напомнила я. — Ты сама справишься или мне помочь?

— Сяма, — произнесла, настойчиво пытаюсь расправиться с непокорными завязками.

— Суп остынет, давай я тебе помогу, а потом ты еще раз сама попробуешь, — предложила я.

Она закивала головой и принялась за суп, даже не дождавшись, когда же я завяжу этот злосчастный фартук.

— Кашу по утрам самой надо есть, а не Тапотаську ею кормить, — наблю-

дая, с какой скоростью она смела суп, сказала я. — Добавку налить?

Молча протянула мне пустую тарелку и отвернулась. Я опять налила полную тарелку и поставила перед ней.

— Может, ее в детский сад отдать? — наблюдая за Мэри, в раздумье спросила Жанна. — Найти какой-нибудь частный садик, где малышей человек пять-шесть, и возить ее каждый день на занятия, а вечерами вы с ней оставались бы, — предложила она, с надеждой поглядывая на меня. — Вы так хорошо ее понимаете. Я утром никак не могла ее уговорить съесть кашу. Уговаривали вместе с Таней — ни в какую, — пожаловалась на дочь.

— А у Раечки как она ела? Помните няню, которую присылало наше агентство, когда я болела?

— Люда! — Жанна резко подскочила со стула и во все глаза уставилась на меня. — А ведь это прекрасная идея! У вас есть ее телефон?

— Кажется, есть. Во всяком случае, можно позвонить Тамаре Владимировне, у нее-то точно есть Раечкины координаты. Только вы говорили, что она вас не очень устраивает, — напомнила я.

— Все меня устраивает, не выдумывайте, — отрезала Жанна, торопливо перелистывая записную книжку. — Вы помните телефон вашего агентства?

— Конечно.

— Тогда сами все узнайте, позвоните Раечке, договоритесь с ней.

— Жанна Владимировна, может быть, вы еще раз съездите в агентство, посмотрите...

— Возможно, после Италии. Сейчас совершенно нет времени, надо визы оформлять, билеты заказывать. А вы думаете, Раечка может отказаться? — с тревогой поинтересовалась она.

— Возможно. Поэтому нужно рассматривать и другие варианты. Я сегодня обязательно ей позвоню и спрошу, сможет ли она поехать с вами в Италию и на какой срок, — с трудом поднимая Мэри со стульчика, пообещала я.

Жанна разволновалась, принялась названивать в агентства и через полчаса убыла на очередное собеседование.

Татьяна бесшумно двигалась по кухне, стараясь все успеть сделать и при этом ничего не разбить. Она напряженно вслушивалась в наш разговор и хмурилась, бесцельно переставляя все с места на место. Конечно, ее страшно интересовал вопрос, поедет ли она в Италию, но спросить не решалась, а Жанна по своей природной забывчивости ничего ей не говорила. Наша Танюша женщина свободная, семьей и детьми не связанная, поэтому всегда с радостью принимает приглашение поехать поработать в «заграничном турне».

— Телефон принести? — стараясь быть максимально полезной, спросила меня Татьяна.

— Нет. Я Раечке позже позвоню. Сейчас погуляем часик, потом поспим, будет свободная минутка, тогда я ее наберу.

— Поешь, я отбивных нажарила, — предложила Татьяна, в надежде, что у меня будет немного времени поговорить о дальнейших планах семьи. — Хочешь, кофе сварю? У тебя есть свободная минутка, чтобы сесть и спокойно поесть?

— Вот Мэри уложу. Мы и так сегодня весь режим сбили, обед позже, прогулка позже и вообще все не вовремя.

— Жанна ничего тебе не говорила, я буду нужна в Италии? — озадаченно

спросила-таки Татьяна. — Или мне на лето другую работу подыскивать?

— Тебе же известно, о планах Жанны знает только сама она, да и то не всегда. Поговори с ней, возможно, она просто забыла тебя предупредить, что ты ей там будешь нужна.

— Может, вместе поедем? Интересно же, чего в Москве сиднем сидеть? А там море, солнце, итальянцы... — размечталась Татьяна, закатив глазки. — Слушай, а эти виллы в Италии, они очень большие? — вдруг спохватывается она.

— Не знаю, разные, наверное, но у наших будет самая большая, можешь даже не сомневаться. Поэтому прежде чем ехать, хорошенько подумай, останутся ли у тебя силы на общение с итальянцами после работы, или ну ее, эту Италию.

Татьяна засмеялась и принялась натирать до зеркального блеска мойку каким-то специально предназначенным для этого средством с резким запахом, по мощности сравнимым только с моими последними духами.

Мэри, уже полностью готовая к прогулке, в ожидании няни прохаживалась по коридору, попутно разглядывая себя в зеркало, строя забавные рожицы, нетерпеливо притоптывая ножкой. Я глянула на зашнурованные ее умелой рукой ботинки и вздохнула.

— Иди ко мне.

Мэри недовольно отмахнулась: «Какие еще вопросы? Я уже полностью готова и даже обута, а вы, милая няня, все еще копаетесь», — по-своему поняла я ее жест и опять вздохнула, присаживаясь на скамеечку в коридоре. Малышка нетерпеливо топнула ножкой и с возмущением уставилась на меня: какие еще посиделки, и так времени нет!

— Ты все-таки, попробуй, пройдишь, — предложила я.

Она сделала нерешительный шаг, потом другой и остановилась, недоуменно посматривая на ноги. Что-то они совсем не идут, устали, наверное, и тоже присела рядом со мной на скамейку.

— Ты ботинки перепутала, вместо левой на правую ногу надела, — объяснила я ей. — Поэтому и не идут.

Мэри молча протянула мне правую ногу и вздохнула, уже ясно понимая, что прогулка опять откладывается на неопределенное время.

Чтобы ускорить процесс переобувания и наконец-то выйти на свежий воздух, я позвала Татьяну и попросила:

— Танюш, ты нам поможешь?

А так как Мэри все делает добросовестно, на распутывание морских узлов, умело завязанных детской рукой, ушло еще некоторое время. Татьяна, смеясь, просила:

— Мэри, постой спокойно несколько минут и не дрыгай ногами, а то все еще больше запутывается.

Но девочка уже вошла в раж и размахивала ими на манер каратиста на тренировке.

— Прогулка на сегодня отменяется, и вечерняя тоже, — суровым голосом объявила я, пытаюсь утихомирить вконец расшалившуюся девицу.

Она недовольно засопела, перестала размахивать ногами, притихла.

В четыре руки мы с Татьяной наконец-то все распутали и зашнуровали Мэрины ботинки заново, поочередно давая друг другу клятву попросить Майкла,

чтобы вся последующая обувь была на липучках или на замках.

Мэри стояла смиренно, только недовольно хмурила лобик — что это вы так долго копаетесь?

Когда мы наконец-то все-таки вышли на улицу, двор опустел и Мэри в одиночестве стала раскачиваться на качелях. Я, устало вытянув ноги, пристроилась с книжкой, наблюдая за Мэри и одновременно пытаюсь что-то прочесть. Детектив, купленный неделю назад в книжном магазине, меня увлек, и я не сразу заметила появление еще одного персонажа на детской площадке.

Это был ребенок лет семи или, может, чуть старше. Из-за его крайней худобы и грязной одежды, явно с чужого плеча, трудно было навскидку определить, сколько ему лет. Он затравленно посмотрел на нас, не решаясь приблизиться к качелям.

Мэри тоже во все глаза рассматривала незнакомца, бочком приближаясь ко мне.

— Ты хотел покататься? — дружелюбно спросила я мальчика, рассчитывая на то, что он перестанет нас бояться и не будет выглядеть таким испуганным.

Он кивнул и нерешительно двинулся к качелям, но потом опять остановился и недоверчиво посмотрел на меня.

Я решила, что мальчик приходит сюда поиграть в то время, пока площадка пуста, никого нет. Мэри настороженно покосилась в сторону мальчугана и встала у меня за спиной.

— Ты чей? — спросила я.

— Мамкин, — четко выговаривая все звуки, ответил малыш.

Мэри, выглядывая из-за моей спины, тоже подала реплику:

— Уходи! — и для убедительности притопнула ногой.

— Что-то вы, барышня, весь день ногами топаете? — попеняла я ей. — Не устали?

Она замотала головой и для пущей убедительности топнула еще несколько раз. Малыш с испугом посмотрел на нее и отошел на значительное расстояние. Мэри, победно улыбаясь, подошла к качелям и с лихостью кавказского джигита запрыгнула на них. Мальчик сидел в сторонке, ковыряя прутиком землю, и с интересом посматривал на маленькую резвушку, которая от усердия и внимания так раскачалась, что я всерьез забеспокоилась.

— Мэри, достаточно. Хватит.

— Неть!

— Пусть мальчик тоже покатается. Тебе на сегодня достаточно.

Она нехотя замедлила ход качелей, потом совсем остановилась и спрыгнула на землю.

— Пойдем домой, — глянув на часы, предложила я.

Не обращая на меня ни малейшего внимания, Мэри ходко затрусила в сторону песочницы и, проходя мимо мальчика, недовольно покосилась на него:

— Уходи!

— Чем он тебе мешает? — удивилась я.

Мальчик молча рассматривал рисунок, нарисованный прутиком на песке, и, не поднимая головы, горестно вздохнул.

— Мы сейчас уйдем и не будем тебе мешать, — сказала я, понимая, что наше присутствие мешает ему подойти к качелям. — Мэри, собирайся, нам пора, — позвала я.

Она заинтересованно посмотрела на рисунок и, взяв меня за руку, подвела поближе.

На земле был нарисован кораблик, с парусами и мачтами, рассекающий носом морскую гладь.

— Молодец, — не смогла я сдержать восхищения. Мэри тоже с восторгом уставилась на рисунок и даже присела, чтобы рассмотреть его получше.

— Тебя как зовут, юное дарование?

— Михаил, — солидно представился он и слегка покраснел.

— Тебя кто-то учил рисовать? — полюбопытствовала я. Мне это не дано, я даже прямую линию провожу с трудом и по рисованию выше «тройки» мне никогда не ставили, потому как педагог с трудом мог разобрать, что у меня изображено — кувшин или горбатый верблюд, но, правда, всегда хвалил за усердие. Потоптавшись еще пару минут перед рисунком и пересчитав все мачты, нарисованные маленьким художником, мы собрались домой.

— Мэри, — ткнув себя пальцем в живот, запоздало представилась моя подопечная.

— Миша. — Он неловко улыбнулся и спрятал руки за спину.

— Пока, пока! — Мэри миролюбиво помахала мальчику ручкой, заруливая в арку.

Возвращаясь с прогулки, мы заметили во дворе знакомый «Опель». Жанна что-то подробно объясняла Володе, эмоционально размахивая руками. Мы прибавили шаг, и Мэри — с радостным криком «Мама!» так боднула ее головой, что Жанна сложилась пополам.

— Людмила, почему Мэри не спит? — спросила она сердито, выразительно поглядывая на часы.

— Гуляем, — ответила я, не углубляясь в подробности проведенного дня. Возможно, Татьяна что-то напутала, и мы зря просидели дома в ожидании предполагаемых гувернанток. Мэри тем временем резво забралась к Володе на плечи, и он, изображая рысака, галопом понесся с ней по всей Остоженке.

— Володя, вы сегодня свободны? — спросила Жанна, когда он наконец-то остановился и слегка отдышался.

— До девятнадцати вполне, — ответил он, ссаживая Мэри и передавая ее мне в руки.

— Майкл купил машину, свадебный подарок, — пояснила Жанна, — нужно поехать в салон, оформить документы и перегнать ее на стоянку. — Она выдержала театральную паузу, но поскольку ахов и вздохов не последовало, добавила: — «Вольво», — видимо, надеясь поразить наше воображение маркой машины.

— Хороший автомобиль, — согласилась я. — Только, на мой взгляд, для женщины несколько великоват.

— Я же не сама за руль сяду. — Жанна удивленно посмотрела на меня и, удивляясь моей бестолковости, пояснила: — Для этого существуют персональные водители. Кстати, вы дозвонились Раечке?

— Еще нет, сейчас Мэри спать уложу и попытаюсь.

Мы бодрым шагом двинулись в сторону подъезда, и Мэри, не на шутку расшалившись, попыталась перейти дорогу самостоятельно, совершенно игнорируя мои попытки ей в этом помочь. Я крепко держала ее за руку и уговаривала пропустить движущуюся машину, не причинять ей вреда.

Пока мы с Мэри обедали, Жанна утрясла все вопросы насчет транспортировки купленной машины и присоединилась к нам.

— Таня, у вас загранпаспорт есть? — спросила она, прицеливаясь к отбивным, аппетитно пахнущим на всю квартиру.

Но так как у Жанны опять неделя голодания, она мужественно отвернулась и жалобно попросила Таню настругать ей салатик, а все остальное убрать со стола, иначе она за себя не ручается. Татьяна поспешно засунула в холодильник тарелку с отбивными и вопросительно посмотрела на Жанну.

— Жанна Владимировна, вы что-то спросили про загранпаспорт? — еще не веря своему счастью, уточнила Татьяна.

— У вас есть загранпаспорт? — повторила Жанна, сметая салат за полминуты и поглядывая на холодильник.

— Есть, а что?

— И у вас, надеюсь, нет клаустрофобии? — поинтересовалась Жанна.

— Никак нет! — по-армейски гаркнула Татьяна и только что под козырек руку не вскинула. Жанна слегка вздрогнула и покосилась на нее:

— И вы смогли бы поехать с нами в Италию?

— Запросто!

— Ну вот, одной проблемой стало меньше, — нерешительно открывая холодильник заключила Жанна. — Что бы еще такого съесть? — спросила она у Татьяны, стараясь не смотреть в сторону отбивных.

— Так я больше ничего не готовила, если только кефир или йогурт.

— Обойдусь. — Жана решительно захлопнула холодильник. — Надо срочно худеть, а то Татьяна все вещи бомжам раздарит.

Таня принялась пристально разглядывать плиту и старательно отчищать невидимое глазу пятнышко.

Мэри старательно пережевывала картофельное пюре, медленно вода ложкой по тарелке.

— Котлету будешь?

Она вяло отмахнулась от меня и, почти засыпая, попросила:

— Читать.

Отодвинув тарелку с недоеденным пюре, я осторожно взяла ее на руки и отнесла в детскую, знаками показывая Татьяне не шуметь или если что-то делать, то максимально тихо. Та понимающе подняла руки и согласно закивала: все поняла и все сделаю как надо.

В детской было прохладно. Бережно уложив Мэри на кушетку и прикрыв ее пледом, я с трудом дотянулась и прикрыла форточку. Комната постепенно нагрелась, и я передела Мэри в пижаму, заботливо приготовленную Татьяной.

Малышка что-то забормотала, открыла глазки и совершенно сонным голосом опять попросила:

— Читать.

Книжки, разбросанные в беспорядке по всей детской, яркими пятнами пестрели в исчезающих сумерках. Я наугад выбрала самую большую и начала читать:

— У лукоморья дуб зеленый...

Мэри сонно повторила:

— Леленый, — отвернулась и сладко засопела.

Тихонько дочитав всю сказку, больше для себя, чем для заснувшего ребен-

ка, я закрыла книжку, собрала другие и стала аккуратно складывать их в стопку, чтобы убрать в шкаф. Сказки Пушкина я люблю до сих пор, читаю их малышам, а больше, наверное, себе. Еще раз поправив одеяльце из чьей-то последней коллекции, легкое как воздушное облачко, я закрыла дверь детской и принялась за поиски телефона, чтобы наконец-то позвонить Раечке.

— Телефон не видели? — спросила я Татьяну, заходя на кухню.

— Мадам звонила из гостиной, поищи там.

— Кто звонил из гостиной?

— Мадам, — невозмутимо повторила Татьяна.

— У нас гости? — поинтересовалась я и даже выглянула в коридор — не стоит ли там чужая обувь.

— Жанну Владимировну так будут в Италии называть, вот я пока тренируюсь, — объяснила Татьяна.

— Так где мадам бросила телефон?

— В гостиной. Но лучше сначала все-таки поешь, — предложила мне Татьяна, доставая из холодильника отбивные.

— А картошка осталась?

— Ты же не ешь мясо с картошкой, — удивилась она.

— Так я без мяса.

— А для кого я наготовила всю эту прорву? — подбоченясь, возмутилась Татьяна.

— Для итальянца. Потренируйся пока.

— Весь день только этим и занимаюсь — достань отбивные, убери отбивные, и хоть бы кто попробовал, — огорчилась Татьяна, убирая тарелку обратно в холодильник.

— Салат нарезать? Давай я за тобой поухаживаю, — предложила я.

— Ну, нарежь.

— А где у нас...

— Тогда лучше сядь, я сама все сделаю, — махнула рукой Татьяна, ненавидевшая кому-то что-то объяснять.

— Как скажешь, начальник. — Я уселась на стул и с нетерпением стала ждать обещанный салат.

— А ты правда на зоне работала? — шустро нарезаю овощи, любопытствовала Татьяна. — Мне так Жанна Владимировна сказала.

— Это в каком же разговоре она поведала тебе о моей тюремной деятельности?

— Да вот сказала, что Мэри с тобой не опасно на прогулку ходить, потому что ты приемы карате знаешь, телохранителя нанимать не нужно.

«Хорошенькое дело, — подумала я. — Платят мне как няне, а думают, что у них в штате еще и телохранитель наличествует. Ну и пусть так себе думают, не буду их разочаровывать».

— Конечно, я спросила у Жанны...

— У мадам, — поправила я Татьяну. — Тренируйся.

— Откуда такие крутые навыки, — продолжила она, игнорируя мое замечание, видно, уже натренировалась. — Ну Жанна мне про зону и рассказала.

— Это не совсем так, объяснила я. — Следственный изолятор — вовсе не зона, а совсем наоборот.

— Как это? — удивилась Татьяна.

— Зона — это там, где осужденный человек мотает срок. Извини, отбывает срок, — быстренько поправилась я. — А в следственном изоляторе обретаются заключенные, у которых еще все впереди — или — зона, или — свобода. Такая небольшая разница, улавливаешь?

— Ну да, — неуверенно протянула Татьяна. — И там сидят, и здесь сидят, результат-то один.

— Правильно мыслишь, — похвалила я ее за смекалку. — Только на зоне человек весь срок мотает, извини, отбывает, так, пожалуй, будет правильнее. Если досрочно-условно не освободят, то тогда от звонка до звонка. А в изоляторе у него еще есть шанс потопать домой, в зависимости от того, как фишка ляжет или какой следователь попадет.

Татьяна во все глаза смотрела на меня, пытаюсь запомнить тюремный жаргон, авось пригодится. Она у нас девушка запасливая, то сказку филатовскую цитирует, теперь вот по фене ботать будет, если, конечно, что-нибудь запомнит.

— И ты прямо живых заключенных видела?

— Нет, только мертвых.

— Как это? — удивилась она.

— Да они как к нам на больничку попадали, мало кто выживал, — засмеялась я.

— Почему? Плохо лечила?

— Таня, тебя когда-нибудь погубит твоя доверчивость.

— Ты смеешься, да? — Она обиженно отвернулась и перестала резать салат.

— Ну что ты. Конечно, все выживали и даже досиживали свой срок, — успокоила я ее в надежде все-таки поесть салатик. Татьяна торопливо принялась резать лук и петрушку, поглядывая на меня с любопытством и борясь с явным желанием расспросить еще о чем-нибудь из тюремной жизни. Получилась почти лекция — есть ли жизнь на Марсе, то есть на зоне? И она опять отложила нож, поворачиваясь ко мне с очередным вопросом.

— После салата, — перебила я ее.

Татьяна недоуменно посмотрела на нож, на меня и переспросила:

— Что после салата?

— Все вопросы только после еды, разговоры на такую тему и на голодный желудок могут спровоцировать язвенную болезнь.

— Сама ты язва! Я сейчас сделаю этот несчастный салат, а за это ты мне что-нибудь расскажешь, — пригрозила она; размахивая ножом в опасной близости от моего лица.

— Крыльями-то не маши, то есть руками не размахивай, — быстренько поправилась я, а то еще брякнет кому-нибудь, особо просвещенному, сдуру про крылья, потом хлопот не оберешься.

Наконец-то закончив с шинковкой лука и петрушки, Татьяна все быстренько перемешала, обильно полила салат хозяйским маслом, привезенным из Италии, и подвинула мне. На, мол, ешь и рассказывай.

Не торопясь, все тщательно пережевывая, прямо как Мэри, когда у нее прорезался первый зуб, я стала есть.

— Так ты до вечера не прожужешь! — всполошилась Татьяна. — Жуй давай быстрее, а то Мэри проснется, и мы не успеем.

— Что мы должны успеть? — поинтересовалась я, соскребая со стенок мис-

ки остатки салата.

— Ну расскажи мне, как там? — попросила она, явно рассчитывая на какое-то романтическое повествование.

— Нет там никакой романтики, выброси это из головы раз и навсегда. Там жуткий запах, который пропитывает тебя, твою одежду, обувь. Запах горя, скорби и отчаяния, который преследует осужденных весь срок. А все эти слезливые «Мамочка, мама, прости дорогая» — сопли на глюкозе, за которыми стоит чья-то человеческая жизнь, а возможно, и не одна. Чем горше плачут, тем позорнее статья. Тань, давай не сегодня, как-нибудь в другой раз. Ладно? — Она понимающе кивнула, всматриваясь в мое поскучевшее лицо.

— После Италии, да? Мы же еще увидимся? Ты будешь к нам приезжать?

— Конечно, куда же я без Мэри, без тебя и мадам? Так куда мадам забросила телефон? — спросила я, поднимаясь. — Салат был очень вкусный, спасибо тебе, дорогая.

— В гостиной, кажется, — неуверенно предположила Татьяна.

Да, отыскать что-либо в нашей гостиной задача не простая, с первой попытки не выполнимая. Территория сравнима разве что с полями для игры в гольф и заставлена так обильно, что надо родиться с навыками Штирлица, чтобы что-то здесь найти.

— Какой у нас домашний телефон? — спросила я. — Сейчас с моего мобильного наберу и по звонку найду, куда трубка завалилась.

— Ты не знаешь наш домашний телефон? Почти год проработала и не знаешь? — не поверила Татьяна.

— Да мне он как-то ни к чему — мобильных вполне достаточно, и вообще, меньше знаешь, крепче спишь — уяснила?

— А звонок может Мэри разбудить.

— А вот это вряд ли, она сегодня джигитовкой занималась, Володя был в качестве цирковой лошади, так она до того уездила, что хоть из пушки пали — не разбудишь.

Неужели я мой мобильный дома оставила? В поисках его перерыла всю сумку — не нашла.

— Тань, я выйду во двор ненадолго, кажется, телефон в машине оставила. Заверни мне, пожалуйста, пару отбивных с собой — попросила ее, вспомнив маленького художника, так неожиданно появившегося в нашем дворе.

— А что, дома уже и поесть нельзя? — с обидой выговаривала она мне. — Чего ты все время на ходу жуешь.

— Да я не себе, — объяснила. — Там во дворе малыш, он, конечно, чей-то, но, по-моему, очень голодный, если еще не ушел, то по достоинству сможет оценить твои кулинарные таланты.

— А-а! — Татьяна рысью помчалась на кухню и через пару минут вынесла пакет размером с колесо.

— Ты что, обалдела? Я просила пару отбивных, а не посылку голодающим Поволжья.

— Там соки, печенье, творог, срок хранения сегодняшним днем, Мэри все не съест. Теперь представь, что будет, если папа увидит. Все дружно послушаем лекцию по ботулизму, это как минимум на полчаса, а я домой хотела сорваться пораньше и на лекцию сегодня ну никак не настроена.

Я понимающе кивнула, не совсем уверенная в том, что мальчик все еще во

дворе и не ушел домой.

— Посмотри, как там Мэри, я пока переобуюсь.

— Да спит твоя Мэри, — выходя из детской, сообщила Татьяна. — Ну точно, хоть из пушки пали!

Я быстренько сбежала по ступенькам, выскочила во двор, не оглядываясь. Двор был пуст и какой-то неприятный. Без звонких голосов и детской суеты он совсем стал похож на колодец. Солнце ушло, фонарь, освещавший небольшое пространство, раскачивался на ветру, издавая противный скрежещущий звук. Я внимательно осмотрела весь двор, беседку, в надежде увидеть знакомую худенькую детскую фигурку, но не нашла ее. Положила пакет на лавку, раздумывая: что же теперь со всем этим делать?

«Телефон, не забудь посмотреть в машине телефон», — напонила я себе. Автомобиль приветливо моргнул мне фарами.

— Это ваша машина? — услышала я за спиной детский голос.

Я медленно повернулась, стараясь не испугать мальчишку резким движением.

— Моя.

— Маленькая какая.

— Такая вот, — вздохнула я.

— На вас чем-то похожа.

— Ты так думаешь? — улыбнулась я и спросила. — Ты голодный?

— Я не попрошайка, — с обидой отозвался Миша. — Просто мамка заболела, а больше у меня никого нет. Но она скоро поправится, и у меня все будет: и еда, и все...

— Конечно, все будет. Это Мэри тебе передала, — показав на пакет, сказала я. — Помнишь, такую маленькую девочку на качелях?

— Помню. Ей понравился мой рисунок.

— Ну, вот — это от нее.

— Спасибо, — поблагодарил мальчик с достоинством истинного джентльмена и не очень уверенно взял пакет.

— Там еда и соки, — пояснила я, видя, что он не решается посмотреть, что за подарок от прелестной незнакомки. — И давай с тобой договоримся, пока мама болеет, ты приходи на площадку, ну примерно в это же время, а я буду тебя ждать. Согласен? Нужно же тебе что-то есть, — проговорила я, заметив протестующий взгляд малыша. — Ты ведь не работаешь и, значит, купить тебе не на что, воровать же ты не пойдешь. А я работаю, у меня есть деньги, значит, я могу покупать еду и, если я поделюсь с тобой, то не обеднею. Согласен? — постаралась я все понятно объяснить и при этом не обидеть маленького художника. — Мы договорились? Ты уже взрослый и можешь сам принимать решения. Мама поправится и порадует, что у нее такой разумный сын.

Он внимательно посмотрел на меня, расправил плечи и согласно кивнул:

— Договорились, спасибо.

— Тогда до завтра, — попрощалась я, протягивая ему руку.

Малыш нерешительно протянул свою, потом спрятал за спину и виновато произнес:

— Грязная.

— Не страшно, вот салфетка, а когда придешь домой — помоешь.

Тщательно протерев все пальцы, он с довольным видом протянул мне руку

и крепко сжал мою ладонь.

— Да ты силач, — удивилась я, не ожидая от него такого сильного рукопожатия.

— Папа у меня был спортсмен, тренировал меня, а когда маму бросил... — Миша, не договорил, вздохнул.

Я молча смотрела на него, не представляя себе, как я смогу оставить его одного, такого маленького в пустом, холодном дворе.

— Я пойду, вы не беспокойтесь. Я живу здесь неподалеку, почти рядом.

— Завтра придешь? — все еще не зная, что предпринять, спросила я.

— Приду, я же обещал!

— Тогда до завтра.

Он махнул мне рукой, заворачивая в темную арку двора, а я еще долго тупо стояла, пытаюсь вспомнить, что же мне надо было сделать еще. Ах, да, телефон! И не забыть позвонить Раечке, напомнила я себе, открывая дверцу машины.

— Ты чего так долго? Я уже беспокоиться начала.

— Да так, заговорила.

— Ты же практически ни с кем не общаешься. А тот ребенок, для которого ты брала еду, ты его видела?

— Да. — Я задумчиво листала записную книжку, стараясь не просмотреть Раечкин телефон.

— Он кто? Бомжонок?

— Нет, у него заболела мама, а больше у него никого нет. Отец их бросил, он какой-то известный спортсмен. Одежда на ребенке хоть и грязная, но не дешевая, явно привозная.

— Скотина какая! — ругнулась Татьяна.

— Кто? — переспросила я, не поднимая глаз от записной книжки.

— Да спортсмен этот.

— Ну, наверное, — не совсем понимая, кого она так яростно ругает, согласилась я.

Раечкин телефон упорно не находился, и я начала нервничать. Сейчас придет мадам, а мне и сказать ей нечего, поедет Рая в Италию или не соблазнилась столь заманчивой перспективой «отдохнуть за чужой счет».

— Завтра пакет с едой собрать?

— Что? — Я непонимающе уставилась на Татьяну.

— Еду для мальчишки, — пояснила. Она у нас барышня сентиментальная, сериалы мексиканские по два раза пересматривает и плачет в конце каждой серии.

— Сама заеду и куплю чего-нибудь, нечего хозяйское добро разбазаривать.

— Я тоже куплю, ладно?

— Нашла! — обрадовалась я, увидев Раечкин номер.

— Что? — Татьяна от неожиданности присела.

— Телефон няни, с которой вы поедете в Италию, — и, немного подумав, добавила: — Возможно, если она согласится.

— Надеюсь, она не такая полоумная, как ты? С чего бы ей отказываться.

— Возраст. Раечка дама мобильная и гувернантка замечательная, но возраст — ей слегка за пятьдесят. Не тяжело ей будет, как думаешь?

— А чего это мы за нее мыслить будем? Звони и все узнаешь.

— Тоже верно, — набирая номер, согласилась я с Татьяной.

— Раечка? — начала я медовым голосом и охнула! Татьяна локтем засадила мне в ребро и покрутила у виска.

— Чокнулась, что ли? Сама говорила ей за пятьдесят, и туда же, Раечка... По отчеству надо, — принялась учить меня Татьяна манерам, нашептывая громким басом мне в ухо.

— Раечка, — уже безо всякого меда начала я, пытаюсь подальше отойти от Татьяны. — Со своими манерами сначала разберись, — потирая ушибленные ребра, простонала я.

— Раиса Васильевна, — официально проговорила я, заметив Татьяну в опасной близости от себя.

— Я вас внимательно слушаю, Людмила Валентиновна, — тут же подыграла мне Раечка. — Что у вас там за официоз такой? Вы не на приеме в посольстве? Нет?

— На приеме, — подтвердила я, — у психиатра.

— Это я уже поняла. Что дальше?

— Понятливая вы наша! В Италию нет желания поехать? — наконец-то подошла я к главному.

— А надо?

— Не знаю. Вот стою и думаю, оно вам надо?

— Поеду! Когда?

— Работать, — попыталась остудить я ее пыл.

— Понятное дело — не гулеванить, — выдала Рая свою казачью сущность. Она из донских казачек и очень этим гордится, имея в личном архиве владение пятью иностранными языками и манерами института благородных девиц.

— Точно, поедешь?

— Легко! А с кем? — запоздало любопытствовала она. — Ты что, агентство свое уже открыла? Поездки в Италию предлагаешь...

— Нет, но подумываю.

— А меня кому сватаешь?

— Раечка, я не брачное агентство собираюсь открывать, ты что-то слегка напутала. Хочу предложить тебе поехать в Италию с Мэри. Помнишь малышку, с которой ты работала на Остоженке?

— Жанну Владимировну я запомнила лучше! — проговорила Раечка суровым голосом. — И воспоминания, надо признаться, не самые восторженные.

— Я не предлагаю тебе ею восторгаться, а предлагаю хорошо оплачиваемую работу с ребенком, которого ты знаешь и понимаешь, и не где-нибудь, а в Италии. Почувствуй разницу и проникнись. Ты же профессиональная гувернантка, а не тетенька за три рубля. У тебя как с итальянским языком?

— Лучше, чем с испанским, но хуже, чем с немецким.

— Так ты согласна? Я все правильно поняла? — Я облегченно вздохнула. — Пойми, ну не могу я отдать Мэри в чужие руки. А времени для разгона совсем не осталось, потому что через неделю они улетают. Нужно все быстро оформить, визы, билеты.

— Хорошо, — Раечка слегка замялась, — но все финансовые вопросы по поводу моего контракта ты решаешь сама.

— Естественно, раз я тебя рекомендую.

— Тогда поеду! Лучше тебя только Онасис может договориться.

— Завтра привози паспорт и справку о зарплате. Тамара Владимировна все сделает, ты только позвони ей предварительно.

— До завтра!

— Повтори итальянский, и чтобы был лучше, чем испанский и немецкий вместе взятые, — посоветовала я, отключая телефон.

— Может, мне в няньки податься? — задумалась Татьяна, натирая поверхность до зеркального блеска. — Ты меня научишь?

— Ученого учить — только портить.

Танюшка зарделась от удовольствия и выдала:

— Вот, на чужих потренируюсь и своего рожу.

— Ты только на собеседовании так не скажи, мало кому захочется, чтобы на его ребенке тренировались.

— А что, еще и собеседование нужно проходить? — занервничала Татьяна, она уже видела себя в роли Макаренко и прикидывала, насколько увеличится ее заработок, если все сложится удачно.

— Ну а как ты думала?

— А как это — собеседование? — заинтересовалась она.

— Примерно так. — Я уселась в кресло, ясно понимая, что разговор может затянуться, и пояснила: — Из десяти претенденток нужно выбрать одну. Это в приличных агентствах, потому как женщин в Москве с педагогическим или медицинским образованием много, и все хотят заработать. Конкуренция такая, что хоть дустом их трави.

— А в неприличных? — не сдаваясь, спросила Татьяна. — Может, хоть там удастся проскочить?

— Там — бери, что предложат. Есть у них в базе данных несколько человек, вот их и рекламируют, мешая в кучу все их достоинства и недостатки.

— Как это?

— Ну, убеждают, что их работник и швец, и жнец, и на дуде игрец. А в жизни так не бывает, чтобы и няня, и домработница, и повар в одном лице. В неприличных агентствах заключают контракт с няней, приглашают ее для работы с ребенком, но при этом нагружают как домработницу, правда, платят как няне, но требуют как с телохранителя.

Таня разочарованно посмотрела на меня и спросила:

— А ты? Ты тоже такие собеседования проходишь?

— Раньше проходила.

— А сейчас?

— Сейчас я сама выбираю, с кем и где мне работать... — Я не успела договорить, потому что раздался звонок.

— Кажется, мадам вернулась, — Татьяна резво подскочила. — Ты мне потом подробнее расскажешь, ладно?

Радостной после визита в агентство Жанна Владимировна не выглядела. Раздраженно снимая шляпку, до смерти надоевшую ей за целый день, она устало произнесла:

— Завтра придет одна женщина, возможно, это то, что мы ищем.

— Но вас что-то не устраивает? — предположила я, пристально наблюдая

за Жанной.

— Я посмотрела десять человек, — разочарованно сообщила Жанна. — И из десяти мне понравилась только одна.

— Вам еще приличное агентство попало, — встряла Татьяна. — Хорошо еще, что десять человек было, а если бы меньше? Вообще бы никого не нашли!

— Таня, что значит приличное агентство? — Жанна недоуменно уставилась на домработницу. — Я езжу только в приличные места!

— Это вам только так кажется. — Татьяна легкомысленно махнула рукой, игнорируя мои слабые попытки ее остановить. — С виду они все приличные, а предложат какую-нибудь аферистку, вот тогда намучаемся с ней в Италии.

— Люда, я не совсем понимаю, — запаниковала Жанна. — Вы-то хоть можете объяснить, что все это значит?

— Многие знания — многие печали, — произнесла я, выразительно поглядывая на Татьяну. — Давайте для начала посмотрим, что там за претендентка, а потом решим, подходит она для Мэри или нет.

— Таня, там отбивные остались? — озабоченно спросила Жанна. — Я что-то нервничаю сегодня весь день.

— А как же диета?

— Какая диета, когда такие нервы! — Жанна решительно направилась в сторону холодильника, но через секунду остановилась и спросила: — Вы дозвонились Раечке?

— Да.

— И что? Она сможет поехать с нами?

— Думаю, что да.

Жанна облегченно вздохнула и скомандовала:

— Отбивную, кетчуп и телефон.

Татьяна довольно заулыбалась, одной рукой поливая кетчупом отбивную, другой протягивая Жанне телефонную трубку и напевая при этом марш Мендельсона в танцевальной вариации.

Все решилось на удивление быстро. И все так удачно складывалось до самого отъезда семьи в Италию, что я даже слегка занервничала. Ну не может быть все так замечательно. Просто как в сказке про Золушку. Жанна получила все, о чем мечтала, — и принца, и туфельку, и новенькую «Вольво», чтобы ехать с принцем к алтарю. Раечка подружилась с Мэри и радовалась возможности заработать в Италии, посмотреть страну. Татьяна, окрыленная перспективой отхватить богатого итальянца, тоже пребывала в радужной эйфории от грядущих перемен в личной жизни и романтических впечатлений в далекой солнечной Италии.

Мы сидели в маленьком кафе — Сергей Николаевич пригласил меня пообщаться в связи с моей новой работой. Ну, захотелось человеку сделать доброе дело, и теперь было интересно, что из этого получилось? Не в смысле моего заработка и перемены моего статуса, а в плане новой попытки, нового старта. Вообще-то это был уже третий старт в моей жизни. Когда я только начинала после училища работу медсестрой в стационаре, я сразу поняла, что это у меня получается и чем дальше — тем лучше.

— Людмила, а интересно, почему же вы не попробовали поступить в инсти-

тут? С вашими способностями и характером, я считаю, вам непременно повезло бы?

— В медвузе учиться не хотелось, хотелось жить независимо, радоваться достижениям. Я была лучшей среди равных, и мне это нравилось. Чтобы учиться дальше, не хватило пороха, уверенности в себе тогда еще не накопила. А прочного тыла за спиной у меня никогда не было. На колготки и косметику сама себе зарабатывала с пятнадцати лет, после второго курса. Знаки признания, похвалы по поводу моих трудовых успехов казались мне слишком хрупкими, не совсем полноценными, из разряда «на безрыбье и рак — рыба».

— Наверное, вам просто не повезло с наставниками. В самом начале всегда нужен человек, которому хочется верить, и чтобы он сказал главные слова про будущее, про твой талант, про твои перспективы и возможности.

— Вот именно. А мне в то время не встретился никто из старшего медперсонала, кто мог бы стать для меня настоящим авторитетом. Ведь в юности, сами понимаете, хочется идеала, чтобы совпадало и человеческое, и профессиональное, и глазу приятно было бы... Так сложилось отчасти из-за того, что нагрузки на работе были невероятные: постоянные ночные дежурства, подмены, требования предельные. А ведь и погулять хочется, повстречаться, одеться-обуться и так далее.

— Так что, мединститут не стал для вас заветной мечтой, — с улыбкой констатировал мой понятливый собеседник.

— В то время мне казалось, что главного в жизни он мне не даст. Во всяком случае, далеко не сразу — ни профессионального успеха, ни гарантий карьеры, и уж тем более материальной независимости. На переднем плане у моих дипломированных коллег был тяжелый труд и груз ответственности, а этого добра и в моем формате хватало.

Сергей Николаевич с удивлением слушал мой монолог, похоже, ему были не в тягость мои откровения:

— Продолжайте, пожалуйста, мне интересно.

— Про дисциплину не мне вам рассказывать, требования по максимуму для среднего персонала — это обыкновенное дело. К этому я быстро привыкла, хороший результат как цель, и непременно признание моего успеха окружающими — я жила внутри этой цепочки довольно долго, и это заполняло почти все мое время. Где его было тогда взять для дальнейшего образования?

— А все-таки, хотелось ведь большего? — улыбнулся Сергей Николаевич.

— Вы хотите все мое прошлое выведать? — Я догадывалась, что его доброжелательное любопытство неспроста, но не понимала почему?

— ...Если у вас есть время, то не будем откладывать самое интересное! — И Сергей Николаевич демонстративно устроился поудобнее.

«Ну что ж, коли так любопытно, слушайте мою анкету!» — решила я.

— ...Я уехала в Германию, как военнообязанная, приложив для этого невероятные усилия и принеся немалые жертвы по меркам того времени и по мнению моих сверстников. А вернулась уже с мужем и маленьким сыном. Нужно было начинать все сначала, почти на пустом месте: искать работу, жилье. Моя работа всегда мне нравилась, не нравилась только зарплата и полное отсутствие свободного времени, поэтому пришлось-таки вопрос заработка поставить на первое место. После жизни в Германии я уже не могла смиренно принять условия и уровень жизни, который у нас, медсестер, по-моему, так и не

изменился: работаешь реально за троих, отвечаешь за пятерых, а получаешь как все. Я уже доказала на всех рабочих местах, что могу быть и самоотверженной, и выносливой, и суперответственной, но мне как никогда нужна была материальная компенсация за мои сверхусилия. Потому как юношеский энтузиазм иссяк. Короче говоря, при первой же возможности я стала менять свое направление. — Я допила мой кофе и глянула на моего собеседника.

— И как вам удалось так резко повернуть в жизни? У вас такие хрупкие ручки, — проговорил он после небольшой паузы.

— Я всегда мечтала научиться водить машину, между прочим, но раньше не было такой возможности, поэтому пришлось виртуально рулить по ухабам собственной биографии. Когда я оказалась на новом перекрестке, в свободном, так сказать, плавании, пришлось опять доказывать свое соответствие. Думать об отдаленных перспективах и о возрастных проблемах тогда было некогда, да и бесполезно — откладывать на черный день было не из чего. Теперь, спустя десять лет, скорость моей жизни почему-то резко возросла и из туманных далей будущего уже видно: трудовой стаж по документам 15 лет, а реально — 25, последняя аттестация по специальности проводилась десять лет назад. И никакого тыла! Куда теперь поворачивать с такими габаритами? — засмеялась я.

Понятно, вопрос я задала риторический. Может быть, этот брюнет с лицом провинившегося ангела явился, чтобы прояснить мне самые важные вопросы? Взгляд у него грустный, беспорочный, глаза какого-то дымного цвета — смотрят и ласкают мое лицо. Чем же я его так окрылила? По глазам и рукам вижу, что он мой ровесник, хотя во всем остальном по-юношески легкий, сухопарый. Приятно с ним сидеть, знать, что нравлюсь ему, и придумывать себе, что может получиться из нашей «деловой» встречи.

И потом мне пришло в голову записать все это на бумагу, да так, чтобы было интересно читать. Я старательно вспоминала весь прошедший год, записывала события, произошедшие со мною, и мечтала открыть собственное агентство, мотаясь по всей Москве, выбирая помещение под офис. А в выходные была занята работой в больнице, где с усердием вспоминала навыки операционной сестры, получая от работы крошечную зарплату и огромное удовольствие.

Позвонил Володя. В моей голове от его голоса будто щелкает какой-то тумблер и начинается выработка волн. А в голове и в мыслях толчки от этих волн: да-нет, да-нет... Голос мягче — тверже, голос тише — громче, быстрее — медленнее. Я забываю: это он хотел меня услышать и позвонил, или я хотела ему что-то сказать? Володя пригласил меня на концерт. Это в Кремлевском дворце, вечером после работы. Назвал день, час, спросил, реально ли это для меня. Я должна что-то сказать, чтобы он понял, что ради этого события мне предстоит выкроить себе целый свободный вечер, что это непросто, но я приложу все силы и т. п. На самом деле я просто не была готова к такому походу. Вообще музыка для меня это такой мир, который существует по своим законам, параллельно с моей жизнью. Если я что-нибудь слушаю или напеваю сама себе — это просто такой материал из звуков и слов, который можно употребить внутрь, как напиток или как еду, иногда, очень редко, как лекарство. Музыкой это трудно назвать, невзирая на мелодию и ритм.

Но если я попадаю на концерт или вдруг оказываюсь в зоне реального зву-

чания музыки, то пусть она мне даже не нравится, но впечатление создается такое, будто у жизни появился вкус. То есть можно сказать, что я меняюсь и внутри происходят какие-то перестановки: то, что в жизни занимало первое место, — уходит на второе или дальше, а то, чего раньше вообще не замечала, занимает первый ряд. От этого становится неудобно и непонятно: нужно ли привыкать к себе другой, или надо снова все расставить, как было? Однако об этом обычно некогда думать, так пусть все будет, как было! Но почему тогда становится больно внутри? Никто еще мне не подсказал, почему от настоящей музыки появляется такая неопределенность, и это напрягает. Поэтому, наверное, классической музыке я предпочитаю понятные песни.

Одно дело, когда ты слушаешь сама для себя. И совсем другое, когда вместе с милым. Я догадывалась: Володя ведет меня на концерт, чтобы я услышала и поняла то, что он хочет мне высказать, чтобы оценила его выбор, вкус, взгляды. А еще для того, чтобы в наших разговорах и беседах поселилась бы общая тема с вариациями: концерт, музыканты, публика, критика. Тогда он сможет блеснуть своей эрудицией передо мной. Поэтому надо мне постараться, договориться, чтобы освободить время для этого похода.

Мы пошли на концерт, и я услышала, наконец, эту знаменитость — Олега Митяева.

Мой выходной вариант в одежде традиционный — белый верх, черный низ. Происхождением и видом моих брюк и блузки я была довольна, они соответствовали месту и времени. Привела в порядок голову и все разгладила, — терпеть не могу жеваный фасад. Никаких украшений, кроме колечка — подарка Жанны и Майкла, и духи — уже на выходе. Посмотрелась в зеркало: лицо усталое, но глаза блестят и улыбка отличная! Володя ждал меня в такси, чтобы не заморачиваться с парковкой. Через несколько минут мы вошли в сияние-мерцание дворцового великолепия, и наши души, притаившись, принялись изучать окружающую среду, всю эту малознакомую флору и фауну меломанов. Из глубины сознания выплыли какие-то пионерские впечатления от давнего первого похода в этот же зал. Вспомнилось, как я расстроилась из-за того, что челка, уложенная романтической волной, прилипла под шапкой к голове. Сейчас-то можно носить на голове что только вздумается — все нормально, многие вообще в любую погоду без головных уборов. Но я по-прежнему могу расстроиться из-за прически. Володе проще, у него очень короткая стрижка — форма головы не вызывает вопросов, и вообще, на его полуспортивном фоне я выглядела просто блестяще. На нем был свитер и джинсы, все новенькое, хорошо сидящее. В целом я была довольна нашим тандемом и могу отвлечься на окружающих, хотя уже пора занимать места.

Хлопали барду долго и горячо, а цветов было совсем мало.

После концерта лица у всех выглядели будто умытые: мягкие, нежные взгляды куда-то вдаль, улыбки направо — налево, как в гостях у родственников. Что все-таки происходит с людьми во время концерта? Я лично просто сидела и слушала. Когда в зале рядами начали подпевать, мне тоже захотелось, но я не знала ни одной песни. Мелодии вроде были знакомые и слова простые, если не сказать примитивные, но мне незнакомые. Хотелось запомнить необычные, незатертые словосочетания, мне казалось, что они совпадают с моими забытыми мечтами из юности, со словами, спрятанными и потерянными

ми от переживаний первой любви...

В фойе какая-то барышня «типа модель» вся в трепещущей бахrome выдала своему спутнику в надежде, что ее услышат другие:

— Приятный у него голос, еще бы мыслей побольше.

Другие даже не хмыкнули — вроде как пукнула в небо. А меня это разозлило. Из-за этой евроматрехи мои нежные любовные призраки закачались и упорхнули из сердца. Володя деликатно спросил, не устала ли я, заметив на моем лице невольную гримасу. Мы сели в такси. О впечатлениях спрашивать не стал. А мне хотелось, чтобы он что-то сказал, вспомнил — я спряталась бы за его слова. Вот поехать бы к нему, остаться, рассказать ему все мое детство, вывернуть бы душу, как карман, и рассматривать, перебирать содержимое этого кармана, откладывая ненужное в сторону. Мы молчали, и мне было неловко за мою обыкновенность. Возникла тишина, но не такая, когда нечего друг другу сказать, а от переполненности, когда слов много, но они замерли в нерешительности. Я хотела бы, чтобы мы ехали бесконечно, но машина тем не менее остановилась. Приехали. Володя подал мне руку, помог выйти, а потом не отпустил руку, а я ее не отняла. Он притянул меня к себе, сердце у него стучало, как бомба с часовым механизмом — вот-вот рванет, и все полетит в клочья: прошлое, настоящее и будущее. И пусть!

— Родная, — тихо произнес Володя.

И я согласилась, мы были с ним одного рода и вида.

С утра весь день что-то происходило, какие-то домашние дела. День вылетел из головы. Остался вечер. Мне хотелось услышать Володин голос, увидеть его, но, вспомнив вчерашнее прощание, я подумала, что привычные слова погасят и сотрут в прах мое желание, и мой последний роман не выдержит отсрочки. Ну что мне делать?

— Володя! — открыла я сотовый.

По маленькому экрану побежали строчки «эсэмэски»: «Довольно, я устал сдаваться памяти, я признаю себя всего лишь сном... живущие, вы так друг друга раните, не ведая, где встретитесь потом... А поцелуй, как свиток, продолжается, и тот же вкус миндальный на губах... любовь, как лес осенний, обнажается, птенцы живут в заброшенных домах»...

Я проснулась с диким криком: «Не-е-е-ет! Этого не может быть!»

Села в постели, но не могла отдышаться: ощущение стянутого на груди обруча. Ни вздохнуть, ни выдохнуть. «Это же только сон, все в порядке», — принялась уговаривать сама себя.

Был последний день октября, день рождения Володи. Я хотела позвонить ему, поздравить, сказать ему наконец-то, какой он замечательный, как он мне дорог, как хорошо, когда он бывает рядом.

Набираю знакомый номер, я набирала его сотню раз, когда была нужна его помощь, поддержка, участие.

— Володя, поздравляю вас! Желаю вам всего-всего! Как вы, где вы?

— Да, спасибо. — Знакомый милый голос, но слова какие-то медленные, тянутся. — Я в самолете, мы падаем.

Я отчетливо понимаю... это — правда, на самом деле случилось что-то ужасное.

— Нет!!! — Мой голос буквально закипел. — Вы самый... Вы мой... Я так люблю...

Слезы с хрипом застряли в горле, сердце сейчас вылетит.

— Я тебя так люблю, так жду, дышать не могу без тебя, постарайся, вернись! — Своими словами, признаниями и просьбами я как будто цеплялась за его живой голос, чтобы он говорил, чтобы он жил, словно держала его на ладони и знала, что удержу.

— Ты самый лучший, мой любимый, родной, единственный, я прошу тебя, солнышко мое!

— Люда! Все хорошо, мы сели...

Гудки, нет связи.

Совершенно не думая о том, что раннее утро, я стала нажимать кнопки телефона.

Увы, длинные гудки... Ну, наконец-то.

— Да, я слушаю, — ответил такой знакомый, бархатный голос.

— Володя, с вами все в порядке? — спросила я, стараясь дышать ровнее.

— Да, все в порядке, а что случилось? — услышала едва заметное удивление.

Оно и понятно, позвонила в пять утра и начала что-то мямлить про дурной сон. С ужасом поняла, как это нелепо. Тем более что сон плохой, а значит, рассказать его можно только после полудня (есть такое поверье). Но если не рассказать, буду выглядеть вообще законченной идиоткой.

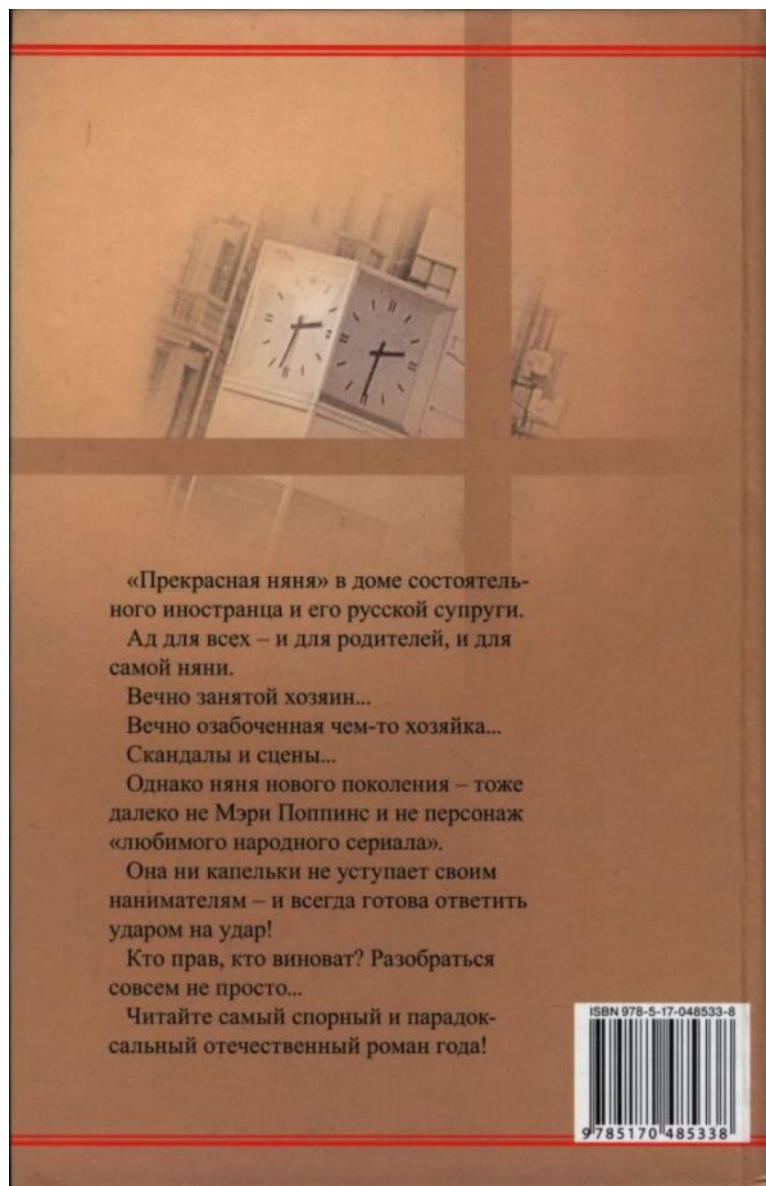
— Володя, можно, я сейчас не буду ничего рассказывать? Позже, ладно?

— Да, конечно. Приснилось что-то ужасное? Я перезвоню сам, когда можно будет, хорошо?

— Конечно, — согласилась я, с трудом представляя себе, как буду все это ему рассказывать.

...Я набрала номер знакомой стюардессы и спросила, когда сел рейс...

— Люда, он сел точно по расписанию...

«Прекрасная няня» в доме состоятельного иностранца и его русской супруги.

Ад для всех — и для родителей, и для самой няни.

Вечно занятой хозяин...

Вечно озабоченная чем-то хозяйка...

Скандалы и сцены...

Однако няня нового поколения — тоже далеко не Мэри Поппинс и не персонаж «любимого народного сериала».

Она ни капельки не уступает своим нанимателям — и всегда готова ответить ударом на удар!

Кто прав, кто виноват? Разобраться совсем не просто...

Читайте самый спорный и парадоксальный отечественный роман года!

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.